

**Жалал-Абадский государственный
университет**

Филологический факультет

**Кафедра межкультурной коммуникации и
лингвистики**

Учебно-методический комплекс

ПО ВВЕДЕНИЮ В СПЕЦФИЛОЛОГИЮ

**Жалал-Абад
2020**

Учебно-методический комплекс вводит читателя в мир науки о слове, знакомит с ее основными понятиями и терминами, вовлекает в обсуждение теоретических вопросов филологии, демонстрирует ее исследовательский инструментарий.

Для учителей словесности и учащихся профильных классов, студентов филологических факультетов, а также для читателей, заинтересованных в изучении основ филологического образования на современном этапе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ФИЛОЛОГИИ	9
Что такое филология (9). Филология в классификации наук (14). Объект и предмет филологии (21).	
ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	28
Различие естественных и гуманитарных наук (28). Что объединяет естественные и гуманитарные науки? (32)	
ТЕКСТ В ФИЛОЛОГИИ	32
Что такое текст (36). Смысл как основа текста (37). Неоднослойность текста (39). Текст и дискурс (41). Бессознательное в структуре познания и в творчестве (41). Система языка и бессознательное (44). Процесс коммуникации и бессознательное (46).	
ПАРАЯЗЫК В ТЕКСТЕ	49
Двуканальность устной речи. Параязык (49). Паракинесика (50). Парафоника (50). Информационная емкость параязыка (53). Теоретический аспект изучения параязыка (55). Телесная природа сознания (56). Прагматический аспект изучения параязыка (57). Паралингвистика (парафилология) (58). Художественно-творческий аспект параязыка (58). Л.Н. Толстой о параязыке (60). Параязык в художественном тексте (61). Поиски строевых единиц параязыка (64). Понятийно-терминологический аппарат паралингвистики (65). Параязык и внутренняя речь (68). Сопоставительный анализ параязыка в художественных текстах (72).	
ПОЛЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА	75
Понятие о научном знании (75). Понятие о вненаучном знании (77). Наивная лингвистика (79). Филологическая паремиология (80). «Народная», или ложная, этимология (81). Наивное литературоведение (82). Олитературенные формы вненаучной филологии (83). Поэтическая филология (83). Терминологическая неология (90). Эпистолярная филология. Филологическая деятельность персонажей как элемент сюжета художественного произведения (91). Сюжетная филология (97). Наивная фило-	

логия в литературной критике (98). Место неявного знания в филологическом анализе (99). Взаимоотношение научного и внеаучного знания (100). Псевдонаучное знание (101).

СТРУКТУРА ФИЛОЛОГИИ КАК НАУЧНОГО ЗНАНИЯ..... 106

Дисциплинарная структура науки (106). Первоначальное единство отечественной филологии (107). Начало дифференциации филологии (108). Общенаучные предпосылки дифференциации филологии (109). Закономерность дифференциации (110). Дефиниции литературоведения и лингвистики (112). Своеобразие предмета литературоведения (113). Место лингвистики в структуре научной филологии (115). Доминирование лингвистики (116). Базовый характер лингвистики (118). Ограниченность возможностей лингвистики (120). Основания для единства филологии (121). В поисках единства филологии как научного знания (122). Центристремительные тенденции в филологии (125). Текст как стимул интеграции филологии (125). Дискурсивный анализ и его роль в сближении филологических дисциплин (126). Возникновение новых внутрифилологических наук (127). Становление новой словесности (129). Теоретическое осмысление общифилологических вопросов (129).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ФИЛОЛОГИИ

132

Понятие о научном исследовании (132). Этапы научного исследования (133). Специфические черты филологического исследования (134). Филологическое исследование и мир бессознательного (141). Интуиция в науке (141). Методология филологических наук (144). Научный метод (147). Ограниченность любого научного метода (148). Методика «конкретного литературоведения» (150). Мотивный метод (152). Метод, близкий к эксперименту (153). Биографический метод (153). Интертекстовый анализ (154). Контент-анализ (156). Автоматизированный конкорданс (159). Точные методы в филологии (169). Интерес филологии к математике (169). «Точное литературоведение» (170). Языкознание и математика (178). Изучение

авторского идиостиля (180). Ограниченность количественных методов (187). Методика лингвистического эксперимента (188).

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ (филология среди других наук)	193
Филология среди гуманитарных наук (194). Филология и науки о культуре (198). Филология и социально-экономические науки (202). Филология и науки психолого-педагогического цикла (208). Кооперация филологии с науками математического и естественно-научного цикла (210).	
Заключение	230
Литература	231

ПРЕДИСЛОВИЕ

Культура общества определяется в том числе и тем, как оно относится к науке о слове. Внимание к филологии — тест на интеллектуальную зрелость индивида безошибочный. В филологическом образовании замечен известный парадокс. Каждая наука и научная дисциплина может предъявить соответствующую учебную книгу: физика — «Физику», химия — «Химию», история — «Историю» и т.д. Исключение составляет филология. Филологические факультеты или степень кандидата и доктора филологических наук есть, а учебника или учебного пособия с соответствующим словом в названии нет. Правда, в 2011 г. в свет вышло учебное пособие профессора А.А. Чувакина «Основы филологии», пока остающееся в гордом одиночестве.

Углубление профильного обучения в средней школе, наличие классов филологического профиля, основные образовательные программы по филологии в высшей школе и государственные образовательные стандарты настоятельно требуют учебных книг по введению в филологию, ее основам, по истории и методологии филологии и т.д. Появление таких книг и внедрение в широкую образовательную практику, вне всякого сомнения, стимулировало бы содержательную дискуссию по фундаментальным вопросам науки и научных дисциплин о слове. Среди этих вопросов первым является вопрос о статусе филологии. Нет однозначного понимания, что это — область знания, единая наука, совокупность научных дисциплин, методология или общий подход. Педагогов занимает вопрос о характере филологизации образования, о филологической компетенции и т.д.

Для нас филология — это *наука*, имеющая своим *объектом текст* как целое, а *предметом* — *смыслы*, воплощенные в языковых и параязыковых структурах этого текста, а также все

явные и неявные закономерности текста и свойства, характеристики составляющих его единиц. В свое время публикаторы труда Г.О. Винокура «Введение в изучение филологических наук» Т.Г. Винокур и Р.М. Цейтлин отыскали в архиве ученого замечание Г.О. Винокура, сделанное на защите докторской диссертации по текстологии и языку Пушкина: «Несмотря на двойственный по внешности характер предлагаемого труда, содержащего в себе, с одной стороны, историко-литературные работы, а с другой — лингвистические и стилистические, сам я смотрю на себя, как на автора этого труда, не как на историка литературы и не как на лингвиста, а прежде всего как на филолога в специфическом значении этого термина. Обе эти науки — сестры, произведения одинаково ориентированного сознания, которое ставит себе задачей истолкование текста. Вот об этих-то общих, собственно филологических задачах обеих наук, служению которым я посвящаю свои силы, мне и хочется напомнить предлагаемым трудом». Филология — это выявление и исследование смыслов с помощью тесной кооперации языкознания и литературоведения.

На наш взгляд, учебная дисциплина «Введение в филологию» должна включать в себя такие темы, как объект и предмет филологии; особенности гуманитарного и в том числе филологического знания; текст в филологии; параязык в художественном тексте; понятие о научной и вненаучной филологии; структура филологии как научного знания; исследовательский инструментарий филологии; родственные и кооперативные связи филологии с другими науками.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ФИЛОЛОГИИ

|| Что такое филология. Филология в классификации наук. Объект и предмет филологии. ||

Что такое филология

Что такое филология?

С одной стороны, эта наука относится к числу наиболее развитых. Она располагает определенным предметом, точными методами его изучения, системой теоретических выводов и накопленных знаний, широкой сферой приложения к общественной практике [Волков 2007: 23]. С другой — филология остается наукой нерешенных проблем, на которые указывают все, кто с ней соприкасается.

Обратимся к истории филологии и сопоставим понимание соответствующего термина у отечественных представителей филологического знания, начиная с XVIII в.

В.К. Тредиаковский, по праву гордо именовавший себя филологом, свою науку отождествлял с элоквенцией 'красноречием'.

Его молодой современник М.В. Ломоносов первым в отечественной науке сформулировал определение термина *филолог*. В иллюстрационном диалоге из «Краткого руководства к красноречию» есть реплика: «Филипп. Истинно я начну и постара-

юсь, чтобы мне из Филиппа сделаться филологом*». Последнее слово снабжено сноской: «Филолог — охотник к наукам» [Ломоносов 1952: 342].

В «Словаре Академии Российской» слова *филология* нет, но есть три однокоренных слова — *филолог*, *филологический*, *филологически*. Если *филолог* в нем толкуется как 'любослов' [САР: 6: 488], то потенциальное слово *филология* значило бы 'любословие'.

Одно из первых определений термина филологии дал Н.М. Яновский в своем «Новом словотолкователе...» (1806): «ФИЛОЛОГИЯ, *Гр.* Любление и учение языков и словесности; наука, содержащая в себе правила и примечания, служащие ко всеобщему познанию языков, их критики, значения как собственного, так и переносимого их слов и речений и наконец всего того, что имеет отношение к выражению в разных наречиях народов как древних, так и новейших. <...> К филологии относятся различные отрасли человеческих познаний, кроме высоких наук математических и физических» [Яновский 1806: III: 987—988].

В.И. Даль в знаменитом словаре науку о слове также не обошел. «Филология, языковеденье, наука или изученье древних, мертвых языков; изученье живых языков» [Даль 1980: 4: 534]. Если В.И. Даль, предельно сужая понимание филологии, сводит ее к языкознанию, то большинство последующих авторов расширяет понимание филологии, включают в нее и культурологический аспект.

В авторитетном «Русском энциклопедическом словаре» И.Н. Березина термину *филология* посвящены две статьи: «Филология сравнительная» и «Филология». Первая трактуется им в духе компаративистики — ведущего направления в науке тех лет, вторая — *любаязычие* — представляет собой краткий очерк содержания этого понятия от Античности, где ораторское искусство достигло верхов словесного мастерства, до второй половины XIX в., когда она разделилась на две ветви: «науку о языке и литературе народа» и науку о народе. В первом случае в центре внимания остаются проблемы грамматики, критики и герменевтики, а во втором — этнологии и культурологии (см.:

[Березин 1878: 215]). Для того времени такое понимание филологии было заметным шагом вперед.

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона филология мыслится в составе единой историко-филологической науки и определяется как «наука, имеющая своим содержанием изучение творений человеческого духа, т.е. в их развитии» (см. переизд.: [Зелинский 1993: 811]).

«Энциклопедический словарь» Русского библиографического института «Гранат» филологию определяет так: «любовь к слову, к изучению слова-мысли» [Риттер 1926: 511]; «обращенная к памятникам сторона историко-филологической науки» [Там же: 512].

С.С. Аверинцев в «Краткой литературной энциклопедии» филологию определил как «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов». Правда, в этой статье ниже есть примечательная фраза: «Правильнее видеть в Ф. широкую, но внутренне единую и самозаконную форму знания, которая определяется не столько границами своего предмета, сколько специфическим подходом к нему» [Аверинцев 1972: 974].

Для Е.Д. Поливанова филология — это совокупность дисциплин общественных наук, изучающих явления культуры, отраженные в памятниках слова, т.е. в языке и в литературных источниках, а также (поскольку другие искусства, в свою очередь, тесно прилегают к литературе) и в памятниках других искусств [Поливанов 2010: 129—130].

Р.А. Будагов называл филологию совокупностью наук, изучающих культуру разных народов, прежде всего в том виде, в каком она выражена в языке, в письменности, в художественной литературе [Будагов 1976: 14].

Показательны итоги дискуссии 1979 г. «Филология: проблемы, методы, задачи» на страницах журнала «Литературное обозрение». Выступления известных литературоведов, лингвистов и философов Я. Билинкиса, М. Гаспарова, М. Гиршмана, В. Григорьева, В. Кожина, Д. Лихачёва, Ю. Лотмана, А. Маркова, В. Федорова о разных аспектах филологии не привели к

возникновению единой концепции базовых основ этой области гуманитарной науки.

Спустя почти 20 лет С.И. Гиндин констатировал, что какого-либо единственного определения филологии нет даже в специально посвященных этой теме работах Г.О. Винокура. Определение можно реконструировать благодаря высказываниям Г.О. Винокура о сущности филологической работы. Например, «филолог — не “буквоед” и не “гробокопатель”, а просто — лучший из читателей: лучший комментатор и критик. Основная обязанность филолога именно в том и состоит, чтобы понимать решительно все» (цит. по: [Гиндин 1998: 5]). Заметим, что Г.О. Винокур определял филологию не прямо, а через структуру текста и рассуждения типа: «...нет сомнений, что чтение — это искусство, которому надо учиться... мастер чтения и есть тот человек, которого мы называем филологом. Самое же искусство читать в предполагаемом здесь смысле справедливо будет обозначать в этом случае словом “филология”» [Винокур 1981: 38—39]. Если для Г.О. Винокура филология — искусство читать, то для С.С. Аверинцева филология — исследование человеческого мира, организованного вокруг текста и увиденного через текст [Аверинцев 1972: 975].

Ю.В. Рождественский считал филологию «средостением между учением о языке и учением о литературе». В филологии он выделял общую филологию, изучающую соотношение различных способов и форм применения языка в общественно-языковой практике, учету и описанию сфер общения и историческому опыту нормирования общественно-языковой практики [Рождественский 1979: 3].

Неслучайно, что за последние три года в научной периодике были опубликованы статьи с абсолютно одинаковым названием

«Что такое филология?» [Никитин 2010; Хроленко 2010; Аннушкин 2012]. Публикация О.В. Никитина представляет собой републикацию забытой статьи Ф.Ф. Зелинского «Филология» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона [Никитин 2010]. В двух остальных содержится авторское понимание природы филологии. О нем разговор ниже.

Современные энциклопедии и словари на вопрос, что такое филология, отвечают так.

«*Филология* — наука, изучающая культуру, язык и литературу того или иного народа» [<http://www.glossary.ru>].

«*Филология* — название группы дисциплин (лингвистика, литературоведение, текстология и др.), изучающих человеческую культуру через текст» [<http://www.lan.krasu.ru>].

«*Филология... совокупность методов и приемов исследования* памятников письменности с точки зрения языка, стиля, исторической и этнической принадлежности» [БЭ 2006: 54: 476—477].

Итак, в дефинициях статус филологии определяется по-разному:

- (1) наука;
- (2) название группы дисциплин;
- (3) область гуманитарного знания;
- (4) совокупность методов и приемов исследования памятников письменности.

В условиях отсутствия общепринятого определения термина возможны и весьма неожиданные дефиниции. Так, в аннотации к одной из монографий утверждается, что в настоящее время текст рассматривается как *сфера филологии — литературоведческой дисциплины, изучающей произведения письменности в целях установления их особой организации* [Аверьянов 2008].

Составители зарубежных энциклопедий столкнулись с той же самой науковедческой проблемой. Французский лингвист Ж. Марузо термин *филология* толкует так: «Это слово обычно обозначает изучение литературы вообще, но более определенным образом (за исключением собственно исторических дисциплин — истории, науки о древностях) — изучение письменных памятников и той формы языка, с которой они нас знакомят, а в еще более специальном смысле — изучение текстов и их передачи, за исключением исследования языка, которым занимается языковедение» [Марузо 1960: 326].

Знаменитая энциклопедия «Britannica» ограничилась несколькими строчками: «**Philology**, a term now rarely used but once applied to the study of language and literature. Nowadays a distinction is usually made between literary and linguistic scholarship, and the term philology? Where used, means the study of language — *i.e.*, linguistics (*q.v.*). It survives in the titles of a few learned journals that date to the 19th century. Comparative philology was a former name for what is now called comparative linguistics (*q.v.*)» [Britannica 1994: 9: 387]. Из словарной статьи ясно, что сам термин «филология» используется редко и относится к сфере языковедческих и литературоведческих штудий. Чаще всего он означает изучение языка, а потому сравнительная филология постепенно становится компаративной лингвистикой. В XIX в. слово *philology*, сообщает словарная статья, входило в названия некоторых учебно-методических журналов. Таким образом, филология, в интерпретации британских лексикографов, предстает как нечто выморочное.

Обескураживает факт отсутствия самого понятия и термина *филология* в справочниках филологического характера. Так, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (М., 2001) соответствующее понятие и термин отсутствуют, хотя указан *филологический метод*.

Филология в классификации наук

К пониманию сути филологии можно подойти со стороны науковедческой таксономии — определить место филологии среди других областей познания.

Известно, что науки классифицируются со времен Аристотеля, который выделял *теоретическое* знание — познание ведется ради него самого, *практическое* — вырабатывает идеи, руководящие поведением человека, и *творческое* — познание осуществляется для достижения чего-либо прекрасного¹.

¹ В первой главе шестой книги «Метафизика» Аристотеля сказано: «...Всякое <познающее>мышление либо направлено на деятельность <человека>, либо на творчество, либо носит <в собственном смысле> теоретический характер» [Аристотель 1999: 156].

Немецкий историк культуры и философ В. Дильтей (1833—1911) разграничивал два класса наук — науки о природе (изучение жизни природы) и науки о духе (изучение жизни людей) [БРЭ 2007: 8: 751].

Современные ученые разграничивают науки о природе (естествознание) и науки об обществе (обществоведение — гуманитарные и социальные дисциплины)².

Выделяется также смежная область наук — *интеллектуалистика*, изучающая само познание, т.е. логику, гносеологию, диалектику, эпистемологию³ и др.

Спорят о месте математики в классификации наук. Многие склонны считать математику не суверенной наукой, а универсальным языком науки. Так, физик Н. Бор писал: «...Мы не будем рассматривать чистую математику как отдельную область знания; мы будем считать ее скорее усовершенствованием общего языка, оснащающим его удобными средствами для отображения таких зависимостей, для которых обычное словесное выражение оказалось бы неточным или слишком сложным» [Бор 1961: 96]. Это высказывание ученого нам представляется интересным в связи с тем, что практически все современные науки в той или иной мере прибегают к математическому аппарату и квантитативным методикам.

Особое положение занимает философия, которую чаще всего выводят за пределы научного знания. Вопрос о соотношении философии и науки требует специального рассмотрения.

Если естественные науки подразделяются без особых споров, то общественные классифицировать затруднительно. Историки и философы науки констатируют: «Классификация социально-гуманитарных наук разработана слабо» [Джегутанов и др. 2006: 136]. С этим согласны и филологи: «...Спе-

² РФФИ пользуется следующей классификацией наук: 01. Математика, информатика, механика; 02. Физика и астрономия; 03. Биология и медицинская наука; 05. Науки о земле; 06. Науки о человеке и обществе; 07. Информационные технологии и вычислительные системы; 08. Фундаментальные основы инженерных наук.

³ См. в этом ключе интересную работу Р.М. Фрумкиной [1999_а] «Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии».

циальные работы, где бы всерьез обсуждалось “устройство” гуманитарного знания, столь немногочисленны» [Фрумкина 1999_б: 29]. Мы полностью разделяем мнение о трудности построения таксономии общественных, гуманитарных и филологических наук.

В справочной литературе гуманитарные науки определяют как группу академических дисциплин, объединенных стремлением к изучению таких аспектов человеческого бытия и качественных подходов, которые вообще не предполагают единой парадигмы, определяющей какую-либо научную дисциплину. Гуманитарные науки обычно отличают от общественных и естественных наук и включают в них такие предметы, как классика, языки, литература, музыка, философия, исполнительские виды искусства, религия и изобразительные искусства. Гуманитарные науки — это общественные науки, исследующие явления культуры в различных их проявлениях и развитии (см.: [<http://www.glossary.ru>]). Например, история или культурология. Для М.М. Бахтина гуманитарные науки — науки о человеке в его специфике [Бахтин 1979: 285]. Это мнение разделяется современным лингвистом: «Гуманитарная научная область имеет своим предметом духовный внутренний мир человека, его интеллект, психику <...>, а также продукт этого внутреннего мира с точки зрения их отражения в нем» [Перцов 2009: 102]. Интересна точка зрения М.И. Шапира, на которого ссылается только что процитированный автор: «Ученых-гуманитариев интересует в человеке не природное, а культурное, не естественное, а искусственное» [Там же: 102].

Выделение гуманитарных наук из философии, психологии и общественных наук, считают науковеды, представляет собой стремление к изучению личности как к одному из пределов познания, поэтому гуманитарные науки и гуманитарное знание вообще стремятся к познанию индивидуального, личностного во всей их конкретности и полноте. В обширной сфере человека и «мира человека» должны быть аспекты, исследуемые только гуманитарным знанием [Ильин, Калинин 1985: 173, 179]. Высказанная позиция в целом разделяется и нами. Однако при этом полагаем, что акцент на слове *гуманитарный* предельно

расширяет понятие «гуманитарные науки», лишая его определенности⁴.

На наш взгляд, в основу классификации должны быть положены определенные критерии, на каждом уровне таксономии свои. На первом — разграничение общественных наук (здесь учитывается характер исследуемой действительности, которая может быть *реальной* и *отраженной*).

Науки социально-экономические (социология, политология, экономические дисциплины, юриспруденция) изучают человека и общество в реальной действительности. Гуманитарные науки (например, история, филология) исследуют *homo sapiens* и общество в отраженной действительности.

Что значит «отраженная действительность»? Это реальная действительность, воспринятая индивидуумом (отраженная в его сознании), в той или иной мере осмысленная и явленная в форме устного или письменного текста. Это действительность, увиденная глазами Другого и познанная им. Мы солидарны с мнением одного из основателей филологии А. Бека (1785—1868), полагавшего, что филология является «познанием познанного». Немецкий ученый считал, что всякая филологическая работа имеет дело с познанием мыслей других людей, которые уже ранее продумали вопрос и изложили свои взгляды на него. Филолог, продолжает А. Бек, стремится уяснить себе и как бы повторить мысли своего предшественника. Таким образом он может иметь дело с предметами других наук, но в тех специальных науках эти предметы познаются по их основной задаче, для филолога же они представляют интерес как памятники определенной эпохи, в них его интересует творческое сознание (цит. по: [Радциг 1965: 83]).

Гуманитарное познание — это специфическая форма *вторичного отражения действительности*, опосредованная текстами. Поэтому гуманитарные науки от прочих отличаются тем, что их объект — тексты, — результат интеллектуальной деятельности Другого. Примечательно, что центральный те-

⁴ Показательна в этой связи работа Р.Ф. Фрумкиной [2007э] «Несколько слов о нынешней ситуации в гуманитарных науках».

зис основополагающей работы М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа» может быть сформулирован так: текст — первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины [Бахтин 1986: 297].

Гуманитарные науки исследуют информационный продукт, созданный человеком и в той или иной мере содержащий сведения об авторе. Акцент на «человеческий фактор» объясняет, почему эти науки называются гуманитарными. Естествоиспытатель, например, создает естественно-научный текст о результатах изучения окружающего мира, а филолог в этом тексте интересуется не природой, а тем, кто ее изучает, и тем, как человек представляет себе познанное. Итак, социально-экономические науки выводятся за пределы гуманитарного знания.

Гуманитарное знание, в свою очередь, дифференцируется на ряд наук и дисциплин. Потенциально таких наук и дисциплин множество. Актуально звучит мысль В.И. Вернадского: «Чем ближе научный охват реальности к человеку, тем объем, разнообразие, углубленность научного знания неизбежно увеличиваются. Непрерывно растет количество *гуманитарных наук*, число которых теоретически бесконечно, ибо наука есть создание человека, его научного творчества и его научной работы; границ исканиям научной мысли нет, как нет границ бесконечным формам — проявлениям живой личности, особенно человеческой, которые все могут явиться объектом научного искания, вызвать множество конкретных наук» [Вернадский 2004: 381].

Среди гуманитарных наук издавна выделяют историю и филологию. Эти две науки объединяются термином *историко-филологические*. Так, в структуре Российской академии наук функционирует Отделение историко-филологических наук РАН.

У истории с такими науками, как социология, этнология или политология, есть нечто общее. Все они изучают общество, но по-разному. Социология, например, имеет дело непосредственно с конкретными группами, сообществами людей, изучает те или иные аспекты их реальной жизни. Историк же имеет дело только с текстами, в которых отражена обществен-

ная жизнь. И вообще, история начинается с первых письменных знаков. До этого у человечества есть лишь предыстория, для которой исследовательский инструмент — археология. Это мнение немецкого философа К. Ясперса (1883—1969) (см. подробнее об этом: [Ясперс 1991]).

Внутри гуманитарных наук, ориентированных на текст, дифференциация осуществляется по критерию — отношение к тексту. У истории и филологии разный подход к текстам. Историк в тексте, представляющем отраженную действительность, ищет свидетельства о действительности реальной. Текст в этом случае оценивается единственно по степени достоверности, адекватности сообщения реальным событиям. Для историка текст — это документ. В ходе анализа текст как бы преодолевается. Он для историка не более чем окно, через которое исследователь пытается увидеть то, что было на самом деле.

Для филолога — текст не окно, через которое он пытается увидеть что-то иное. Для него текст ценен сам по себе. Это уже не документ, а монумент, достойный всестороннего изучения. Показательно в этом отношении высказывание: «Для историка структурная единица мемуаров — зафиксированный документально исторический эпизод. Для филолога документальной точности недостаточно. Его интересуют художественные достоинства произведения» [Рожкова 2009: 183]. История и филология как гуманитарные науки объединены объектом — текстом — и различаются предметом исследования.

Отсутствие общепринятого понимания термина *филология* приводит к затруднениям в решении ряда теоретических и практических вопросов, на которые пока нет однозначных ответов: что такое текст и каковы его границы; филология — это подход к тексту, метод исследования, комплекс наук или единая многопрофильная наука; почему Е.Д. Поливанов и некоторые другие филологи лингвистику выводят за пределы филологии; почему лингвистика, способная анализировать любой художественный и нехудожественный текст, обладающая самым богатым среди гуманитарных наук исследовательским инструментарием, не может заменить собой литературоведение; что такое филологизм и почему древнерусские и фольклорные

тексты легче других художественных текстов поддаются филологическому анализу; если понимание, на котором основывается филологическое познание, по природе своей поливариантно, то как быть с истиной, без которой не мыслится научность знания, что значит филологизация образования и др. Затрудняет и такой вопрос: какие научные и учебные дисциплины можно бесспорно, не путая филологию с гуманитаристикой, отнести в число филологических.

Вопрос о сути филологии как науки и учебной дисциплины становится актуальным в связи с перестройкой системы отечественного высшего образования, появлением бакалавриата и магистратуры по направлению «Филологическое образование». В средней школе возникают классы филологического профиля. Назрела необходимость в соответствующих программах и учебных книгах.

С.И. Гиндин справедливо замечает, что отсутствие филологических программ для школы объясняется тем, что, несмотря на распространенность, дефиниция «филологического» остается неопределенной [Гиндин 1998: 83]. Требуется дисциплинарной поддержки актуальное в современной отечественной педагогике понятие «филологическая компетенция», поскольку границы филологии, ее истоки все еще остаются дискуссионными [Махмурян 2008: 202].

Отсутствие пропедевтического курса «Введение в филологию» и обобщающего курса типа «Теория филологии» или «Основы филологии» не случайно. Это следствие терминологической неопределенности целой области познания.

Становление новой словесности и стремление к предельно прочной кооперации прежде разрозненных филологических дисциплин требует глубокого теоретического осмысления вопросов филологии, которые были поставлены в начале XIX в. и до XXI столетия не получили устраивающего всех филологов и общества в целом разрешения.

В филологизме видится залог более высокой научной точности исследования. М.Л. Гаспаров, член редколлегии и автор журнала «*Philologica*», так определил задачи, стоящие перед новым изданием: «Для меня цель — это филология как точная

наука, а в наше время научные исследования на каждом шагу подменяются собственным интуитивным творчеством» [http://www.rvb.ru/philologica/oorus/oorus_about.htm].

Так что вопрос: «Что такое филология?» — совсем не праздный.

Объект и предмет филологии

Известно, что любая область человеческого познания, претендующая на статус науки, должна обладать (1) объектом; (2) предметом; (3) методологией и (4) метаязыком (совокупностью понятий и терминов, описывающих результаты познания). Объект исследования — это фрагмент материального или идеального мира, на который обращено внимание исследователя (космос, микромир, человек, флора, фауна и т.д.). У нескольких наук может быть один объект, например, человек или Земля. Предмет исследования — это та или иная сторона, аспект, свойство и т.д. объекта. У каждой науки свой предмет.

В научной филологии мы должны четко представлять ее объект и предмет. Однако складывается впечатление, что авторы приведенных выше определений филологии не разграничивают объект и предмет исследования, а также цели и задачи, часто подменяя одно другим, что усиливает неопределенность рассматриваемого феномена.

Что касается специалистов выделяемых ныне филологических наук, то понимание объекта, предмета, цели и задач науки у них весьма различается.

Литературовед убежден, что у филологии как дисциплины более общего, чем лингвистика и литературоведение, объединяющего их уровня объектом является слово, а предметом — особенности словоупотребления, общие для лингвистики и для литературоведения, а также частные законы словоупотребления в смежных искусствах [Марков 1979: 50].

Для культуролога цель филологии — объяснить смысл и функции того или иного текста в общем культурном контексте. Центром филологических усилий являются художественные словесные тексты как наиболее сложные по организации

типы текстов. Дешифруя разные уровни смысла произведений словесного искусства, лингвистика и литературоведение, более или менее ясно дифференцированные в области теории, в конкретном анализе бывают столь тесно слитыми, что разделение их делается весьма трудным, что обязывает филолога четко ориентироваться в методологии этих наук [Лотман 1979: 47].

Специалист в области классической филологии полагает, что цель филолога — через изучение слова дойти до мыслей и чувствований другого человека. Слово, как великое орудие мысли и общения между людьми, и вместе с тем и как средство познания чужой мысли, — это основной материал для филолога и отправной пункт для всех его исследований [Радциг 1965: 85].

Языковеду очевидно, что целью структурной филологии можно считать обнаружение в каждом слове самостоятельной культурной ценности и системы эстетически значимых смыслов [Григорьев 1979: 28].

Ю.В. Рождественский, например, филологию отграничивал от грамматики, фонетики, лексикографии, изучающих единицы языка, и от учения об идейно-эстетическом содержании произведений и истории литературных произведений и литературной традиции, оставляя в компетенции общей филологии рассмотрение «соотношения различных способов и форм применения языка в общественно-языковой практике, учету и описанию сфер общения и историческому опыту нормирования общественно-языковой практики» [Рождественский 1979: 4]. К общей филологии автор относит классификацию родов, видов и форм словесности, принципы построения высказываний в устной речи, организацию письменной коммуникации в связи с видами письменной словесности, а также основные принципы связи филологической теории с общественно-языковой практикой [Там же: 4].

Существует практика формулирования определений за счет перечисления того, что, по мнению авторов, входит в определяемое понятие. Вспомним хрестоматийное определение понятия культуры, предложенное знаменитым этнографом Э. Тейлором в 1871 г: культура — совокупность знаний, искусства, морали,

права, обычаев и других особенностей, присущих человеку как члену общества. Обозначена интеллектуальная территория, но не указаны идентифицирующие признаки объединяемых объектов.

В наши дни этот способ дефиниции, оказывается, по-прежнему актуальным. В Заявлении ученого совета филологического факультета МГУ, обнародованном в конце 2012 г., авторы, желая напомнить всем, что такое филология, указывают на три составные части этой науки. Для них филология, во-первых, система знаний о принципах возникновения и развития языков, о механизмах их воздействия на культуру; во-вторых, филология — это критика текста и герменевтика, предоставляющие человеку и обществу возможность интеллектуальной независимости, т.е. позволяющие установить правильный текст памятника и дать его адекватную интерпретацию; в-третьих, филология — это история литературы, которая объясняет, как и почему оказались связаны друг с другом тексты, разнесенные в пространстве и времени [http://www.philol.msu.ru/pdfs/o-reforme-obrazovaniya_philol2012.pdf].

Автор статьи «Что такое филология?» В.И. Аннушкин определения термина *филология* не дает, но предлагает четыре компонента смысла, содержащегося в слове *филология*. Во-первых, филология — это *учение* о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Во-вторых, филология — это *наука* о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов. В-третьих, филологическое *знание* — основа компетентного управления обществом. В-четвертых, филология — *наука* о классификации всех словесных произведений национально-речевой культуры [Аннушкин 2012]. Эти перечни квалифицировать трудно. Неясно, объект это или предмет исследования.

В единственном на сегодняшний день учебном пособии «Основы филологии» [Чувакин 2011] филология определяется как «совокупность гуманитарных наук и научных дисциплин, изучающих посредством анализа естественный язык, текст и homo loquens» [Чувакин 2011: 17]. Признание филологии сово-

купностью наук и научных дисциплин в понимании филологии ничего не дает. Возможно, перечисляемое как виды можно подвести под родовое понятие, которое, по сути, и может быть объектом исследования.

Известное определение Ю.С. Степанова — «область гуманитарного знания, имеющая своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа — текст» [Степанов 2003: 592], на наш взгляд, — надежная отправная точка в формулировании современного понимания основ филологии. Текст — это объект, который интересует всю гуманитаристику. Различаются гуманитарные науки каждая своим предметом. Что касается предмета филологии, то тут нужно согласиться с мнением М.И. Шапира: «Главный предмет филологии — *текст* и его *смысл*. Только филологию интересует «*текст как целое* <...> то есть уникальное, неповторимое единство смысла во всей полноте и в любых тонкостях его материального воплощения в чувственно воспринимаемой форме» [Шапир 2002: 57]. Текст и его смысл — вот объект и предмет филологии.

Итак, для нас филология — это *наука*, имеющая своим объектом *текст* как целое, а *предметом* — *смыслы*, воплощенные в языковых и параязыковых структурах этого текста, а также все явные и неявные закономерности текста и свойства, характеристики составляющих его единиц.

Нам близка позиция редакции журнала «Philologica», согласно которой основными категориями филологического дискурса представляются не знак и значение, а текст и смысл. Поскольку смысл, как правило, чувственно не воспринимаем: он невидим и неслышим, и постичь его можно лишь по внешним приметам, по тому, как он отложился в материальных (вещественных) формах, доступных непосредственному восприятию. Филология мыслится вполне традиционно — как деятельность (*techne*), преследующая цели понимания, постижения смысла, воспознания природы и культуры. «Philologica» ориентирована на исследования, подчеркивающие целостность текстов, выявляющие неразрывное единство их духовной и материальной природы, демонстрирующие изоморфизм языковых уровней, гомологию формы и содержания. Журнал интересуется такая

лингвистика, которая видит в языке прежде всего выражение смысла и манифестацию культуры, и наоборот, для редакции неприемлемо никакое литературоведческое построение, если оно не базируется прочно на данных языка в широком смысле слова. Кредо журнала — междисциплинарный характер издания, стремящегося дать максимум информации и удовлетворить запросы ученых разных специальностей: лингвиста, литературоведа, искусствоведа, социолога, психолога, биографа и других. Между глубинными и поверхностными структурами существует тесная взаимозависимость: модернизация текста зачастую меняет семантику, синтактику и прагматику произведения, и отделить релевантные элементы письма от иррелевантных совсем не так просто, как может показаться со стороны. [http://www.rvb.ru/philologica/oorus/oorus_about.htm].

В «Основах филологии» А.А. Чувакина естественный язык квалифицируется как полноправный объект филологии [Чувакин 2011: 67—104]. А вот Е.Д. Поливанов так не считал. В составленном им «Толковом терминологическом словаре по лингвистике» (1935—1937) есть словарная статья «Филология», в которой утверждается, что история литературы (именно как история культуры в памятниках литературы) и история искусства входят в понятие филологии, в то время как «лингвистика (= наука о языке) входит сюда лишь частично. Особенно противопологали лингвистику Филологии те, кто был принципиальным сторонником естественно-исторического характера лингвистики (дескать, можно изучать речь, как деятельность человека, вроде других физиологических деятельностей: питание, дыхание, функции половой сферы и т.д., и значит, независимо от культуры). Этот взгляд мы, конечно, принять так, как он есть, не можем (так как нельзя отделить жизнь языка от культуры того общества, которое обслуживается языком). Но есть и другие моменты, по которым лингвистику можно считать лишь связанной с Филологией, но не входящей в нее полностью» [Поливанов 2010: 129—130].

Для ряда специалистов самый очевидный путь решения проблемы единства филологии — представить науку о Слове как двухуровневую конструкцию — узкое и широкое понима-

ние филологии. Так, лингвист Н.В. Перцов в статье о точности в филологии [Перцов 2009] неоднократно оговаривает свое расширительное понимание филологии и места в ней лингвистики. Для автора статьи филология — это и обширная область гуманитарного знания, охватывающая многоаспектное изучение текстов на естественном языке, и лингвистика — изучение естественного языка как такового [Там же: 101]. Итоговая формула такова: «...Я позволю себе филологию трактовать как всю область гуманитарного знания, изучающую выражение смыслов на естественном языке» [Там же: 109].

Рассуждения об объекте и предмете филологии возвращают нас к обсуждавшемуся выше вопросу о разном в словарных определениях этой науки. Почему стал возможным столь разительный разброс мнений? Многие объясняются структурой научного познания.

Известно, что наука — структура динамичная, и в своем становлении и развитии она реализуется на трех уровнях — (1) исследовательская область, (2) специальность и (3) научная дисциплина [Огурцов 1988: 236]. Каждый уровень отличается количеством вовлеченных исследователей — от пассивных личностей, открывающих новые пространства и намечающих векторы научного поиска, до исследовательских коллективов и научных школ. Отличаются они также уровнем социализации полученных результатов — от индивидуальной удовлетворенности полученным знанием до трансляции достигнутого знания в культуру, социализации новых поколений, передачи идеалов и норм, признанных научным сообществом.

Критерием зрелого научного знания считается наличие научной дисциплины. Научная дисциплина — это определенная форма систематизации научного знания, которая предполагает институционализацию знания, осознание общих норм и идеалов научного исследования, формирование научного сообщества. Она вызывает к жизни специфический вид научной литературы (обзоров и учебных книг). В рамках научной дисциплины возникают определенные формы коммуникации между учеными, создаются организации, ответственные за образование и подготовку научных кадров. Дисциплинарная ор-

ганизация знания обладает рядом функций. Это трансляция достигнутого знания в культуру, социализация новых поколений, идентификация каждого из ученых с научным сообществом. Научная дисциплина обладает рядом характеристик — специфические способы расчленения предмета исследования, принимаемые теоретические принципы, дисциплинарные критерии оценки теоретических положений, используемые методы, вспомогательные аналитические и технические методики, степень методической специализации [Огурцов 1988: 241, 244—245].

Заметим, что возникающая научная дисциплина от соответствующей исследовательской области отличается своим расширением в сторону других наук. Например, литературоведение включает в свой состав историю литературы, а история — это гуманитарная, но уже не филологическая область знания. Она использует инструментарий историка, но не филолога. То же можно сказать об истории лингвистических учений по отношению к лингвистике.

Так что если будем определять филологию на каждом из ее уровней, то понимание ее может быть неодинаковым.

Возможен и логический перескок. Если предметом филологии являются смыслы, воплощенные в языковых и параязыковых структурах текста, а смыслы эти в большинстве своем — культурные, то почему не считать предметом филологии всю культуру в целом. Тем более в культурологии известно и такое определение: культура — это мир смыслов.

ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

|| Различие естественных и гуманитарных наук. Что объединяет естественные и гуманитарные науки? ||

Различие естественных и гуманитарных наук

Специфику филологического знания следует рассматривать в плане особенности гуманитарного познания.

Различие естественных и гуманитарных наук обусловлено характером объекта исследования. Думается, что проблема идентификации филологии — следствие неопределенности границ всего гуманитарного знания и — шире — неразработанности классификации общественных наук в целом. Так что к пониманию сути филологии целесообразно подойти со стороны науковедческой таксономии — определить место филологии среди других областей познания.

В естественных науках исследователь имеет дело с реальным объектом, который внеположен исследователю, поскольку природа существует вне человека. По этой причине наличествует единая фиксированная точка зрения ученых на природу изучаемого объекта и возможность использования теоретических знаний.

Объекты гуманитарного познания исследователю не даны прямо и непосредственно, а создаются им. Эти объекты представляют собой продукт внутреннего мира или существенно определяются внутренним миром [Перцов 2009: 123]. Для гуманитаристики важны не природные свойства объекта, а его связи с внутренним миром человека и духовной культурой общества [Там же: 102]. Гуманитаристика своим предметом имеет духовный внутренний мир человека, его интеллект, психику, а также продукты этого внутреннего мира. Как следствие, объекты, составляющие предмет гуманитарных наук, имеют неопределенный характер.

В гуманитарном научном познании исследуемый объект выделяется, проблематизируется и объясняется с точки зрения личности и ценностей самого исследователя [Розин 2005: 67]. Изучаемая культурная информация всегда погружается в контекст исследовательского интереса⁵.

Академик Н.Н. Моисеев признаком гуманитарных наук считал принципиальную неделимость объекта исследования и изучающего этот объект субъекта [Моисеев 1998: 45, 47, 52]. В изучаемом объекте обнаруживается то, что есть в самом познающем субъекте. В контексте личной жизни научное знание выступает как гуманитарное [Розин 2005: 72]. Б.Ф. Егоров, составитель собрания писем Ю.М. Лотмана, имея в виду исследовательский опыт выдающегося адресанта, заметил, что отделить гуманитария от изучаемого объекта невозможно: «Всегда личность будет проникать в соответствующий текст, всегда будет освещать объект неповторимо уникальными лучами индивидуального подхода» [Егоров 1997: 8].

Познание объекта по существу есть форма воздействия на объект. Даже знания, даже та «картина мира», которая рождается в умах мыслителей и ученых, влияют на характер эволюции окружающего мира, в котором мы живем. Информация, полученная человеком о свойствах системы, считал Моисеев, и есть основа для воздействия на нее [Моисеев 1998: 45, 47, 52]. В гуманитаристике, где объект и субъект связаны максимально, воздействие исследователя на изучаемый предмет особенно велика. Наблюдая свой внутренний мир и его продукты, человек в ходе самого наблюдения может влиять на них в гораздо большей степени, нежели на внеположные объекты природы; внутренний мир человека от него неотделим [Перцов 2009: 120]. Гуманитарий самим фактом изучения влияет на свой объект — способствует культуре, духовности, расширяет возмож-

⁵Воспользуемся примером русского религиозного философа С.Л. Франка: исследователь муравейника не есть сам участник муравейника, бактериолог принадлежит к другой группе явлений, чем изучаемый им мир микроорганизмов, обществовед же есть сам — сознательно или бессознательно — гражданин, т.е. участник изучаемого им общества (цит. по: [Черниговская 2007: 65]).

ности человека, препятствует тому, что разрушает или снижает культурные или духовные потенции человека. По сути, в гуманитарных науках исследователь имеет дело не с явлением, а с проявлениями изучаемого явления, которые рассматривает как тексты. Главная тема гуманитарного познания — это изучение взаимодействия внутренних миров людей, вступающих во все возможные отношения. Важно не только то, о чем говорит гуманитарное знание, но и куда оно ведет.

Естествознание и гуманитаристика различаются не только характером объекта исследования, но и целями исследования. Цель естествоиспытателей — так описать и объяснить природные явления, чтобы на этой основе развернуть инженерную практику и создавать управляемые технические изделия [Розин 2005: 68, 75—76]. Естественные науки создают техническую культуру, которая базируется на утверждении, что мир подчиняется законам природы, которые можно познать, чтобы поставить на службу человеку. Опозиция естественных и гуманитарных наук предполагает опозицию технической и гуманитарной культур [Розин 2005: 72]. В отличие от естественных наук гуманитаристика ориентирована не на инженерные, а на гуманитарные виды деятельности и практики (педагогику, критику, политику, художественное творчество, образование, самообразование и т.д.) [Розин 2006: 81]. Если естественные науки ориентированы на цивилизацию, то гуманитаристика способствует накоплению культуры. Цивилизация и культура — феномены различающиеся, хотя и взаимообусловленные. Цивилизация строится и переносится, а культуру построить нельзя. Цивилизация сближает и унифицирует народы, а культура их различает. Цивилизация функциональна и технологична, а культура ценностна. В цивилизации примат научно-технического, а в культуре — философско-эстетического. Цивилизация ориентирована на внешний мир человека, а культура — внутреннее достояние человека. Цивилизация прогрессирует, а культура накапливается.

Гуманитарное и в том числе филологическое исследование имеет дело с культурным фоном, который эксплицитно присут-

ствует в результатах исследования или имплицитно участвует в формулировании выводов.

Напомним, что естественно-научное знание отвечает на вопрос: «Что это такое?», а филологическое — «Что это значит?». Так вот «культурная составляющая» гуманитарного исследования имеет своей целью способствовать ответу на вопрос: «Что это значит?» Мы солидарны с мнением одного из авторов журнала «Человек» по поводу принципиального отличия гуманитарного подхода к миру от естественно-научного: «Для освоения космоса есть два способа: научно-технический — астрономия, космология, космонавтика и мифопоэтический — звездная тема в мировой лирике, антропокосмизм всех видов, астрология. Первый пытается дознаться о том, что звезды *есть*, второй о том, что они *значат*. Первый видит на небе предметы, второй — знаки, знамения, шифры... Небо, каким мы его видим, — вооруженным или невооруженным глазом — это всегда разумное небо культуры» [Шевченко 2004: 54].

Различие естественно-научного и гуманитарного знания можно увидеть на примере анатомии как естественной науки и как объекта гуманитарного знания. Так, волосы в учебнике анатомии характеризуются по массе и цвету. Сообщается, что масса волос у «условного» мужчины 20 г., у женщины — 300 г., что цвет волос зависит от наследственности и подчинен виду белка кератина. Различают шесть основных цветов: черный, каштановый, русый, белый (блондин), рыжий, пепельный. Насчитывают до 30 вариантов комбинаций разных видов. Гуманитарию эта информация не интересна. Для него важно, что волосы в древности символизировали духовные силы (духотворную энергию); их даже образно сравнивали с океаном. В древности наличие густых волос олицетворяло исключительную не только духовную, но и нравственную, физическую силу. У Зевса, Юпитера, Давида, Самсона были весьма пышные шевелюры. Тогда и не сомневались, что душа человека, его жизненная сила пребывает в его волосах. Как утверждает Библия, удивительная сила таилась в длинных волосах богатыря Самсона. Считалось, что волосы содержат жизненную силу, поэтому их использовали в обряде наведения порчи. В Древ-

ней Руси для женщин считалось позором «опростоволоситься». Волосы — символ эротической энергии, и потому в Западной Европе того времени женские волосы расценивались как соблазн. Для многих привлекательных женщин в средневековой Европе красивые волосы были путевкой на костры инквизиции. Потеря волос когда-то символизировала падение и бедность. Рабам волосы стригли не только чтобы подчеркнуть их зависимое положение, но и чтобы лишить их покровительства богов. Расценивалось это и как знак нравственного падения. Бритье волос древнеегипетскими жрецами, индийскими браминами и буддийскими монахами — символ рабского подчинения божеству. В период хаджа (паломничества в Мекку) правоверные не только бреют голову, но и скоблят ее [Этинген 2002].

В традиционной культуре этносов волосы выступают необходимым элементом различных обрядов — от свадебных до похоронных, а также составляют часть этнического портрета.

Волосы — один из обязательных компонентов представления о женской красоте.

Кудри девы — чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад.

(В.Г. Бенедиктов).

Что объединяет естественные и гуманитарные науки?

Отмечается, что в XX в. в естествознании наблюдались такие коренные изменения мировоззренческого характера, которые созвучны методологическим проблемам гуманитарных наук, и это сближает обе области знания [Розов 2005: 23]. Кризис предметоцентризма, волновая революция, а также принцип дополнительности способствовали сближению естественных и гуманитарных наук. Гуманитарные науки, включая семиотику, философию науки и эпистемологию, стали заметно ближе к современной физике [Там же: 23].

Самое глубокое и закономерное единство наблюдается на уровне методологии или категориального изоморфизма. Имеющиеся методы, теории и научные дисциплины становятся образцами в новых сферах познания. Так, термин *экология* перекочевал в гуманитарные контексты — социальная экология, культурная экология, этническая экология, экология науки. Биологический термин *морфология* — учение о строении растений, — использованный В.Я. Проппом в его революционном труде «Морфология сказки», подчеркивает изоморфизм биологического и фольклористического в структурном подходе к описанию составных частей фольклорного дискурса, например, функций действующих лиц. Напомним, что на сходство филологии с биологией указывал Б.И. Ярхо. Философ Х.-Г. Гадамер отметил тесное соответствие между филологией и естествознанием на ранней стадии саморазумения [Гадамер 1988: 229]. Филология оказалась руководящей для естественно-научного метода, так как нацелена на искусство понимания и «предписывает естествознанию задачу расшифровать “книгу природы”» [Шадрина 2009: 164].

На фоне сказанного не кажется экстравагантным заглавие статьи в Трудах историко-филологических наук РАН «Филология XXI века как естественно-научная дисциплина». Автор М.Н. Виролайнен пишет о том, что «европейская цивилизация» переходит в принципиально новое качество, которое определяется двумя факторами — революцией в информатике и революцией в биологии. Первая ведет к стремительной виртуализации мира, а вторая — к изменению фундаментальных биологических характеристик *homo sapiens*. Эти изменения перераспределяют отношения между естественной и искусственной средой. Общество от индустриального переходит к информационному (когнитивному). Информационная среда не носит материального характера. Виртуальная реальность становится средой обитания, в которую физически погружается человек. Современное понимание виртуальной действительности близко к понятию ноосферы Вернадского или «мыслезема» Хлебникова, которые трактовали порождения интеллектуальной, духовной и творческой деятельности как реальность, не противопостав-

ленную физическому миру, а напротив, смыкающуюся с ним [Виротайнен 2009: 114]. Виртуальная реальность меняет соотношение естественно-научного и гуманитарного знания. Искусственная среда, создаваемая информационным обществом, имеет ярко выраженную природу текстовой реальности. Это предопределяет место и роль филологии в процессах познания и практике. Все более актуальным становится понимание бессмысленности антагонистического противопоставления естественных и гуманитарных наук: гуманитарно все знание, поскольку оно является знанием *человека*.

Итак, особенностью гуманитарного знания являются:

- текстуальная природа предмета;
- интерпретативность;
- диалогичность;
- сложность взаимоотношений между субъектом и объектом, включенность субъекта в общественную жизнь, культуру, науку и искусство;
- наличие ценностной составляющей;
- повествовательный характер изложения материала.

Естественно-научное и гуманитарное едины в том, что это знание *научное*.

ТЕКСТ В ФИЛОЛОГИИ

Что такое текст. Смысл как основа текста. Неоднослойность текста. Текст и дискурс. Бессознательное в структуре познания и в творчестве. Система языка и бессознательное. Процесс коммуникации и бессознательное.

Итак, объектом гуманитарных и в их числе филологических наук является текст.

Выдающийся русский филолог М.М. Бахтин в специальной работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» писал о том, что письменный и устный текст как первичная данность гуманитарных дисциплин и всего гуманитарно-филологического мышления является той непосредственной действительностью мысли и переживаний, из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин 1986: 297]. Этот вывод касается и устного народного творчества. Известный отечественный фольклорист Б.Н. Путилов считал, что текст является «абсолютной реальностью вербального фольклора». Все нити творческого процесса сводятся к тексту [Путилов 2003: 166].

Допуская широкое понимание текста — как всякий связный знаковый комплекс, например, произведения искусства, — М.М. Бахтин полагал, что филолога должны интересовать только *словесные* тексты. Фундаментальным является утверждение, что любой воспринимаемый текст двусубъектен: к субъекту-автору присоединяется субъект-слушатель или читатель. Налицо встреча двух текстов — готового и создаваемого реагирующего текста. По сути, восприятие текста — это сотворчество двух авторов. Второго автора исключить нельзя, поскольку текст не вещь, а второе сознание. «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*» [Бахтин 1986: 301]. Со-

временный философ В. Подорога филологическое исследование представляет смыслополагающим действием, в процессе которого филологически анализируемый текст постепенно замещается «вторым» текстом, конструируемым из множества других исторически организованных значений [Философия и филология 1996: 56].

Забегая вперед, заметим, что двусубъектность текста предполагает безусловное наличие диалога и понимания. Это два основания методологической концепции Бахтина.

Что такое текст

Вопрос, что такое текст, пока не получил однозначного ответа. Обратимся к словарям и справочным изданиям. Толковый словарь сообщает: «Текст — слова, предложения в определенной связи и последовательности, образующие какое-либо высказывание, сочинение, документ и т.д., напечатанные, написанные или запечатленные в памяти» [МАС: 4: 346].

Энциклопедия предлагает свое понимание: «Текст — последовательность предложений, слов (в семиотике — знаков), построенная согласно правилам данного языка, данной знаковой системы и образующая сообщение» [НИЭ 2001: 18: 37].

У лингвистического энциклопедического словаря свое определение: «Текст — объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и цельность» [ЛЭС 1990: 507].

Существует немалое число исследований по теории текста, и оно постоянно увеличивается. В статье «Понятие текста и критерии текстуальности», опубликованной в научно-популярном журнале «Русская речь», В.П. Москвин анализирует научную литературу по теории текста, выделяет его признаки, систематизирует критерии текстуальности и показывает ограниченность, недостаточность каждого критерия, что подвигает ученых к пессимистическому выводу о принципиальной неопределимости понятия «текст». Автор статьи предлагает еще раз взглянуть на свойства текста, значимые в классификационном отношении. Это (1) письменная форма; (2) завершенность;

(3) протяженность (неоднофразовость); (4) когерентность (смысловая согласованность частей, т.е. наличие содержания, смысла и темы); (5) когезия (лексико-грамматическая связность); (6) информативность; (7) принадлежность к определенному стилю и согласованность содержания с формой (стилем); (8) стереотипность (подчиненность определенной логикотематической схеме); (9) наличие интертекстуальных связей; (10) наличие речевого замысла; (11) конситуативность (развертывание только в определенном контексте его использования). Перечисляя критерии текста, автор приводит примеры, противоречащие каждому из критериев [Москвин 2012].

Теории текста касаются и авторы учебных книг по лингвистическому или филологическому анализу текста.

Чаще всего исходят из того, что текст — это любая знаковая система, которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой информации и *имеет языковую природу*.

Для филологического анализа важно иметь в виду, что текст по своей природе полифункционален: он и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций. Список функций указанными не ограничивается [Прохоров 2009: 12].

Смысл как основа текста

Основание для существования текста — наличие в нем смысла. Смыслы — это то, что делает знаковую систему текстом [Налимов 2000: 16].

Смысл слова, пишет Л.С. Выготский, представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова оказывается динамичным, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. При этом значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте речи. Зона эта наиболее устойчивая, унифицированная и точная. Слово, продолжает психолог, в различном кон-

тексте легко изменяет свой смысл. В отличие от смысла значение неподвижно и неизменяемо и при всех изменениях смысла слова в различном контексте остается устойчивым [Выготский 1982: 346]. Слово, взятое в отдельности и в лексиконе, обладает одним значением, которое есть только потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла [Там же: 347]. Различие между значением и смыслом Л.С. Выготский демонстрирует на примере крыловской басни «Стрекоза и Муравей». Слово *попляши* имеет определенное и постоянное значение (см. в словарях глагол *плясать*), но, завершая басню, оно означает 'веселись' и 'погибни' [Там же: 347]. У существительного *мужчина* есть словарное значение, которое в конкретных речевых конструкциях переосмысливается. Ср. *Не плачь! Будь мужчиной!* и *Вот это мужчина!* По-разному можно переосмыслить фразу *Женщина есть женщина*.

Между значениями слов и смыслами текста существуют сложные диалектические отношения: с одной стороны, статические значения слов, упорядоченный синтаксис и однозначные грамматические категории, а с другой — сложная, подвижная система семантических полей, обретающая свои динамические особенности в процессе коммуникации.

Смыслы не сводятся к сумме значений слов в тексте, хотя порождаются эти смыслы реальной комбинацией слов, отсюда известные «муки творчества», поиск необходимых слов («Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды»).

В тексте не только рассказывается, но и осмысливается. *Смыслы* — это то, из чего создаются *тексты* с помощью языка. *Тексты* — это то, что создано из *смыслов* с помощью языка. *Язык* — это средство, с помощью которого из *смыслов* рождаются *тексты* [Налимов 2000: 283]. Заметим, что смысл присущ не только тексту, он может наличествовать в слове, предложении и даже в графеме. Откуда берутся смыслы? «Смысл словам придает определенная практика», — отвечает философ [Витгенштейн 1994: 490].

Смысл — ключевое слово филологии. Современный филолог пишет: «...Я позволю себе филологию трактовать как всю

область гуманитарного знания, изучающую выражение смыслов на естественном языке» [Перцов 2009: 109].

Неоднослойность текста

Для любого внимательного читателя очевидна неоднослойность как фундаментальное свойство художественного (возможно, и любого другого) текста.

М.М. Бахтин размышляет о двух полюсах текста. С одной стороны, говорит он, за каждым текстом стоит система языка, которой в тексте соответствует все повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста. С другой, каждый текст как высказывание является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, относящимся к истине, правде, добру, красоте, истории. Причем первое по отношению ко второму является материалом и средством. Второй полюс, присущий самому тексту, раскрывается только в ситуации и в цепи текстов [Бахтин 1986: 299].

На примере живописного полотна о неоднослойности рассуждает испанский философ Х. Ортега-и-Гассет: «...Первое, с чем мы сталкиваемся, — это мазки на холсте, складывающиеся в картину внешнего мира; этот первый план картины еще не творчество, это копирование. Но за ним брезжит внутренняя жизнь картины: над цветовой поверхностью как бы зыблется целый мир идеальных смыслов, пропитывающих каждый отдельный мазок; эта скрытая энергия картины не привносится извне, он зарождается в картине, только в ней живет; она и есть картина» [Ортега-и-Гассет 1991: 61].

Мысль Х. Ортеги-и-Гассета развивается современным искусствоведом, который пишет об ауре произведения искусства, о неуловимом переливе красок, который создает самые сокровенные отношения человека к миру, о том, что едва заметная деталь может стать источником зарождения напряженного переживания, что между видящим и видимым возникают эмоциональные токи [Кривцун 2010: 112—113].

«...**Над текстом** витает еще некий **метасмысл**, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему ху-

дожественную», — утверждал замечательный русский филолог [Лихачёв 1979: 37].

Актер Валерий Золотухин в интервью по поводу написанной им книги «Секрет Высоцкого» сослался на литературоведа В.Н. Турбина (1927—1993), искавшего метод научно-художественного анализа литературы и предложившего понятия «микротекстология» и «макротекстология», и прокомментировал их так: «Микротекстология имеет дело с тем, что сказал писатель, поэт. Макротекстология — с тем, что сказала эпоха, нация». Вывод актера и автора книги: Высоцкий обладал поэтическим даром в сильной степени макротекстологического свойства. Поэтический дар Высоцкого в том, что его языком говорила эпоха [Золотухин 2002: 43: 3].

Неоднослойность объясняют тем, что любой текст невозможно изъять из мира культуры, вне которого они теряют свою значимость. На этом настаивал С.С. Аверинцев: филология — путь выяснения культуры через язык и анализ текста. Отсюда его представление о двух полюсах филологии: скромнейшая служба при тексте и универсальность, пределы которой невозможно очертить заранее.

Второй «слой», вне всякого сомнения, отличается сложностью. Это то, что недифференцированно относят к смысловому пространству текста. На этом уровне базируется т.н. «память языка», осуществляется аккумулярующее свойство слова, возникает предположение о «неявной» культуре, которую антрополог К. Клакхон назвал «скрытой», а Р. Ле Ван — «имплицитной» и которая проступает как тончайший намек, непонятный даже самим ее носителям, как легкие «дуновения», самые невероятные «бормотания» культуры, основополагающие ее самобытность, как своеобразное «поле культурного подразумеваемого» [Чернявская 2005].

Второй слой (или второй канал) в силу своей сложности номинируется целым рядом терминов, каждый из которых имеет право на существование. Традиционным считается термин *подтекст*. Подтекст в современной филологической терминологии рассматривают как нечто имплицитное, т.е. все, явным образом не выраженное.

Скажем с полной определенностью, что неоднослойность текста предопределяет возникновение и целесообразность филологии как области научного познания.

Текст и дискурс

В современной гуманитарной науке чаще говорят не о тексте, а о дискурсе. *Дискурс* (фр. *discours* — речь) — в широком смысле представляет собой единство языковой практики и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста, т. е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения [Новейший ФС 1998: 222]. Это связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, речь, «погруженная в жизнь» [ЛЭС 1990: 136].

Дискурс — явление более широкое, чем текст, и динамическое. Это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат, а результат и есть текст. Дискурс воспринимается как живой неоконченный текст, взятый в момент его непосредственной включенности в акт коммуникации, в процесс взаимодействия с контекстом.

Понятие дискурса стало доминирующим в филологии, когда интересы языкознания сместились от структурного описания языка на исторический контекст, в котором язык становится, функционирует и развивается. Под дискурсом понимают процесс общения, научного рассуждения, художественное произведение, все тексты, принадлежащие одному автору, ораторская речь и проч. Термин *дискурс* активно используется не только в филологии, но и в философии, социологии и политологии, в культурологии, в работах по психоанализу и т.д.

Бессознательное в структуре познания и в творчестве

Замечательный русский писатель К.Д. Воробьев устами своего литературного героя сказал с изумлением: «Я испытал

немое удивление перед покоряющей силой обнаженного слова» [Воробьев К. 2008: 92]. Почему один и тот же текст, одно и то же слово оказывает разное действие на разных людей и почему это слово при повторной встрече с ним по-разному воспринимается одним и тем же человеком?

На многие трудные вопросы можно дать ответы, если обратить внимание на связь порождения и понимания текста с феноменом бессознательного. Полагаем, что текст создается автором и интерпретируется получателем с учетом бессознательного, которое является обязательным элементом человеческого существования.

Напомним, что бессознательное — «форма психического отражения, где образ действительности и отношение к ней субъекта не выступают как предмет специальной рефлексии, составляя нерасчлененное целое. Бессознательное от сознания отличается тем, что отражаемая им реальность сливается с переживаниями субъекта, его отношением к миру, поэтому в бессознательном невозможен произвольный контроль действий и их оценка» [Гримак, Кордовский 2009: 149—150].

Еще в древности было замечено, что в трудных ситуациях человек мог найти верные интуитивные решения, опираясь на внутренние резервы бессознательного.

Бессознательное включает три группы явлений неосознаваемой деятельности мозга — предсознание, подсознание и сверхсознание. Предсознание (досознание) — это витальные (биологические) потребности в пище, воде, продолжении рода — инстинкты, — а также генетически заданные черты темперамента, особенности телесной конституции, влияющие на психику и поведение. Подсознание — это все, что было осознаваемым или в определенных условиях может стать осознаваемым — автоматизированные и поэтому переставшие осознаваться навыки, глубоко усвоенные субъектом, ставшие его убеждением социальные нормы, регулирующая функция которых переживается как «велеие долга», «зов сердца», «чувство вины» и т.п. Такие запасы накопленного опыта М. Полани назвал «личностным знанием». Сверхсознание — это неосознаваемое рекомбинирование ранее нако-

пленного опыта, которое пробуждается и направляется доминирующей потребностью в поиске средств ее удовлетворения. Сверхсознание проявляется в переживании чувств, т.е. в эмоции, к которым относятся ощущение красоты, эстетическое наслаждение, юмор, совесть, духовность и душевность. «... Сверхсознание — это первоисточник всякого прогресса в развитии человеческой цивилизации, в завоеваниях науки, в откровениях искусства, в совершенствовании этических норм» [Симонов 1992: 6—8, 13].

Индивидуальное сверхсознание влияет на сознание человека, его мышление, язык, поведение, с его решающим участием протекают процессы творчества, интуиции, воображения, рождаются религиозные, художественные и даже научные образы. Оно управляет культурой, ответственно за исторические феномены, регулирует здоровые и болезненные состояния, будучи своего рода прочной и питательной почвой, в которой прячутся корни как личной, так и общественной жизни. Короче, сверхсознание отвечает за генезис и формирующую, креативную силу человеческой деятельности [http://www.alestep.narod.ru/num/o_pre.html].

В современной когнитивистике — совокупности наук о познании — приобретении, хранении, преобразовании и использовании знания — произошла революция: выяснилось, что не существует единой памяти и единой сети памяти, что память может быть сознательной и бессознательной. Бессознательная, или неявная, память — это память о событиях, которые влияют на то, что мы знаем и делаем сегодня, но этого не осознаем. Например, когда мы слушаем кого-то или что-то читаем, то опираемся на те знания, которые получили в прошлом о языке, смысле слов, грамматических конструкциях, правилах, позволяющих сформулировать или понять отрицательные или вопросительные фразы и т.д. Память помогает понимать речь собеседника, делая это неявным образом. Когда мы вспоминаем слова, сказанные кем-то, то делаем это сознательно, но когда эти же слова мы слышим в первый раз, то задействуем свою память автоматически. Уместно добавить, что память не существует в чистом виде. Это как иммунная система, которую

можно определить только по отдельным внешним параметрам [Благутина 2009э].

Утверждается мнение, что бессознательное — не антагонист рациональному. В научном познании рациональность творчески кооперируется с бессознательным. Академик В.И. Вернадский в начале XX столетия писал о роли несловесных представлений в научном анализе действительности: «...Огромная область явлений, имеющих свой научно-закономерный, теснейшим образом связанный с социальным строем, а в конечном итоге со строением биосферы — и еще более ноосферы — мир художественных построений, несводимых в некоторых частях своих, например, в музыке или зодчестве, сколько-нибудь значительно к словесным представлениям, — оказывает огромное влияние на научный анализ действительности. Управление этим мало отражающимся в логике аппаратом познания для научного понимания реальности есть дело будущего» [Вернадский 2004: 413—414].

Неслучаен тот факт, что из 232 опрошенных психологами ученых 182 сообщили, что решение научной проблемы пришло к ним внезапно, а не в результате строго логической цепи рассуждений [Симонов 1992: 5].

Система языка и бессознательное

На первый взгляд эта связь кажется парадоксальной: язык по определению призван рационализировать все, что лежит вне поля сознания. «Лишь слова обращают текущее чувство в мысль» (А. Платонов. Чевенгур).

Вопрос о связи языка с бессознательным обсуждал Р.О. Якобсон. В статье «К языковедческой проблематике сознания и бессознательного» [Якобсон 1978] он напомнил, что вопрос о бессознательном был сформулирован А.И. Бодуэном де Куртене и Н.В. Крушевским, и сослался на слова Бодуэна: «...Необходимо иметь в виду силу бессознательного обобщения, действием которой народ подводит все явления душевной жизни под известные общие категории» и Крушевского: «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особня-

ком» в силу соучастия «бессознательно-психических явлений» [Якобсон 1978: 157—159]. Вывод Якобсона был однозначным: «...В нашем речевом обиходе глубочайшие основы словесной структуры остаются неприступны языковому сознанию; внутренние соотношения всей системы категорий — как фонологических, так и грамматических — бесспорно действуют, но действуют вне рассудочного осознания и осмысления со стороны участников речевого общения...» [Якобсон 1978: 165].

Современный исследователь Г.И. Берестнев, исходя из «трансцендентальности» человеческого мышления, полагает, что человек живет в двух содержательных мирах. Первый — это мир языковой реальности, мир всей окружающей человека культуры. В этом мире язык и культура владеют человеком, определяя собой сферу его содержательного бытия. Язык предстает как основная символическая система, посредством которой человек объективирует собственную мысль о мире.

Второй мир, в котором живет человек, — некая содержательная Запредельность, о которой известно только то, что она есть. В русскоязычной традиции это называлось Несказанным. Это неопределенное в своих границах пространство доконцептуальных содержаний, которое не может быть описано средствами естественного языка, но которое активно проявляется в повседневной жизни человека. «Невыразимое — это таинственный безбрежный океан латентного содержания, в котором находится островок освоенной человеческим сознанием языковой действительности; область сознания — это “эпизод” в содержательном пространстве человеческого бессознательного; начала человеческого сознания лежат за его пределами» [Берестнев 2008: 62].

Между мирами нет непреодолимой преграды. По мысли автора статьи, способом сознательного освоения смыслов, по сути находящихся за пределами сознания, является символ. Символ — это весть из Невыразимого, и посредством символов Невыразимое само говорит с человеком. «...И в искусстве, и в культурологии, и в истории религий символ еще раз и на новой основе был осмыслен как особый знак трансцендентных содержаний, недоступных иным способам выражения. Обраще-

ние человека к символам необходимо с познавательной точки зрения и составляет его “когнитивный инстинкт”. В символах человеческое сознание находит ту единственную возможную опору, которая позволяет ему интеллектуально освоить собственный глубинный содержательный потенциал» [Берестнев 2008: 41].

Благодаря символике трансцендентные содержания, находящиеся за пределами языка и языкового мышления и в силу этого не подвластные человеческому сознанию, могут предстать в музыке и поэзии, в идеях религии и философии, в сюжетах мифологии и ритуальных действиях, в формах искусства любого времени, в архитектурных формах. В них познавательные истоки жизни, долга, мужества, счастья и судьбы. По Витгенштейну, трансцендентны этика и эстетика, математика и логика.

Процесс коммуникации и бессознательное

Психолог А.Е. Шерозия утверждал, что слово всегда содержит в себе больше информации, нежели наше сознание способно извлечь из него, ибо в основе слова лежат бессознательные языковые установки (цит. по: [Якобсон 1978: 166]). Писательское наблюдение подтверждает мнение психолога: «... Бежавшие за нами... уличные мальчишки только то и дело, что вполголоса повторяли: — Ишь, задаются на макароны!.. Объяснить, что значит задаваться на макароны ни один Грот, ни Даль, вероятно, не смогли бы, но что в этой исключительно южной формуле заключалась несомненная меткость определения, отрицать было нельзя» [Дон-Аминадо 1991: 33—34].

Благодаря бессознательному естественный язык обладает уникальной способностью передавать информацию не только словами, но и «межсловесным пространством». Истина постигается в молчании, считают японцы. Потому что в момент паузы между словами рождается то, что невыразимо в слове. По этому критерию отрывок из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих ту-

манах, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна <успокоит его>» [Булгаков 1987: 374] — безукоризнен даже по японским канонам идеального искусства [Стальная 1998: 152].

Разумеется, в вербальном тексте главное — это слова. Вспоминается резкая по тону запись писателя Ю.М. Нагибина в «Дневнике»: «Идеи, мысли — чепуха; реальны лишь слова, их порядок, рождающий жизнь» [Нагибин 1996: 201]. Однако тут же на ум приходит мнение поэта О. Мандельштама, считавшего, что ценность кружев определяется формой и количеством пустот в них. В диалоге двух известных филологов М. Гаспарова и Г. Кнабе прозвучала мысль о роли силовых полей между словами: «Наука не может передать диалектику, а искусство может, потому что наука пользуется останавливающими словами, а искусство — промежутками, силовыми полями между слов» [Гаспаров 2001: 151]. «Музыка — это промежуток между нотами» (Клод Дебюсси). Это о тех же силовых полях между сказанным и написанным.

В недрах бессознательного рождается поэтический текст.

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны;
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.

.....

Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

(А. Ахматова. *Творчество*)

Начало будущего текста содержится в звуке, «поэтическом гуле» (В. Маяковский). Вот профессиональное свидетельство о чуде превращения звука — поэтической мысли — в Слово.

Сначала в груди возникает надежда.
Неведомый гул посреди тишины.
Хоть строки
еще существуют отдельно,
они еще только наитьем слышны.
Есть эхо.
Предчувствие притяженья.
Почти что смертельное баловство.
И — точка.
И не было стихотворенья.
Была лишь попытка.
Желанье его.

(Р. Рождественский)

Наличие неоднослойности текста и укорененность его в бес-
сознательном определяют особенности филологического
анализа и специфику исследовательского инструментария фи-
лолога.

ПАРАЯЗЫК В ТЕКСТЕ

Двуканальность устной речи. Параязык. Паракинесика. Парафоника. Информационная емкость параязыка. Теоретический аспект изучения параязыка. Телесная природа сознания. Прагматический аспект изучения параязыка. Паралингвистика (парафилология). Художественно-творческий аспект параязыка. Л.Н. Толстой о параязыке. Параязык в художественном тексте. Поиски строевых единиц параязыка. Понятийно-терминологический аппарат паралингвистики. Параязык и внутренняя речь. Параязык в прозе Е.И. Носова. Сопоставительный анализ параязыка в художественных текстах.

Можно полагать, что между бессознательным и языковым лежит территория параязыка, являющегося связующим звеном между двумя мирами: в котором живет человек и который существует в человеке.

Двуканальность устной речи. Параязык

Языковеды, изучая устную речь, сделали убедительный вывод, что она структурно отличается от письменной. Структурные отличия книжно-письменной и устно-разговорной форм речи не случайны и свидетельствуют об их принципиальном различии в плане передачи информации. Если в письменной речи у нас один канал информации (сам текст), то в устной речи каналов информации два: а) информация, которая непосредственно содержится в произнесенных словах, и б) информация, которую слушатель получает помимо слов, которая сопутствует речи и в той или иной мере связана со словами. «Слова были для них пустым звуком, зато взгляды, улыбки, тембр голоса, самые незначительные движения помимо них вели между собою неумолчную беседу» (Р.М. дю Гар. Семья

Тибо). Человек, переходя от письменной речи к устной, бессознательно включает второй — несловесный — канал информации, и это автоматически перестраивает первый — словесный, или речевой, канал.

Второй канал — это функционирование телесных знаков, среди которых выделяют оптико-кинетическую систему (жесты, мимика, пантомимика), паралингвистическую и экстралингвистическую (вокализация, интонирование, смех, покашливания и др.), систему организации пространства—времени (дипломатический протокол), систему визуальных контактов («контакт глаз») [Герасимова 2004: 180].

Второй канал именуют параязыком (иногда параречью). К несловесному каналу информации — параязыку — традиционно относят паракинесику и парафонику.

Паракинесика

Под паракинесикой понимают движения рук и ног, мимику лица, позы тела, которые так или иначе включены в процесс коммуникации и служат средством передачи информации. Основу паракинесики составляет информативно значимый и коммуникативно функционирующий жест. «Какую бездну чувств может выразить застывший, обиженный позвоночник или леденящий профиль» [Бродский 1999: 321]. Особенно ярко свои коммуникативные возможности паракинесика проявляет в таких видах искусства, как пантомима и хореография. Когда слушатель не знает языка говорящего, возможности паралингвистики и паракинесики особенно ощутимы.

Парафоника

Существует еще один и тоже особый способ передачи информации — парафоника. Выдающийся филолог А.А. Потебня отметил, что чутье человека заставляет протягивать гласную в прилагательном (например, хоро-оший), если им хотят выразить высокую степень качества [Потебня 1989: 105]. Изменение длительности звучания приводит к возникновению дополни-

тельной информации. Профессиональный филолог и философ Ф. Ницше отметил: «Наиболее вразумительным в языке является не слово, а тон, сила, модуляция, темп, с которым проговаривается ряд слов, — короче, музыка за словами, страсть за этой музыкой, личность за этой страстью: стало быть, все то, что не может быть *написано*» [Ницше 1990: 751].

Дополнительная информация передается несловесным путем (в том смысле, что не требуется дополнительных слов), но она непременно связана с речью, сопутствует ей, обогащает ее и без речи существовать не может. «—*Lise!* — только сказал князь Андрей; в этом слове были и просьба, и угроза, и, главное, уверенность в том, что она сама раскается в своих словах» [Толстой 1979: 37].

К компетенции параязыка относят все те способы передачи информации, которые связаны со звучанием речи, ее фонетическим обликом. Парафоника — это и акустические характеристики голоса (тембр, высота, громкость и т.п.), «значащие» паузы, интонационный рисунок речи, явления так называемой неканонической (необычной) фонетики и т.д. Вот один из примеров использования парафонки: «...Одна моя знакомая, уезжая за кордон, везла с собой целую сумку невзрачных тюбиков с отечественным кремом. — Зачем?! — изумилась я. — Они же на-ту-раль-ные! — по слогам, явно намекая на невысокие мои умственные способности, пояснила собеседница» [Городские известия. 1999. 28 февр.].

Важное средство парафонки — интонация. М.М. Бахтин заметил, что интонация всегда лежит на границе словесного и не-словесного, сказанного и не-сказанного, что именно в интонации говорящий соприкасается со слушателями [Бахтин 1979: 401]. По образному замечанию французского лингвиста Ш. Балли, интонация — это постоянный комментатор мысли [Балли 1961: 315]. «...Письменное искусство, хотя и очень разработанное грамматически, совершенно беспомощно, когда надо передать интонацию, так, например, есть пятьдесят способов сказать “да” и пятьсот способов сказать “нет”, и только один способ это написать» (Бернард Шоу). А.С. Макаренко признавался, что педагогом он почувствовал себя только тогда, когда

смог одно и то же приказание отдавать с двадцатью различными интонациями. «Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна». Это слова английского поэта и художника У. Блейка в переводе С.Я. Маршака. «Слова ее были бедны, слог был обычным для восемнадцатилетней барышни, но интонация... интонация была исключительно чистая и таинственным образом превращала ее мысли в особенную музыку» [Набоков 1990: 270]. «Люди обижаются не на смысл, а на интонацию, потому что интонация обнаруживает другой смысл, скрытый и главный» (Трифонов Ю. Другая жизнь). Эмоциональную интонацию выдающийся русский кинорежиссер С. Эйзенштейн называл звуковым жестом.

Строки из известного стихотворения М.Ю. Лермонтова: «Есть речи — значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волнения / внимать невозможно» — это своеобразный гимн парафонике. Правоту поэта подтверждают эксперименты. Один из них — пластинка Стена Фреберга «Джон и Мария» о любовной истории. Мужской голос повторяет слово «Мария», а женский — «Джон». Эмоциональная интонация произношения меняется, и вся история предельно ясна слушателям.

Задумывались ли мы над тем, почему существует искусство декламации, искусство художественного чтения? Мы идем на концерт известного чтеца, в большинстве своем зная содержание тех произведений, которые будут исполняться. Содержательная информация, получаемая в этом случае, практически равна нулю, тем не менее мы идем на концерт — и обогащаемся большой эстетической информацией. Недаром же говорят о различном прочтении художественных произведений. Искусство художественного чтения состоит в том, чтобы предельно полно функционировал паралингвистический канал общения.

Парафоника стала пружиной сюжета рассказа К. Чапека «История дирижера Калины». Герой рассказа — чешский дирижер, не знающий английского языка, приехал в Ливерпуль и стал невольным свидетелем разговора мужчины и женщины. Слов он не понимает, но, опытный музыкант, по интонации, по ритмике хорошо понимает суть разговора, в котором голос

мужчины у него ассоциируется с контрабасом, а женщины — с кларнетом.

Слушая этот ночной разговор, я был совершенно убежден, что контрабас склонял кларнет к чему-то преступному. Я знал, что кларнет вернется домой и безвольно сделает все, что велел бас. Я все это слышал, а слышать — это больше, чем понимать слова. Я знал, что готовится преступление, и даже знал, какое. Это было понятно из того, что слышалось в обоих голосах, это было в их тембре, в кадансе, в ритме, в паузах, в цезурах... Музыка — точная вещь, точнее речи [Чапек 1974: 415].

Парадоксально такое средство парафоники, как пауза. Молчание, полагал известный советский языковед, можно рассматривать как «особый способ говорения, ибо из глубин молчания — безмолвия рождаются и речь, и мысль. Характерная особенность “красноречивости” молчания — 78 определений этого слова в словаре русских эпитетов — от тяжелого, зловещего, гнетущего до благоговейного, величественного, таинственного» [Григорьев 2006: 73]. Яркий пример — финальная «немая» сцена комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». «...Оказывается, молчание тоже форма общения, едва ли не самая полная. Как хорошо молчалось мне с Аланом Маршаллом! Мы молчали о литературе, о нашей работе, молчали о предстоящих выборах. <...> молчали о настоящем, прошлом и будущем, о женщинах, которых любили, о надеждах, с которыми еще не расстались. Я многое понял из этого молчания» [Нагибин 1975: 239]. «Прямо он не сказал мне ни слова, но в его молчании слышалось благодушное одобрение всего, что можно было от меня ожидать» [Голдинг 1996: 187]. «Даже в его молчании были грамматические ошибки» (Ежи Лец) — для подобной шутки есть основания.

Информационная емкость параязыка

По мнению специалистов, важность несловесного канала информации трудно переоценить. «В пустом разговоре была не

только пустота, — улыбки, взгляды, движения рук, покашливание, все это помогало раскрывать, объяснять, понимать наново» [Гроссман 1989: 43]. В дневнике К.И. Чуковского есть запись о впечатлении от рассказов М. Горького о Л. Толстом: «Когда я записываю эти разговоры, я вижу, что вся их сила — в мимике, в интонациях, в паузах, ибо сами по себе они, как оказывается, весьма простенькие и даже чуть-чуть плосковаты» [Чуковский 1991: 110]. Изучение языков тела, по мнению специалистов, поражает богатством их выразительных возможностей. С помощью мимики, жестов, поз можно передать все бесконечное многообразие реакций на практически любые ситуации. Мысль и чувства, желание и настроение, просьба и приказ, все может быть отражено через язык тела. К языку тела прибегают сознательно и бессознательно. Примечательно, что «телесный язык по своей изначальной природе, действительно, не способен лгать»: речь напрямую связана с двигательными реакциями, которые спонтанны и поддаются контролю лишь при специальной тренировке, которая еще и не всякому под силу [Герасимова 2004: 180].

Возникает вопрос о количестве информации, отправляемой и получаемой по обоим каналам — словесному и неречевому. По мнению специалистов, несловесный канал в процессе бытового общения передает слушателям информации больше, чем канал словесный. Количественные оценки, правда, сильно колеблются, но в любом случае важность параязыковых средств в общении трудно переоценить. Так, автор книги «Правда о жесте» Ф. Сулже установил, что при разговоре люди придают словам лишь 7% значимости, интонации — 38%, а мимике и жестам — 55%. «Богатство жизни выдает себя через *богатство жестов*. Нужно *учиться* ощущать все — длину и краткость предложения, пунктуацию, выбор слов, паузы, последовательность аргументов — как жесты» [Ницше 1990: 752].

Всего один жест может полностью изменить смысл произнесенных слов. Сказанное устно при помощи манеры, тона, темпа и обстоятельств в очень большой степени само себя истолковывает. Соотношение количества информации, передаваемой с помощью обоих каналов, — величина переменная. Зависит она

от многих обстоятельств. Чем ограниченнее словарь, например, тем чаще личные намерения сигнализируются несловесным путем. Особенно это заметно в общении детей, подростков, военнослужащих, семейных пар и лиц, долго проживающих совместно.

В современной науке и практике активно развиваются теоретическое и прагматическое направления в изучении параязыка.

Теоретический аспект изучения параязыка

Теоретики языка полагают, что невербальное — ключ к проблеме глоттогенеза (происхождения языка). В истории развития человеческого языка выявлен переходный период от первой ко второй сигнальной системе, который профессор И.Н. Горелов назвал «функциональным базисом речи». Эту промежуточную систему коммуникации в процессе очеловечивания «прошел» не только наш предок, но ее «проходит» и каждый ребенок. Функциональный базис речи — это система протопонятий со своей собственной знаковой системой — параязыком. Это протоязык мимики и жестов, взглядов и фонаций, которым человек владеет инстинктивно, как биологическое существо. Этот невербальный (несловесный) язык понятен и животным. Для животных такая коммуникация — верхразвития, для человека — основа развития первого, бессознательного интеллекта и ступенька в обретении истинно человеческого языка, второй сигнальной системы.

Полагают, что люди, их дети и животные объединены «языком эмоций». Понятность и универсальность этого языка обеспечивается закономерными связями между акустическими средствами выражения эмоций голосом и физиологическим состоянием организма, испытывающего ту или иную эмоцию.

Язык эмоций подсознателен и в силу этого непроизволен. «Жест в этом городе родился раньше слова. Все жестикулировали, размахивали руками, сверкали белками, стараясь объяснить друг дружке — если не самый смысл жизни, то хоть приблизительный» [Дон-Аминадо 1991: 47]. Русский писатель

А.П. Шполянский (псевдоним Дон-Аминадо), столь образно описавший старую Одессу, и не подозревал, как точно он представил предысторию человеческой речи. Жест родился раньше звукового слова не только в этом городе, но и на планете Земля.

Телесная природа сознания

Для адекватного понимания места параязыка в структуре коммуникации важен учет концепции телесной природы сознания. Эта концепция ориентирована на выявление телесных детерминант познания, жизни и духовной деятельности человека. Согласно концепции, человек как существо мира средних размерностей (мезокосма) организует свою картину мира в соответствии с параметрами собственной телесности, которая определяет основные направляющие его мыслительной и преобразующей активности, которые, в свою очередь, оказывают обратное влияние на функционирование телесности [Телесность 2009].

Телесность сознания, подчеркивает Е. Князева, не означает отрицания идеальности его продуктов, но указывает на необходимость учета телесных детерминант духовной деятельности и познания, поскольку сознание отелеснено, воплощено, а тело одухотворено, оживлено духом [Князева 2009: 31]⁶.

Объект познания и способ его познания зависят от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве. Существуют телесные нити, управляющие разумом. «...Мыслит человек не только мозгом, чувствует не только сознанием, он мыслит и чувствует всем своим телом» [Там же: 49]. Через двигательную активность, через действия формируются когнитивные (добавим: коммуникативные) способности живого организма как в онтогенезе, так и в филогенезе [Там же: 32, 34].

⁶ Неслучайно Е. Князева эпиграфом к своей статье выбрала слова американского философа и психолога, одного из основателей прагматизма У. Джеймса (1842—1910): «Тело есть центр бури, начало координат, постоянное место напряжения в цепи нашего опыта. Все вращается вокруг него и ощущается с его точки зрения» [Князева 2009].

Сознание выполняет свои когнитивные функции в действии и через действие — в этом выводе ученого заключено теоретическое обоснование природы параязыка. Рука породила человека, она сыграла ключевую роль в психогенезе, социогенезе, культурогенезе — с этим выводом соглашается все большее количество специалистов [Воронцов 2012].

Французские ученые, например, установили, что наилучших результатов при изучении иностранного языка достигают учащиеся, которые не только смотрят и пишут буквы чужого алфавита, но и ощупывают их. Психологи из университета г. Гренобль (Франция) изготовили рельефные знаки японского алфавита катакана и предложили изучающим японский язык не только упражняться в написании и произношении этих знаков, но и ощупывать их. Результат оказался удивительным: по сравнению с контрольной группой «ощупыватели» гораздо быстрее и лучше запомнили знаки катаканы. Экспериментаторы объясняют это тем, что осязание является связующим звеном между зрением и слухом, способствуя взаимодействию этих чувств. По этой причине все дети тянут в рот все познаваемые предметы [<http://inauka.ru/fact/article90830>].

Прагматический аспект изучения параязыка

«Говорим голосом, беседуем всем телом». Эти слова приписывают древнеримскому автору Публицию. Менеджеры убеждены, что в международном бизнесе не обойтись без хорошего знания теории и практики паракинесики. В Японии, например, женщины-продавщицы изучают программу школы гейш, где неречевой контекст общения считают важнейшим средством для достижения взаимопонимания. Специалисты по переговорам считают, что успех делового контакта зависит от того, насколько слова соответствуют несловесным сигналам.

Английские специалисты Дж. Ниренберг и Г. Калеро написали очень популярное во всем мире пособие для деловых людей под выразительным названием «Читать человека — как книгу». В пособии — основы боди ленгвидж — языка жестов, мимики и телодвижений человека. Австралийский предпри-

ниматель и ученый Аллен Пиз выпустил книгу «Язык телодвижений», которая в США с 1961 по 1991 г. переиздавалась 14 раз общим тиражом свыше одного миллиона экземпляров. Русский — двадцать седьмой язык, на который она переведена. Книга задумывалась как пособие агентам по продаже товаров, менеджерам, руководителям предприятий. Однако она заинтересовала преподавателей, следователей, врачей, журналистов. Внимательно читают ее психологи и искусствоведы.

Паралингвистика (парафилология)

Информативные и экспрессивные возможности невербальных средств информации в форме паракинетики и парафоники оправдывают целесообразность особой отрасли филологии. В современную науку уверенно входит новый термин *параязык* — явления и факторы, сопровождающие речь и не являющиеся вербальным материалом: громкость, паузы нерешительности, модуляции голоса, мимика, жесты, глазной контакт между коммуникантами и т.д. Термин паралингвистика, который традиционно обозначал совокупность несловесных средств, связанных со звучанием речи и паузами, теперь переосмысливают и употребляют в качестве наименования научной дисциплины, изучающей параязык. Последующие рассуждения дают основание для дискуссии о целесообразности более общего термина — *парафилологии*.

Художественно-творческий аспект параязыка

Помимо научно-теоретического и прагматического аспекта в изучении параязыка есть аспект художественно-творческий. «Письмо Антона Павловича Дюковскому о смерти брата очень сдержанно. Все слова ясны, просты. Печаль не в словах, а за словами» [Зайцев 1991: 315].

Творческая деятельность человека не мыслится вне жеста. Очень тонко подметил это мастер слова А.Н. Толстой: «Я наконец понял тайну построения художественной фразы: ее форма обусловлена внутренним состоянием рассказчика, повествова-

теля, за которым следует движение, жест. И, наконец, — глагол, речь, где выбор слов и расстановка их адекватна жесту» [Толстой А.Н. 1972: 53—54].

Андрей Белый впервые ввел «жесты» в поэзию: язык пробелов, лесенки слов. А. Блок не случайно настаивал, чтобы собрание его сочинений, начавшее издаваться до реформы орфографии в 1918 г., допечатали по-старому, так как стихи были рассчитаны на это. Графическая сегментация текста, расположение его на бумаге, шрифтовый и красочный набор, типографские знаки, необычное написание и нестандартная расстановка знаков пунктуации — этот арсенал параязыковых средств помогает углубить и выразительно передать мысль и чувство автора.

Важно заметить, что параязыковой способ передачи информации в художественном творчестве зачастую способствует словесной оформленности речи. В статье «Как делать стихи» В. Маяковский говорит о том, что стихи у него вырастают из «поэтического гула». Думается, что «муки слова» у поэтов и писателей — это напряженная попытка гармонически согласовать словесный и несловесный каналы поэтической информации.

Трудно переоценить роль параязыка в искусстве, художественном творчестве, культуре в целом и в киноискусстве в частности. Для практики немного кино жест и мимика — главное изобразительное и выразительное средство. Для филолога интерес представит книга Ю. Цивьяна «На подступах к карпалистике: Движение и жест в литературе, искусстве и кино» [Цивьян 2010]. Термин *карпалистика* в названии монографии, по сообщению автора, придумал В. Набоков. Термин произведен от позднелатинского слова *carpus* ('кисть руки') и в романе В. Набокова «Пнин» получил свое определение:

Скоро обнаружилось, что Пнин является истинной энциклопедией русских кивков и ужимок, что он свел их в таблицу и может кое-что добавить к Лоренсовой (Лоренс Дж. Клементс — коллега Пнина, читающий лекционный курс «Философия жеста». — А.Х.) картотеке, посвященной философской интерпретации жестов — иллюстративных и неиллюстративных, связанных

с национальными особенностями и с особенностями окружающей среды [Набоков 1993: 185].

Лоренс снял даже фильм, посвященный тому, что Тимофей считал существенной частью русского «кистеведения»... Пнин... демонстрирует жесты, лежащие в основе таких русских глаголов, — подразумевающих движения рук, — как «махнуть», «всплеснуть», «развести»: рука роняется, как бы смахивая усталую уступку; две руки театрально распахиваются в изумленном отчаянии; «разъединительный» жест — ладони разъезжаются, в знак беспомощной покорности [Там же: 185—186].

Л.Н. Толстой о параязыке

Л.Н. Толстой в своих «Дневниках» однажды с огорчением отметил: «Я невольно, говоря о чем бы то ни было, говорю глазами такие вещи, которые никому не приятно слышать, и мне совестно, что я говорю их» [Толстой 1985: 82].

Вспомним эпизод из романа «Война и мир»:

Наташа, сама не зная этого, была вся внимание: она не упускала ни слова, ни колебания голоса, ни взгляда, ни вздрагивания мускула лица, ни жеста Пьера. Она налету ловила еще не высказанное слово и прямо вносила в свое раскрытое сердце, угадывая тайный смысл всей душевной работы Пьера [Толстой 1981: 235].

97 оттенков улыбки и 85 оттенков выражения глаз героев увидим мы, читая «Войну и мир» Л. Толстого.

— Что... — начала она вопрос, но вдруг остановилась. Она почувствовала, что словами нельзя ни спросить, ни ответить. Лицо и глаза Наташи должны были сказать все яснее и глубже [Толстой 1981: 61].

Первым, кто обратил внимание на элементы параязыка в художественных текстах Л.Н. Толстого был В.В. Виноградов. В статье «О языке Толстого (50—60-е годы)», написанной в 1939 г., филолог замечает:

...В непосредственной мимике, в экспрессивных изменениях глаз, губ, лица Толстой видит язык — более глубокий, сложный и экспрессивно-содержательный, чем язык обычных слов. Правда, этот язык Толстому приходится воспроизводить средствами литературного слова, или той же устной речи. Поэтому диалог толстовских героев всегда двупланен. Звучат голоса героев. Но параллельно с этой речью, сплетаясь с ней, ее дополняя, разъясняя или разоблачая, вступая с ней в противоречие, иногда ее вытесняя, развивается другой диалог — зрительный: говорят глаза, губы, рот, лицо, говорят их сменяющиеся выражения. И всю сложную семантику их показаний, весь этот многозначительный мимический разговор Толстой передает тоже в образах и формах устного диалога, который наслаивается на произносимый, звучащий диалог. Иногда воспроизводится только один молчаливый, но от этого не менее красноречивый язык мимики, который делает ненужными звучащие слова. Однако, и в этом случае Толстой переводит язык мимики на формы внешней речи, читая «слова» глаз, улыбки, уст, лица. Стиль этого разговора глаз, лица, улыбки остается неизменным на протяжении всего творчества Толстого [Виноградов 1939: 206].

Параязык в художественном тексте

Место параязыка в художественном тексте видно на примере писательской практики Л.Н. Толстого. Остановимся на трилогии «Детство. Отрочество. Юность» [Толстой 1978]. В юношеской трилогии великого писателя около 140 фрагментов, которые так или иначе связаны с параязыком.

Часть фрагментов можно отнести к числу теоретических: в них автор рассуждает об особенностях неречевой коммуникации людей.

Во-первых, Л.Н. Толстой обратил внимание на то, что параязык особенно актуален в детском и юношеском возрасте, и это еще один аргумент в пользу концепции Н.И. Горелова о функциональном базисе речи:

Мне показалось, что во взгляде его выражался вопрос, зачем я пришел сюда, а в быстром наклонении головы желание скрыть

от меня значение взгляда. Эта склонность придавать значение самому простому движению составляла во мне характеристическую черту того возраста (подчеркнуто нами. — А.Х.) [Толстой 1978: 179].

Во-вторых, параязык складывается в условиях малых социальных групп, и прежде всего в семье:

...Существует частная, более или менее развитая в различных кружках общества и особенно в семействах, способность, которую я назову пониманием. Сущность этой способности состоит в условленном чувстве меры и в условленном одностороннем взгляде на предметы. Два человека одного кружка или одного семейства, имеющие эту способность, всегда до одной и той же точки допускают выражение чувства, далее которой они оба вместе уже видят фразу; в одну и ту же минуту они видят, где кончается похвала и начинается ирония, где кончается увлечение и начинается притворство, — что для людей с другим пониманием может казаться совершенно иначе. Для людей с одним пониманием каждый предмет одинаково для обоих бросается в глаза преимущественно своей смешной, или красивой, или грязной стороной. Для облегчения этого одинакового понимания между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой язык, даже обороты речи, даже — слова, определяющие те оттенки понятий, которые для других не существуют. <....> Например, у нас с Володиёв установились, бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: *изюм* означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги, *шишка* (причем надо было соединить пальцы и сделать особенное ударение на оба *ш*) означало что-то свежее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т.д., и т.д. Но, впрочем, значение зависело больше от выражения лица, от общего смысла разговора, так что, какое бы новое выражение для нового оттенка ни придумал один из нас, другой по одному намеку уже понимал его точно так же» [Толстой 1978: 280—281].

В-третьих, продемонстрировано, как рождаются элементы параязыка:

— Здравствуйте, *дипломат!* сказал Дубков, подавая мне руку. Приятели Володи называли меня *дипломатом*, потому что раз, после обеда у покойницы бабушки, она как-то при них, разговорившись о нашей будущности, сказала, что Володя будет военный, а что меня она надеется видеть *дипломатом* [Толстой 1978: 180]; — Верно, у него денег нет! Правда? О! *Дипломат!* — прибавил он утвердительно, объясняя мою улыбку [Там же: 181].

Теоретические замечания писателя иллюстрируются многочисленными художественными примерами о месте параязыка в коммуникативной деятельности человека.

— Разве вы **бьете** своих детей, моя милая? — спросила бабушка, значительно поднимая брови и делая особенное ударение на слово **бьете** [Там же: 61]. Карл Иванович взглянул на меня и снова отвернулся, но в беглом взгляде, который он бросил на меня, я прочел не равнодушие, которым объяснял его холодность, но искреннюю, сосредоточенную печаль [Там же: 133]. Никогда ни в ком не встречал я такого фамильного сходства, как между сестрой и матушкой. Сходство это заключалось не в лице, не в сложении, но в чем-то неуловимом: в руках, в манере ходить, в особенности в голосе и в некоторых выражениях. Когда Любочка сердилась и говорила: «целый век не пускают», это слово целый век, которое имела тоже привычку говорить тамап, она выговаривала так, что, казалось, слышал ее, как-то протяжно: це-е-лый век [Там же: 173]. В каждом его телодвижении, в каждом изгибе его спины, мне кажется, что я вижу несомненные признаки отвратительного наказания, постигнувшего его [Там же: 163]. Всякий раз, когда случайно встречались наши глаза, мне казалось, что во взгляде моем выражается слишком явная неприязнь, и я спешил принять выражение равнодушия, но тогда мне казалось, что он понимает мое притворство, я краснел и вовсе отворачивался [Там же: 161]. ...Она точно так же растягивает слова, поднимает брови и говорит: «мой милый» [Там же: 175]. Я чувствовал, что взгляд его был совокупно

обращен на меня и Иконина и что в нас не понравилось ему что-то <...> потому что он сделал, глядя опять-таки на обоих нас вместе, нетерпеливый жест головой, чтоб мы скорее брали билеты [Там же: 212]. ...Сказал Володя и начал мне объяснять бином Ньютона, но так скоро и неясно, что, в моих глазах прочтя недоверие к своему знанию, он взглянул на Дмитрия и, в его глазах, должно быть, прочтя то же, покраснел [Там же: 215]. Я стал было отвечать, но выражение его лица сковывало мне язык... [Там же: 218]. Что ж, я очень подурнела? — спросила она, встряхивая головкой [Там же: 239]. ...И сделала такой жест глазами, что князь, должно быть, догадавшись, чего она хотела, подошел ко мне ... [Там же: 244]. Варя, пожалуйста, читай скорее, — сказала она, подавая ей книгу и ласково потрепав ее по руке [Там же: 264]. Знаете, отчего мы так сошлись с вами, — сказал он, добродушным и умным взглядом отвечая на мое признание... [Там же: 185].

Поиски строевых единиц параязыка

Известно, что мимика и жест — элементы аналогового (непрерывного во времени) языка. Превратить континуум в цепочку дискретных единиц — давняя мечта исследователей. «Из жестов всех составить алфавит и научиться понимать все мысли» (Шекспир В. Тит Андроник) — мечтал великий драматург. Американский психолог Р. Бердвистл попытался выделить кин — мельчайшую единицу движения, аналогичную букве. Таких киноучений насчитал около 60. Известны и другие попытки поиска «алфавита жестов», однако ряд психологов настроен скептически. По их мнению, создать код, словарь, дискретный алфавит невербальной коммуникации невозможно, поскольку поиск алфавита — проявление лингвоцентризма — стремления изучать любые виды коммуникации по образу и подобию языка человеческой речи.

Невербальная коммуникация — проявление смысловой сферы личности. Она представляет непосредственный канал передачи личностных смыслов. То, что не удается ученым, оказывается по плечу мастерам художественного слова. Их опыт свидетельствует, что параязык в известной мере изоморфен

(структурно подобен) вербальному языку и в силу этого можно выделить структурные единицы параязыка.

Понятийно-терминологический аппарат паралингвистики

Параязык должен обладать своими структурными единицами. Мы предлагаем четыре термина — *паракинема*, *паралексема*, *парасемема* и *интерпретанта*.

Под *паракинемой* условимся понимать слово или группу слов, описывающих тот или иной жест. Паракинему в тексте выделим квадратными скобками. *Учитель встал и пошел к двери, как будто не замечая моего [взгляда], в котором выражались 'отчаяние, мольба и упрек'* [Толстой 1978: 145].

Паралексема в нашем понимании — средство передачи параязыковых элементов, или «звуковых жестов», — слово или группа слов, передающие фиксированную, тем или иным способом закрепленную в тексте интонацию или иную другую фонацию. Паралексему в тексте заключим в ломаные скобки: — *Пойдемте, <барчук>, я вас проведу, — сказал он, поворачиваясь назад и, по-видимому, сразу угадав мое положение...* [Там же: 204]. В тексте повести Л.Н. Толстой слово *барчук* выделил курсивом.

Паракинема и паралексема как формы передачи кинетических или интонационных жестов, как правило, сопряжены со словами, содержащими толкование или намек на смысл жеста, — парасемемой или интерпретантой.

Парасемема в нашем употреблении — это слово или группа слов, содержащих текстовый намек на смысл того или иного коммуникативного жеста. Семему в тексте ограничиваем «лапками». *Настал и мой черед: бабушка с 'одобрительной' [улыбкой обратилась ко мне]* [Там же: 58].

Интерпретанта — это авторское объяснение смысла жеста. В тексте интерпретанту выделяем фигурными скобками: *Любочка и Катенька [беспрестанно подмигивали нам], [вертелись на своих стульях] и вообще 'изъявляли сильное беспокойство'. {Подмигивание это означало: "Что же вы не просите, чтобы нас взяли на охоту?"}* Я толкнул локтем Володю, Володя толкнул

меня и, наконец, решил... [Там же: 28]; Впрочем, <теперь> некому об этом подумать, и вы можете делать, как хотите. {Слово “теперь” значило: ‘когда у них нет матери’...} [Там же: 132].

Паракинема и паралексема могут быть косвенными — в тексте указание на наличие кинетического или звукового жеста содержится, но сам жест дискретно не описывается: ...И доктор Блюменталь, маленький рябоватый человечек, который тщетно ‘старался успокоить’ Гащу, [делая ей глазами и головой таинственные миротворные знаки] [Там же: 130] — пример косвенной паракинемы. ...Отвечала бабушка <таким тоном>, как будто вопрос папа был ‘самый неуместный и оскорбительный вопрос’ [Там же: 131] — а это пример косвенной паралексемы.

Как правило, косвенные паракинемы и паралексемы включают в свой состав слова с обобщенным значением — *знак, тон* и т.п. — Ну, друзья мои, — сказал он решительно, [поднимая голову] и <тем особенным быстрым тоном>, {которым говорят вещи, очевидно, неприятные, но о которых судить уже поздно} [Там же: 302]; ...Продолжала она, помолчав немного и <тоном>, {который доказывал, что речь ее была приготовлена заблаговременно} [Там же: 157].

По образному замечанию французского лингвиста Ш. Балли, интонация — это постоянный комментатор мысли. «В художественном тексте интонация выполняет изобразительную функцию, рисуя некоторые элементы действительности: быстрое и медленное движение, больших и маленьких персонажей, эмоциональное состояние персонажей, силы добра и зла в сказках (подчеркнуто нами. — А.Х.) и т.п.» [ЛЭС 1990: 198]. Это цитата из «Лингвистического энциклопедического словаря», в ней интонация в не очень явной форме отнесена к устной (сказка!) форме речи.

Однако анализируемая трилогия свидетельствует, что для Толстого интонация настолько важна, что он пытается сохранить ее и в письменном тексте, используя шрифтовое средство — курсив — и выделяя паралексемы.

Паралексемы у Толстого различаются по своим целевым установкам. Несколько раз использована паралексема *дядька*. *Дядька* — ‘Устар. Слуга в дворянских семьях, приставлявший-

ся для надзора за мальчиком' [МАС: 1: 460]. — *Нечего их спрашивать, а надо спросить их <дядьку>*, — сказала бабушка, {особенно 'презрительно' выговаривая слово "дядька"}, — *что он смотрит?* [Толстой 1978: 132]; ...*Кажется, пора бы для них нанять гувернера, а не <дядьку>, 'немецкого мужика'* [Там же: 132]; ...*А не 'простой тепін', <дядька>, который 'годен только на то, чтобы водить их гулять'* [Там же: 133]; *Карл Иванович был смешной старик, <дядька>, {которого я любил от души, но ставил все-таки ниже себя в моем детском понимании общественного положения}* [Там же: 160]. Интонация включает в семантическую структуру слова социальную оценку персонажа.

На примере слова *порох* можно увидеть, как рождается паралексема. — *Боже мой, порох* (речь идет о рассыпанной дробі. — А.Х.)!.. — *воскликнула Мими задышающимся от волнения голосом <....> она позвала Михея и приказала ему выбросить весь <этот порох> куда-нибудь подальше...* [Толстой 1978: 130]; — *Вольдемар сказал, что сам Карл Иванович дал ему <этот порох>, подхватила Мими* [Там же: 132]. Вначале вместо точной в данной ситуации лексемы *дробь* ошибочно употреблена лексема *порох*, которая затем включила в себя эмоциональную реакцию Мими — ее ужас перед пожаром, и лексема становится паралексемой. Дополнительное значение усиливается указательным местоимением *этот*.

Паралексема может быть использована как способ выражения социальной оценки: (ждут учителя Лебедева) — *Нет, это не он, это какой-то <барин>*, — *сказал он* [Толстой 1978: 142]; ...*И чтобы загладить чем-нибудь свой отказ, я поспешил сообщить, что я не буду дома, потому что должен быть у <князя> Ивана Иваныча, у <княгини> Корнаковой, у Ивина, того само, что имеет такое важное место, и что, верно, буду обедать у <княгини> Нехлюдовой* [Там же: 237]; *Ну а скажите: вы были, мой друг, у <кнезь> (так. — А.Х.) Ивана?* [Там же: 243]; *Ведь вы знаете, что <кнезь> Иван вам все равно что отец* [Там же: 243].

Паралексема может выполнять функцию своеобразной эвфемии. Дядька Карл Иванович о своих недоброжелателях:

— Я знаю, чьи это шуточки и отчего я стал не нужен: оттого, что я не 'льщу' и не 'потакаю во всем', как <иные люди> [Там же: 23]; Я вполне разделял его 'ненависть' к <иным людям> [Там же: 26]. Мими о себе: ...Прибавляла Мими, 'задумчиво' [вздыхая], {как бы говоря: «не то бы сделали для него <некоторые люди>, если бы он сумел оценить их»} [Там же: 323].

Вместо имени пассива своего приятеля друга используют в качестве эвфемизма две паралексемы — <тетенька> и <рыженькая>. Нехлюдов, напротив, всегда серьезно сердился, когда ему намекали на его любовь к какой-то <рыженькой> [Толстой 1978: 179]; Не поехать ли нам к <тетке> [Там же: 228]; ...И ту, которую Володя и Дубков считали пассивом моего друга и называли <рыженькой>. ...но про <рыженькую>, {которую по-настоящему звали 'Любовью Сергеевной'}...он говорил мне с одушевлением [Там же: 250]; ...Он открыл в <бедной тетеньке> {(так называлась у них 'Любовь Сергеевна')}...такие совершенства, каких я и не подозревала [Там же: 258]; ...А <тетенька> в невинности души находится в адмирации перед ним... [Там же: 317].

Параязык и внутренняя речь

Внутренний монолог тоже включает в себя элементы параязыка: Несколько раз с различными интонациями и с выражением величайшего удовольствия, прочел он это изречение, выразившее его задушевную мысль; потом задал нам урок из истории и сел у окна. Лицо его не было угрюмо, как прежде; оно выражало довольство человека, достойно отмстившего за нанесенную ему обиду [Толстой 1978: 24]; Карл Иванович был очень не в духе. Это было заметно по его сдвинутым бровям и по тому, как он швырнул свой сюртук в комод, и как сердито подпоясался, и как сильно черкнул ногтем по книге диалогов... [Там же: 22].

Параязык, как и язык слов, — необходимая база внутренней речи, и Л.Н. Толстой убедительно показывает место параязыковых элементов в размышлениях героя, его внутренних монологах. Так, интонация — важнейший признак звучащей речи — в художественной практике Л. Толстого смещается в область

внутренней речи и выполняет важную функцию фиксации доминанты размышлений. Это видно на примере паралексемы <она>. Впервые и однажды паралексема она появляется в повести «Отрочество», когда речь идет о прислуге Маше: ...За которым сидит <она> в моем любимом розовом холстинковом платье и голубой косынке, особенно привлекающей мое внимание. <Она> шьет... [Толстой 1978: 162]. Подросток размышляет: “Отчего она не родилась барыней, с этими светлыми голубыми глазами, огромной русой косой и высокой грудью? Как бы ей пристало сидеть в гостиной, в чепчике с розовыми лентами и в малиновом шелковом капоте... Она бы шла в плящах, а я бы в зеркало смотрел на нее, и что бы ни захотела, я все бы для нее делал” [Там же: 163]. Перед этим в сознании героя повести проинтонировала лексема <женщина>: ...В одной из наших горничных я перестал видеть слугу женского пола, а стал видеть <женщину>, {от которой могли зависеть, в некоторой степени, мое спокойствие и счастье} [Толстой 1978: 128].

Позже во внутреннем мире теперь уже героя повести «Юность» возникает смутный образ будущей возлюбленной женщины, закодированный паралексемой <она>. Потом <она> тоже будет ходить гулять на Воробьевы горы и когда-нибудь подойдет ко мне и спросит: кто я такой? [Толстой 1978: 194]. ...И когда вдруг кто-нибудь вздумает оскорбить меня или станет отзываться непочтительно об <ней>, я возьму его так, просто, за грудь, подниму аршина на два от земли одной рукой и только подержу... [Там же: 194]; “Неужели она... <она>? подумал я. — Неужели <начинается>?” (обратим внимание на появление паралексемы <начинается>) Но я скоро решил, что она не <она> и что еще не начинается [Там же: 266]; ...В надежде вдруг где-нибудь встретить <ее> на полянке или под деревом [Там же: 288]. И вот являлась <она>, ‘с длинной черной косой, высокой грудью, всегда печальная и прекрасная, с обнаженными руками, с сладострастными объятьями’ [Там же: 292]. <Она> наконец приобретает отчетливый образ и окончательно уходит из размышлений юноши.

Когда персонажу важно не только содержание речевой реплики, но и ее форма, память услужливо сохраняет паралексе-

му: *...Про меня папа сказал как-то, что у меня <умная рожа>, и {я вполне верю в это}* [Толстой 1978: 177] — герою лестна оценка отца. *...Сказал ему, чтоб он принес, <пожалуйста, уже еще полбутылочку шампанского>* [Там же: 228] — герой впервые заказывает вино на свои деньги, и потому так запомнилась эта фраза с интонацией и синтаксическими ошибками.

Явления параязыка в художественном тексте нами обсуждаются на примере творческой практики Л.Н. Толстого, что, на наш взгляд, обеспечивает наблюдениям и выводам некоторую целостность. Это дает возможность сопоставить параязыковую составляющую художественного дискурса одного автора с аналогичной составляющей другого автора с целью выявления черт сходства и различия. Такое сопоставление писателей, творивших в разные века в рамках одной национальной традиции, позволяет увидеть возможную динамику если не самого параязыка (это отдельная тема), то практики включения явлений параязыка в художественный текст. Если же сравнивать параязыковую составляющую авторов, принадлежащих разным национальным литературам, можно обнаружить этнокультурные различия.

Сопоставительный анализ параязыка в художественных текстах

Интересно сопоставить тексты романов, принадлежащих перу авторов, творивших в одно и то же время в разных национальных литературах. В целях выявления универсальных и специфических лексико-грамматических способов вербализации параязыковых явлений были привлечены тексты романов И.А. Гончарова «Обрыв» и Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Исследование художественных произведений второй половины XIX в. объясняется тем обстоятельством, что основные составляющие исследуемых языков (лексика, грамматика) к указанному времени уже сформировались в их современном виде, в то время как межкультурное взаимодействие и взаимопроникновение культур (в том числе и в отношении

средств невербальной коммуникации), приводящие к «истиранию» этнических границ языков и культур, еще не было столь значительным, как в настоящее время. Выбор был predetermined, что авторы являются писателями соотносимого художественного уровня, романы близки по сюжету, объему текста и времени создания.

Выяснилось, что русский текст содержит больше контекстов описания параязыковых явлений и большее разноо-

бразии параязыковых моделей по сравнению с английским. Было высказано предположение, что высокая частотность употребления параязыковых средств объясняется национальными особенностями: устному русскому общению свойственна большая интенсивность использования невербальных средств по сравнению с английским. Как следствие «эмоциональная температура текста» у русских весьма высока, она гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках (подр. см.: [Вежбицкая 1997: 55]). Параязыковые средства в английском тексте изображают, описывают, в то время как в русском тексте они выражают экспрессию, эмоции, оценку. Поэтому во многих английских моделях представлено только описание того или иного движения без использования конкретизирующих его сочетаний [Русина 2007].

Известно, что художественное произведение, с точки зрения теории коммуникации, — это результат перекодирования многоканальной коммуникации в одноканальную, вербальную. В результате литературно-художественного творчества происходит переход от мыслительного образа к письменному коду. Читателю же предстоит процесс обратный — перекодирование письменного кода в мысленный образ со всеми коммуникативными компонентами. В этом случае читателю, равно как и переводчику, требуется параязыковая культурная компетенция.

Параязык, несмотря на базовые элементы универсальности, вырабатывает этнокультурные особенности, которые фиксируются в художественных текстах и ставят перед переводчиком трудные профессиональные вопросы, одним из которых является перевод описаний культурно-специфических жестов в художественной литературе [Степанюк 2008]. Главная сложность для переводчика — правильное понимание и самим формы исполнения и смысла описываемого элемента параязыка. В основе стратегии перевода лежит «буквальный» перевод жеста с добавлением переводческого комментария относительно значения описываемого жеста в культуре, к которой принадлежит

исходный текст. «Буквальный» перевод описания жеста позволяет передать особенности неречевого поведения в иноязычной культуре, а комментарий — понять значение такого поведения. Вторая стратегия — использование приема адаптации — нахождения функционального аналога [Там же: 65].

Можно с уверенностью утверждать, что параязык — один из специфических компонентов художественного текста, органически объединяющий бессознательное и артикулируемое в процессе создания и восприятия текста.

ПОЛЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

Понятие о научном знании. Понятие о вненаучном знании. Наивная лингвистика. Филологическая паремиология. «Народная», или ложная, этимология. Наивное литературоведение. Олитературенные формы вненаучной филологии. Поэтическая филология. Терминологическая неология. Эпистолярная филология. Филологическая деятельность персонажей как элемент сюжета художественного произведения. Сюжетная филология. Наивная филология в литературной критике. Место неявного знания в филологическом анализе. Взаимоотношение научного и вненаучного знания. Псевдонаучное знание.

Интерес человека к слову, речи, языку, процессу коммуникации возник вместе с человеком и не обнаруживает признаков угасания. Поле филологического интереса постоянно расширяется, и его можно разделить на две части — научную и вненаучную, «народную», филологию.

Понятие о научном знании

Ведущим в познании является знание научное. Одни ученые считают, что минимальный набор наиболее существенных особенностей научного знания включает в себя (1) истинность, (2) интерсубъективность и (3) системность. Под истинностью знания понимают соответствие его познаваемому предмету. Интерсубъективность трактуют как свойство общеобязательности, всеобщности знания. Этим оно и отличается от мнения, характеризующегося необщезначимостью и индивидуальностью. Системность знания обусловлена его определенной обоснованностью. Если практически-обыденное знание получает подтверждение из повседневного опыта, то организация обоснования в сфере науки имеет строгую дедуктивную структуру,

которая обеспечивает свойство дискурсивности знания. Оно, в свою очередь, базируется на принудительной последовательности понятий и суждений, заданной логическим строем знания (дедуктивной структурой), формирует чувство субъективной убежденности в обладании истиной. Поэтому акты научного знания сопровождаются уверенностью субъекта в достоверности его содержания. Одновременная реализация истинности, интерсубъективности и системности в полной мере определяет научность результатов познания (см. подробнее: [Ильин, Калинин 1985: 8–11]).

Другие науковеды настаивают на ином наборе критериев научного знания. Это 1) проверяемость; 2) возможность предсказания; 3) доказательность; 4) опровержение. Однако выясняется, что эти критерии недостаточны, поскольку они не схватывают специфику научной рациональности, а потому дискуссия о критериях научного знания продолжается. Считается, что идентифицирующими характеристиками любой области знания, претендующей на статус научной дисциплины, могут считаться наличие объекта и предмета исследования, методологии и метаязыка — совокупности понятий и терминов.

Выдающийся естествоиспытатель и мыслитель В.И. Вернадский считал, что наука — это совокупность трех основ — логики, математики и научного аппарата фактов. Третья основа науки — *научный аппарат фактов* — система и классификация научных фактов, точность которых достигает предела, когда научные факты могут быть выражены в элементах пространства — времени — количественно и морфологически [Вернадский 2004: 366]. Наука, продолжает ученый, существует пока регистрирующий аппарат правильно функционирует, а мощь научного знания зависит от глубины, полноты и темпа отражения в нем реальности. Без научного аппарата, даже если бы существовали математика и логика, нет науки. Однако рост математики и логики тоже может происходить только при наличии постоянно совершенствующегося научного аппарата. Сама логика и математика не являются чем-то неподвижным, отражают в себе движение научной мысли, которая проявляет-

ся прежде всего в росте научного аппарата [Вернадский 2004: 371].

При всем явном несовпадении дефиниций самого понятия «филология» и разбросе мнений о ее объекте и предмете, о чем говорилось выше, филология безусловно относится к научной форме познания. Ее статус как науки бесспорен, ведь все отмеченные выше критерии научного знания в полной мере применимы к филологии. Филологическое знание истинно, intersubъективно и системно. Оно основано не столько на традиции и авторитете, сколько на взаимозависимой экспертизе и всесторонней проверке результатов.

Понятие о вненаучном знании

Разумеется, ядерной частью филологического знания является научная филология. Однако существует обширная область знания, которую можно отнести к филологической периферии. Дело в том, что человек потому и живет, что познает. Мир широк и глубок, и человек осваивает его всеми доступными ему способами. В познавательном опыте человека наряду с научными обнаруживаются до- и вненаучные знания. В современных учебных книгах по истории и философии науки перечисляется немалое число типов знаний, лежащих за пределами науки. Например, в учебном пособии «История и философия науки» [Джегутанов и др. 2006: 84–85] говорится о знании ненаучном, донаучном, паранаучном, лженаучном, квазинаучном, анти научном и псевдонаучном.

Полагаем, что обобщенно можно говорить о трех типах знания — научном, вненаучном и псевдонаучном. Последние два — вненаучное и псевдонаучное — как раз и составляют филологическую периферию.

Вненаучное знание включает в себя знание обыденно-практическое, мифологическое, религиозное, эзотерическое, интуитивное, а также знание личностное. По мнению многих науковедов, к вненаучным формам знания принадлежат религия и философия, роль которых в возникновении научного знания и идеалов рациональности трудно переоценить. Наряду

с теоретической и экспериментальной наукой существует процесс преподавания науки, популяризация науки и ее использование (как практическое, так и теоретическое) для внеучебных целей.

Обыденно-практическое знание — это элементарные сведения о природе и окружающей действительности. Источник его — опыт повседневной жизни, разрозненный, практически не систематизированный, не требующий никаких доказательств. Формы этого знания, например, — здравый смысл, приметы, предрассудки, назидания, рецепты, личный опыт и традиции. Оно обеспечивает предварительное ориентировочное восприятие и понимание мира. К обыденно-практическому знанию относятся также опыт представителей «народной науки» — знахарей, целителей, экстрасенсов.

Внеучебное знание складывается в основном до становления науки, присуще всему социуму, служит почвой всякого познания. Сама наука зарождается на базе обыденно-практической подосновы. Обыденная практика как раз и ставит вопросы, которые сами по себе — начало науки.

Если наука опирается на выводное знание и свои результаты проверяет по выработанным в самой науке критериям, то внеучебное знание, складывающееся как форма непосредственного реагирования, опирается на ложные генерализации и стереотипы [Кашкин 2010: 299].

Обыденно-практическое знание — знание бесписьменное, передается непосредственным образом в рамках традиционной культуры. В языке традиция реализуется в форме пословиц, поговорок, идиоматики.

К сфере обыденно-практического знания относится и так называемое игровое познание. Й. Хейзинга (1872—1945), нидерландский историк и философ, основу культуры видел в игре как высшем проявлении человеческой сущности. Этому феномену посвящена его знаменитая книга «HOMO LUDENS: Человек играющий» [Хейзинга 1997].

Одной из версий внеучебного знания является *внеучебная филология*, которая проявляется в нескольких формах. Это наивная лингвистика, филологическая паремология, народная

этимология, наивное литературоведение. Можно говорить об олитературенных формах венаучной филологии (поэтическая филология, терминологическая неология, эпистолярная филология, сюжетная филология, наивная филология в литературной критике).

Наивная лингвистика

Обыденно-практическое знание о языке, об образах языка, запечатленных в нем самом, воспринимается как «естественная (наивная) лингвистика», «народное языкознание», «наивная картина языка», «бытовое» или «обиходное» языкознание.

Под наивной лингвистикой понимают комплекс представлений о языке, обнаруживаемый в самой системе языка и в обыденной речи его носителей. Наивная лингвистика складывается из мнений и взглядов обычных пользователей языка (не лингвистов) на язык и на языковую деятельность. Наивная лингвистика — это нерелефлирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык*, *речь*, *слово*, *смысл*, *значение*, *говорить*, *молчать* и др., — пишет составитель сборника «Язык о языке» [Арутюнова 2000: 7]. Статьи из этого сборника призваны ответить на вопросы: как представлял себе язык-речь человек, ничего о языке не знавший, но им владевший так, как он владеет рукой или языком-органом? как представлял себе человек, приобщившийся к грамоте и узнавший о существовании других языков, тот механизм, который регулирует потоки звуков, исходящих из его уст и имеющих своей целью что-то выразить и передать другому человеку? как воспринимал он сам звуковой поток — расчленено или целостно? как создавались слова, оставившие позднее ядро лингвистической терминологии, как они осмыслились и каким целям служили? [Там же: 7]. У термина «наивная лингвистика» есть несколько синонимических обозначений — «бытовая философия языка», «наивные взгляды на язык», «мифология языка», «наивная металингвистика» и др.

Профессиональные лингвисты отмечают научно-исследовательский потенциал наивной лингвистики, которая фактически содержит в себе «прото-теории», прототеоретические построения.

Естественную (наивную) языковую картину мира, которая отражает знания о мире и о языке усредненной языковой личности, можно обнаружить на материале, полученном от самих рядовых носителей языка. Имеется в виду массовый ассоциативный эксперимент, суть которого состоит в том, что каждому испытуемому предъявляется анкета, в которой содержится 100 слов-стимулов. На каждое из них респондент должен отреагировать первым пришедшим ему в голову словом и записать его рядом со стимулом. Сумма всех реакций на слово-стимул составляет его ассоциативное поле, а совокупность таких полей — ассоциативно-вербальную сеть, признанную коррелятом языкового сознания среднего носителя языка. Такая сеть представлена в «Ассоциативном тезаурусе современного русского языка» [Чулкина 2007].

Филологическая паремиология

Основные наивные представления о языке сконцентрированы в пословичном фонде этноса. В двух томах «Пословиц русского народа» В.И. Даля, по некоторым подсчетам [Ушакова 2008], насчитывается более 450 паремий⁷, в которых отразились представления русского народа о феномене языка.

В пословицах содержатся констатации о положительных и отрицательных фактах использования языка его носителями: *Кто говорит — тот сеет, кто слушает — пожинает; Лучше не договорить, чем переговорить; За твоим языком не успеешь бо-сиком; Кто языком штурмует, не много навоюет.*

В паремиях отражена вера в силу языка и могущество слова: *Язык телу якорь; Язык с богом беседует; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Язык до Киева доведет.*

⁷Паремии — пословицы и поговорки.

Пословицы о языке содержат в себе воспитательный потенциал: *Не спеши языком, торопись делом; Горлом не возьмешь; Горлом изба не строится.*

Пословицы предупреждают о вреде злословия и пустословия: *От одного слова да навек ссора; Много знай, да мало бай! Много баить не подобает.*

Сильна прагматика слова: *От приветливых слов язык не отсохнет; Кстати промолчать, что большое слово сказать; Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего и не хочет; Слово не воробей: вылетит — не поймает; Говори с другим поменьше, а с собою побольше; Умей вовремя сказать, вовремя смолчать.*

«Народная», или ложная, этимология

Одной из форм проявления наивной лингвистики является так называемая «народная», или «ложная», этимология — произвольное сближение разных по происхождению слов, когда в звуковой общности слов отыскивается близость смысловая. «— Ох, какая гадость! Недаром слово ужас происходит от ужа. Они у нас тут повсюду, и в саду, и под домом» (И. Бунин. Руся).

Народная этимология в слове *подушка* выделяет корень — уш— (под ухом), хотя на самом деле корень — дух—. *Смородина*— не сама родина, а *смород*— (смрад, сильный запах). *Зверобой*— наименование растения — не от *зверябить*, а *дырбой* (листья растения в мелких отверстиях).

В свое время в журнале были опубликованы результаты опроса студентов Липецкого пединститута, перед которыми стояла задача объяснить значения нескольких архаизмов. Были получены ответы: *стряпчий* ‘повар, а не чиновник’, *пищаль* ‘детская звуковая игрушка, а не огнестрельное оружие’, *треба* ‘то, что требуется, а не религиозный обряд’, *поганый* ‘противный, а не языческий’, *мытарь* ‘не сборщик налогов в Иудее, а человек, который испытывает мытарства, страдания, мучения’, *стольник* ‘сто рублей, а не придворный, рангом ниже боярина в Др. Руси до XVII в.’.

В наши дни школьники, принимавшие участие в олимпиаде, дают такие толкования предложенных в задании слов: *Психея*

‘болезнь, истерика’, *зело* ‘лоб, зло, глаз, тело, с/х труд’, *поелику* ‘обед’, *брифинг* ‘один из видов плавания; плавание на доске’, *шутиха* ‘женщина, которая много шутит’.

Звуковая похожесть слов *русский* и *этруски* (древние племена, населявшие три тысячи лет тому назад север современной Италии, создавшие развитую цивилизацию, предшествующую римской и оказавшую на нее большое влияние) дала основание псевдоученым для генетического сближения двух этносов и далеко идущих выводов, хотя этрусский и русский языки принадлежат разным языковым семьям. У этрусского языка родственников до сих пор не обнаружено.

Сам феномен «народной» этимологии в руках мастера слова может стать художественно-выразительным средством. Вспомним рассказ Н.С. Лескова «Левша» с его *гульваром*, *клеветоном*, *мелкоскопом* и др. Юмористы обыгрывают это явление в так называемом «бестолковом словаре»: *завтракать* — мечтать о будущем, *астрология* — разведение астр, *малярия* — побелочно-покрасочные работы, *соплеменник* — большой насморк, *швей-цар* — выходец из Швейцарии, *супермен* — любитель супа, *привратник* — фантазер, *консерватор* — преподаватель консерватории. Примеры детской этимологии: *плюнки* (слюнки), *ко-патка* (лопатка), *мазелин*, *пальчатки*, *улицционер*, *двухсестная коляска* (основания для «народной», или ложной, этимологии очевидны).

Наивное литературоведение

Наивное литературоведение связано с вопросом о максимально обобщенном, поверхностном представлении усредненной языковой личности о литературоведении, полученном не в результате специального изучения науки о литературе, а в процессе школьного обучения и общего приобщения к культуре. Понятие «наивное литературоведение» отличается от понятий «наивная геометрия», «наивная психология», «наивная этика», «наивная анатомия», «наивная лингвистика» и других, встречающихся в трудах по современной лингвистике, поскольку без обучения в школе литературоведческие понятия

и термины едва ли появятся в голове усредненной личности [Швец 2005].

С помощью «Русского ассоциативного словаря», например, выявляется «литературоведческая часть» филологической составляющей лексикона языковой личности. Отмечена, например, широкая область ассоциаций на слово *поэма*. Интересно, что многие филологические термины (*текст, предложение, синоним, многозначность, метафора, лексика, лексикон, эвфемизм, риторика, диалект, арго, сленг* и др.) активны не только на уровне распределений в языке и речи, но и в суждениях о неязыковой действительности.

Эксперименты показывают, что литературоведческие термины языковой личностью осваиваются по-разному. Одни (*гипербола, ода, поэма, сатира, баллада*) понимаются правильно, другие (*фабула, перифраз, лейтмотив*) вызывают затруднения [Козырев, Черняк 2007: 117–124].

Олитературенные формы внеаучной филологии

Помимо наивной филологии, существующей в устной форме, можно выделить письменные версии внеаучного знания — олитературенные формы внеаучной филологии. Эти формы весьма разнообразны. Укажем на некоторые из них.

Поэтическая филология

В свое время Я.И. Гин ввел понятие «поэтическая филология», к содержанию которого отнес высказывания писателей о языке, литературе, фольклоре, отмечая при этом, что такие высказывания непрофессионалов, с точки зрения научной филологии, могут опережать науку в постановке филологических проблем [Гин 1996: 125]. Предложенный Я.И. Гином термин *поэтическая филология* не кажется удачным, поскольку внимание переводит исключительно на те высказывания мастеров слова, в которых дается обобщенная характеристика феномена языка, которую метафорически обобщают как «чудо Слова». Имеются в виду поэтические признания в любви к родному языку

или ставшие хрестоматийными афористические высказывания М.В. Ломоносова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и др. о должном отношении к своей речи.

И весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося (А.Н. Радищев). Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей (Л.Н. Толстой). Все ясно только в мире слова, Вся в слове истина дана. Все остальное — бред земного, Бесследно тающего сна (Ф. Сологуб). Ржавеет золото и истлевает сталь, Крошится мрамор. К смерти все готово. Всего прочнее на земле — печаль И долговечней царственное слово (А. Ахматова). Священное уменье говорить, Произносить слова и строить фразу. Как просто это: стоит рот открыть, И чудо слова возникает сразу (Вас. Федоров). Серп времени нас жнет по одному. Блеснет он — и во прахе все коснеет. А слово неподвластно и ему. Оно — как дух: где хочет, там и веет (В. Коллегорский).

В корпусе стихотворных текстов, так или иначе связанных с «поэтическим языковедением» (термин М.Р. Шумариной), выделяются три группы произведений: (1) поэтически осмысливающие феномен языка и речи и их роль в жизни человека и общества (например, «Слово» Н. Гумилева, «Слово» И. Бунина, «Язык» Вяч. Иванова); (2) характеризующие конкретный язык, его историю, национально-культурное своеобразие и функциональные возможности («Русский язык» Я. Смелякова); (3) касающиеся конкретных сторон языка, его фонетики, лексики, грамматики, стилистики («Новые слова» Б. Слуцкого, «Вводные слова» А. Кушнера, «Упражнение по фонетике» Р. Рождественского и др.) [Шумарина 2013].

К разряду «поэтической филологии» можно отнести и опыт польского поэта и остролова Станислава Ежи Леца (1909—1966), польского поэта, мастера скептических морально-философских парадоксов и суждений, автора цикла афоризмов, сентенций и эпиграмм «Непричесанные мысли»,

переведенных на русский язык. Читать — одно удовольствие: остроумные, парадоксальные, заставляющие думать сентенции, даже в переводе содержащие блеск языкового воплощения.

Прочитав солидную по объему книгу в 928 страниц С.Е. Леца с говорящим названием «Почти все» [Лец 2005], обнаружим немалое число сентенций филологического содержания. Полистаем «языкознание» польского поэта. Итак, слово, считает Лец, по природе своей креативно: *Как мало всего происходило бы в мире, если бы не было слов!* (878)⁸. Креативность обеспечивается смысловой емкостью слова: *Иногда кажется, что это не слово не способно объять мир, а мир не в состоянии наполнить слово* (859). *В слове заложено все — даже его ложное значение* (753).

Социальная неоднородность общества предопределяет социальную дифференциацию языка. *Нет единых языков. Есть диалект правящих и диалект управляемых* (771). Эти социально противопоставленные «диалекты» различаются семантикой одних и тех же слов: *«Нет» сверху и «нет» снизу — это два разных слова* (876). Различаются «диалекты» выбором и доминированием тех или иных грамматических категорий: *Несмотря на то, что мы с соотечественниками пользуемся одной и той же грамматикой, мы часто, однако, расходимся во временах, а также в пассивном и активном залоге* (651). Социально различен и синтаксис языка: *Стиль времени: верхушка произносит главные предложения, народ — придаточные* (828). Поэт заметил то, что знают профессиональные лексикографы: каждая эпоха имеет свои лексические доминанты, а также и свои лексические лакуны — значимое отсутствие тех или иных слов при наличии соответствующих им понятий: *Об эпохе больше говорят те слова, которых не употребляют, чем те, которыми злоупотребляют* (360).

Хотя С.Е. Лец из жизни ушел в 1966 г., его поэтическая интуиция предчувствовала наступление языковой глобализации

⁸Здесь и далее в скобках после текстовой иллюстрации указана страница сборника.

с ее доминированием английского языка: *Наилучшим кляпом является обязательный для всех язык* (807). Суть современной интерлингвистики польский поэт выразил кратко и выразительно: *Из кирпича разобранной Вавилонской башни строят башенки эсперанто* (560).

Что касается грамматических категорий, то поэта интересуют не их классификационные характеристики, а функционально-выразительные возможности, их поэтические ассоциации. Сопоставление категорий единственного и множественного числа обеспечивает противопоставление уникального и банального: *Мир возник из Слова, а не из комбинации слов* (865); *Не знаю, слово ли создало мир, но боюсь, что слова его уничтожат* (735), — а также самодостаточного и стадного: *Предпочитаю народы, представляющие сумму Я, нежели являющиеся частицей Мы* (547). Налицо намек на замятинскую антиутопию «Мы». Категория грамматического времени глагола обеспечивает возможность языковой игры: *У некоторых глаголов нет будущего времени* (634); *Сплетничал язык о грамматике: «Представляете, у этой — прошедшее время»* (667); *Эх, кабы в самом деле существовало бы столько времен, сколько в грамматике* (722).

Работающего со словом не могут не занимать вопросы словообразования. Для поэта очевидно: *Слово рождается от слова, как человек от человека* (640). Рождению нового слова способствуют служебные морфемы, как частотные, так и уникальные. Морфемы, как и самостоятельные слова, могут приобретать коннотации, как правило, отрицательные. В истории русского языка суффикс *—ищ(е)*, ассоциирующийся с язычеством, стал средством передачи явлений, не совместимых с христианством. Русские путешественники в своем «хождении за три моря» называют нехристианские храмы привычным для них словом *церковь*, но с прибавлением суффикса *—ищ(е)*: *церквище*. В Словаре Даля найдем слово *женище* 'невенчанная, сожительница, наложница, незаконно венчанная или бранно, негодная жена' [Даль 1978: 533]. В новейшее время отрицательную коннотацию обретает заимствованный суффикс *—изм(ы)*. *Измы* *мн. разг.* 'Общее — не всегда одо-

брительное — название направлений в искусстве, философии, политике, науке и т.п., содержащее суффикс -изм-'. *Демократизмы, гуманизмы — идут и идут за измами измы* (В. Маяковский. 150000000). Отрицательная коннотация способствует появлению омонимичного существительного, с помощью которого Лец формулирует свое кредо: *Не приемлю «измов», кроме героизма* (804). Поэтический текст — благодатное поле окказиональности. Опыт И. Северянина и В. Маяковского, не говоря уже о В. Хлебникове, — убедительное тому свидетельство. Тексты С.Е. Леца в этом отношении не исключение. Поэт показывает, как рождается окказионализм: *Можно отвечать лаконично, а можно и лаоконично. Как тот мифический Лаокоон, что изо всех сил выкручивался из пут* (599). *Есть ли что-нибудь более грозное, чем Чингизхан? Чингиз-Хам* (555). Окказиональность — яркая примета филологической периферии, для которой характерно экспериментирование. В ходе подобного эксперимента выявляются как языковые возможности, так и речевые ограничения. С.Е. Лец не только демонстрирует рождение того или иного окказионализма, но и активно использует окказиональность в текстах «нефилологической» направленности. Приведем несколько примеров: *догматолух* (722); *Под вас роют конкротные дела* (866); *конформализм* (700); *митингуны* — великое племя (666); *парадоксизм* (545); *словоугодник* (617); *У любви может быть два финала: либо трагипозитивный, либо трагинегативный* (891). *троглоэрудит* (663); *хулигархия* (840); *шекспиранты* (674); *шекспиротехник* (674); *По неосмотрительности можно оказаться в энтузиарме* (594).

Словообразование предопределяет существование этимологии, которая стремится выявить первоисток смысла и начальной формы слова, в процессе многовековой жизни утратившего свой этимон. *Этимология? Все наши слова берут начало от того первого воя* (632). *Вся наша речь — между первым неоформленным криком человека и его последним предсмертным вздохом — о, как же она ненатуральна* (661).

Поэтический текст чаще всего возникает и хранится в письменной форме. По этой причине графика без внимания поэта

не обходится. Известно, что отдельные буквы стали объектом фразеологии. Например, *ставить точки над и* ‘окончательно выяснять все подробности, не оставляя ничего недосказанным; доводить что-либо до логического конца’. Поэт переосмысливает этот фразеологизм. С одной стороны: *Труднее всего стереть точку, поставленную над і* (526), с другой: *Над і должно существовать многоточие* (635).

Известно, что пунктуация из вспомогательного средства письма может стать символом исторической эпохи, идеологии или творческой личности. Так, двоеточие актуализировалось в XVIII в. — эпоху философии, энциклопедий, классификаций — в практике словарных дефиниций. Эпоха «бури и натиска» начала XIX столетия характерна доминированием восклицательного знака. Нацистская Германия, по свидетельству В. Клемперера, предпочитала кавычки, ставящие всю культуру под сомнение. Ученые любят точку с запятой, их потребность в логике требует некоего разделительного знака, более решительного по смыслу, чем запятая, но все же не такого категоричного, как точка. Личность тоже небезучастна к пунктуации. К. Маркс первым в философии стал активно употреблять восклицательный знак. М. Горький и М. Цветаева были неравнодушны к тире. С.Е. Лец обратил внимание на знак вопроса. Для него — *Вопросительный знак — это герб свободы* (849).

Поэт Лец не ограничивается поэтической рефлексией над теми или иными категориями языка или элементами письма. Он пытается определить фундаментальные свойства эффективной речи. По его убеждению, у речи есть два несомненных достоинства — *краткость*, доходящая до *умения молчать*. Для поэта, избравшего жанр предельно лапидарных текстов, умение говорить и писать кратко — задача профессиональная. Жить и работать в условиях тоталитарной идеологии предполагает умение умолчать, но так, чтобы молчание было насыщено чувством и мыслью.

Краткость — идеал во многом недостижимый и оттого весьма привлекательный: *Целые тома написаны о необходимости краткости* (715). Идеалом краткости при максимуме глубокого содержания может служить Священное Писание: *Из Деся-*

ти Заповедей я вывел одиннадцатую: краткость (708). Краткость — результат огромной работы, ибо быть кратким — задача не из легких: Попробуйте рассказать что-нибудь, не обращаясь к образам, присловьям, идиомам, не прибегая к штампам — даже и не литературным. Тут-то и узнаешь, как трудно быть простым (393). А.С. Пушкину это удалось: в его знаменитом «Я васлюбил...» специалисты не нашли ни одного художественного приема. Как трудно заполнить пространство одного предложения, особенно если оно должно быть коротким (803). Проще из трех слов сделать сто, чем из десяти пять (765).

Стремление к краткости стимулирует увеличение роли параязыка — системы невербальных средств общения, сопровождающих слово в процессе коммуникации. *Как можно меньше выражений, как можно больше выражения (737) —* призыв использовать такое удивительное средство передачи смысла, как интонация. У слова и молчания сложные взаимоотношения: *Даже когда рот закрыт, вопрос остается открытым (461); По их словам узнаете, о чем они хотели умолчать (365). Сколько же слов породило молчание! (861).* Искусство молчать — результат длительной работы над словом, над совершенствованием речи: *Кому язык послушен, тот часто молчит (525).* Молчание — органичный элемент общения, не мыслимого без ситуации и контекста, а потому не только слово требует контекста для проявления своего значения, но его требует и пауза для передачи содержащегося в молчании смысла: *Молчание нужно слышать в его же контексте (662). Из пособия по ведению дискуссий: «Красноречивое молчание должно быть непринужденным» (676).* Трудно сказать, взята ли эта цитата действительно из некоего пособия или это только мистификация остроумца. В любом случае речь идет о возможности и даже необходимости управлять качеством молчания. Умение умолчать — высший уровень ораторского мастерства: *Хочешь, оратор, лавры стяжать? Вещая, попробуй язык за зубами держать (164).* Иначе: *У тех с артикуляцией беда, кто рот не закрывает никогда (235).*

Заслуживают внимания предостережения поэта, обращенные к себе, и советы собратьям по творчеству: *Растолковать*

содержание слова — вот писательское искусство (877); Ломай синтаксис, если он не в меру задубел для мысли (743); Иным снится то, как они доводят слово до такой степени совершенства, что оно теряет смысл (805); Иные подбрасывают слово на языке, как шницель на сковородке, чтобы обжарить его с обеих сторон (846); Слова все более истерты, но от того и более прозрачны (750); Истертые слова не блестят (729).

Профессиональные филологи отмечают научно-исследовательский потенциал наивной лингвистики, которая содержит в себе «прото-теории». Вненаучное знание не выдает себя за научное и в то же время является знанием. Среди «филологических» сентенций Леца найдутся такие, что могут служить поводом для размышлений, своеобразными интеллектуальными задачами. Подумаем над ними: *Есть мысли, присущие лишь одному языку (783); В каждом из нас есть я, ты, он, она, оно, мы, вы, они. Но есть еще некто, кого нет ни в одной грамматике (595); Уточняя мысль, мы ограничиваем ее творческую свободу (744); Помни: и слова, которые ничего не значат, имеют значение (815); Есть мысли, которым никогда не оформиться в слова — даже бессмысленные (679); Слова — это некрологи мыслей (729); Свобода, равенство, братство. Как дойти до глаголов? (749); Разным словам требуется разное количество слюны (634); Я что-то не слышал, чтобы существительное «право» употреблялось в ласкательной форме (581).*

115 примеров поэтической рефлексии над языковыми категориями и речевыми особенностями. Извлеченный материал буквально сам структурируется, и в итоге выстраивается текст, достойный внимания не только рядовых читателей, но и профессиональных филологов. Опыт свидетельствует, что филологические суждения поэта могут быть точными, тонкими и перспективными в научно-исследовательском отношении.

Терминологическая неология

В статье «Неологизмы-термины как элементы индивидуальной “поэтической филологии”»: возможность словарного

представления» Н.А. Фатеева, развивая идеи Я.И. Гина, пишет о созданных поэтами неологизмах, которые приобретают статус своеобразных новых лингвопоэтических терминов, через их семантическое толкование расширяющих представление о языковых и стихотворных явлениях, которые они называют. Вот несколько примеров: *поэзия* В. Каменского, *продолжень*, *вступ* А. Крученых, *лингвопластика*, *пластилистика* А. Левина, *словарево* А. Альчука, *глаголы несовершенного времени* В. Строчкова, *деепричастное* А. Гуницкого, *видео*мы и *поэтарх* А. Вознесенского, *тихотворенье мое немое*, *рифмо-лепта*, *запятые языка*, *стихослагатели* И. Бродского [Фатеева 2012: 46–47, 53]. В рамках такой «поэтической филологии» в процессе поэтического творчества переплетаются сами языковые и стиховедческие явления. Реализуется креативная компетенция, которая позволяет порождать новые факты языка и расширять предметную лингвистическую область поэтической речи [Там же: 47].

Эпистолярная филология. Филологическая деятельность персонажей как элемент сюжета художественного произведения

Уникальным источником идей и фактов служит эпистолярный — совокупность писем выдающихся филологов, писателей, философов и педагогов, всех, кто профессионально занимается словом.

Из писем можно узнать то, чего не встретишь в публикациях того или иного автора. К примеру, в романах И.А. Гончарова или в его статьях мы не встретим тех суждений о языке, которые содержатся в его письмах к образованным дамам русского общества, которые были равнодушны к писательству. Так, в письме к Е.А. Нарышкиной есть пассаж о языке как важнейшем этническом признаке: «Больше всего языком человек принадлежит своей нации» [Гончаров 1977_а: 15]. В этом письме есть суждения о том, что во второй половине будущего XX в. назовут антропоцентризм: «Язык — не есть только говор, речь: язык есть образ

всего внутреннего человека: его ума, того что называется сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных... Да, язык — есть весь человек в глубоком, до самого дна его природы, смысле» [Там же]. Этому языку учатся не по тетрадкам и книгам, а впитывают от родителей, кормилицы и няньки, от товарищей и подруг. Это язык народа, купцов и мещан, язык ремесел. И как достойное завершение — обработанный, чистый литературный язык образцовых писателей. «Стало быть, язык, а с ним русскую жизнь, всасывают с молоком матери — учатся и играют в детстве по-русски, зреют, мужают и приносят пользу по-русски. Он то же для человека, что родной воздух!» [Там же]. Эти слова о роли родного языка не раз вспомнятся и прозвучат на лекциях или лягут на страницы филологических или педагогических сочинений.

В письме к С.А. Толстой И.А. Гончаров говорит о связи языка, национальности и оригинальности творчества писателя: «...К какой бы нации, и полу, и званию автор не принадлежал, но если он будет думать на одном языке, говорить на другом, а писать на третьем — он будет всегда так же бледен, туманен и бесцветен, как его герои. Оригинальность, силу, колорит и проч. может дать писателю только его национальность» [Гончаров 1977₆: 16]. Завершается письмо энергичным тезисом: «...Нужно русскому быть русским — а связывает нас со своею нацией больше всего — язык» [Там же: 22].

Совсем не случайно, что письма, казалось бы, достаточно интимная область общения, составляют полноценную часть литературного, научного, культурного наследия, концентрируются в специальные сборники типа «Переписка с русскими писателями» Л.Н. Толстого [Толстой 1962].

Немало глубоких мыслей великого писателя было сформулировано в письмах к его корреспондентам, например, мысль о соотношении языка и художественного творчества из письма Толстого к Н.Н. Страхову в 1872 г.:

...А язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне

мил. Язык этот, кроме того — и это главное — есть лучший поэтический регулятор [Толстой 1992: 61: 278].

До сих пор остается актуальной, хотя в полной мере и не решенной задачей филологии — отыскивать в тексте — художественном или научном — присутствие самого автора текста:

Не только в художественных, но в научных философских сочинениях, как бы он ни старался быть объективен — пускай Кант, пускай Спиноза, — мы видим, я вижу душу только, ум, характер человека пишущего [Толстой 1992: 66: 254].

Обширная переписка А.П. Чехова, представленная двумя томами [Чехов 1984], дала возможность из фрагментов писем, посвященных вопросам литературного труда, составить сборник «А.П. Чехов о литературе» [Чехов 1955].

В последнем томе собрания сочинений замечательного русского писателя второй половины XX столетия Евгения Ивановича Носова (1925—2002) представлена его переписка с коллегами по литературному цеху. В письмах не только добрые, нежные слова сердечного расположения к адресатам, не только радость по поводу выхода в свет новых рассказов и повестей, своих и чужих, не только горестные сетования на злоключения в кабинетах руководителей издательств и журналов, не только жалобы по поводу нездоровья и благодарность за добрые слова и скромные гостинцы друзей, в письмах содержатся размышления о радостях и издержках литературного труда, о секретах мастерства, о тех моментах создания текста, которые ведомы тем, кто их создает. Вот несколько таких заметок из писем Е.И. Носова В.П. Астафьеву, которые в сумме представляют авторское кредо писателя.

Творческий инстинкт удерживал Е.И. Носова от сползания в социологизм, столь соблазнительный при описании отрицательных сторон жизни.

Я все лезу в социологию, что-то пытаюсь доказывать, а это вряд ли нужно. Ведь все эти штуки, пусть даже написанные с жа-

ром души, быстро гаснут и покрываются холодным пеплом. Спустя пять—десять лет их читать уже невозможно [Носов 2005: 5: 101].

Тогда что же может обеспечить достаточное долгожителство твоих творений? Ответ неожиданный, но он звучал неоднократно.

Очевидно, надо подумывать о «вечности» творений, об их всегдашней свежести, и в этом смысле лучшее дело, ты прав, — лирический, теплый и душевный, не обязательно сладкий и благополучный рассказ [Носов 2005: 101].

Мне кажется, что если бы рассказ был выдержан в подобном грустном, сдержанном, элегическом настрое, то он разил бы куда сильнее, чем твое злое ехидство [Там же: 105].

По мнению Е.И. Носова, лиризм, элегичность, сдержанность, теплота и душевность обладают свойством обеспечивать воздейственность прозы на читателя и долговечность ее художественного эффекта.

Требуемые свойства прозы возникают только в результате длительной и тщательной работы над стилем повествования.

Но вот второе замечание, которое я бы отстаивал. У тебя есть стиливые срывы. Ты начинаешь рассказ широко, плавно, элегически, чистым, хорошим языком размышляющего интеллигента. А в середине есть места, где ты срываешься, — говоришь запальчиво и грубо [Там же: 105].

Не раз при чтении произведений молодых коллег и в отзывах о прочитанном у Носова возникнет плотницкий образ писательской работы: «сама фраза неошкуренная, из нее коряво торчат ненужные сучки»; или: «Фразу надо ошкурить и хорошенько потесать» [Там же: 170—174]. К этому образу подвигала потрясающая требовательность мастера к своему творчеству:

Над последним рассказом — «Красное вино победы» — работал все лето — апрель, май, июнь, июль. Вот вчера только отнес на

машинку. Собственно, это единственная вещь в этом году. В прошлом году написал тоже всего один рассказ. Продуктивность моя упала до предела, хотя дурака и не валяю, работаю много, пишу по 3—4 варианта одного и того же рассказа — не правлю, а каждый раз пишу заново. Фактически на один рассказ приходится по 5—6 печатных листов [Там же: 117].

Сюжет — неотъемлемая, казалось бы, принадлежность прозы, тем не менее Евгений Иванович размышляет о его необходимости и об ограничениях, накладываемых самой сюжетикой:

Хорошо писать по сюжету. Но я их делать не умею, сюжет — всегда придумка. А жизнь — она без сюжетов. И чем ближе к жизни, тем безыскуснее должна быть вещь. В этом трудность ее написания [Там же: 124—125].

С одной стороны, сомнения в необходимости сюжетов, а с другой — мысль о романе, который с трудом можно представить без сюжета, если это не поток сознания, а реалистическое произведение. Из письма к В.П. Астафьеву:

Начинаю серьезно подумывать о романе. Хочу воспроизвести в прозе «Слово о полку Игореве». Но не просто пересказать, а покопаться в этом времени поглубже. Этот князь противоречив и авантюрен, и я вовсе не собираюсь выдавать его за национального героя [Там же: 114—115].

Писалось это в 1967 г., а в 1977 г. завершена была повесть «Усвятские шлемоносцы» с эпиграфом из «Слова о полку Игореве»: «И по Русской земле тогда Редко пахари перекликались, Но часто граяли враны». Преемственность в великой литературе может принимать самые разные формы.

В одном из писем Евгений Иванович подбадривает друга-писателя:

Теперь ты уже не принадлежишь самому себе, а прежде всего — святому и великому делу, коим во веки веков было на Руси

слово — будь то былина, песня или простое слово правды [Носов 2005: 113].

В этих словах жизненное и писательское кредо Носова.

Задумывался писатель и о формах национального в художественном творчестве. В письме к коллеге по литературному цеху В.И. Юровских Носов сформулировал свое понимание русскости:

...Мне меньше понравились твои газетные публикации, которые ты прислал мне вместе с письмом. Понимаешь, в них ты излишне-нарочито уснащаешь свою лексику книжной рускостью. Для того чтобы писать на хорошем русском языке, не обязательно то и дело прибегать к сказоподобию. В этом твоём письме очень чувствуется поделковость, некая стилизация под «хохлому». А надо, чтобы все было естественно, просто и через это — хорошо, поэтично [Там же: 217—218].

Из чего складывается то самое русское слово, из которого рождается феномен русской литературы? Ответ содержится в яркой метафоре — оценке мастерства В.И. Юровских:

Ты владеешь тем редким даром, тем редким ферментом пчелы, которая, казалось бы, из ничего, из невидимой пыльцы нашего неброского разнотравья собирает и творит целебный и непостижимый наукой и разумением мед для человеческой души. У тебя все получается целительно и ароматно, потому что берешь свой взятки не с искусственных газонов, а на просторах отчей стороны [Там же: 224].

Письмо Носова М.С. Астафьевой-Корякиной — своеобразный мастер-класс, преподанный писательнице. Начало — общая весьма положительная оценка:

Превосходная книга! Я закрыл ее с уважением и с какой-то возвышенной думой о сокрытой силе русского человека, о невосребованности его доброты, святого долготерпения и тех духов-

ных сокровищ, кои несут свет и благо, где бы этот человек ни жил и чего бы ни касались его руки и душа [Там же: 170].

Затем детальный — по предложениям и абзацам — разбор текста. Начало разбора — оценка вступления. Каждому пишущему следует помнить и по мере возможности использовать завет Мастера:

Авторское вступительное слово — это фирменный знак книги. Оно должно быть идеально выверено и прозрачно, как бокал хорошего вина — без лишних слов, без неясностей и опечаток... Фирма! Творческое лицо автора! Его интеллектуальный автограф [Там же: 171].

Знакомясь с перепиской писателей и поэтов, обсуждающих между собой вопросы литературы, языка, стиля, невольно приходишь к мысли о существовании де-факто *эпистолярной филологии* — размышления мастеров слова над тем, что занимает и профессиональных филологов.

Сюжетная филология

Сюжетная филология — филологическая деятельность персонажей художественного произведения как элемент сюжета. Обратим внимание на пассаж из романа В. Набокова «Пнин»:

...Пнин-преподаватель даже и не осмеливался хотя бы приблизиться к величественным сооружениям современной научной лингвистики, к этому аскетическому братству фонем, к храму, в котором ревностные молодые люди изучают не сам язык, но методы научения других людей способам обучения этому методу, каковой метод, подобно водопаду, плещущему со скалы на скалу, перестает уже быть средой разумного судоходства и, возможно, лишь в некотором баснословном будущем сумеет стать инструментом для разработки эзотерических наречий — Базового Баскского и ему подобных, — на которых

будут разговаривать одни только хитроумные машины [Набоков 1993: 162–163]⁹.

Наивная филология в литературной критике

Круг наивных форм филологического знания можно расширить за счет литературной критики первой половины XIX в., в которой давалась грамматическая оценка языка русских поэтов В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина. Критики, не будучи профессиональными лингвистами, в своих оценках опирались на собственный языковой опыт, а также на первоначальные и неполные сведения о русском языке, вынесенные из школы. Эта непрофессиональная, наивная лингвистика была своеобразной формой филологической деятельности, способствовала развитию у критиков лингвистического чутья, заставляла всматриваться в языковую ткань произведения, учила объективно отмечать достоинства авторов [Серебряная 2011: 3–4].

⁹ Еще один пассаж, иллюстрирующий феномен внеучной лингвистики: «Органами, отвечающими за порождение звуков английской речи являются: гортань, небо, губы, язык (пульчинелла этой труппы) и последняя (по порядку, но не по значению) — нижняя челюсть; на ее-то сверхэнергические и отчасти жевательные движения и полагался главным образом Пнин, переводя на занятиях куски из русской грамматики или какое-нибудь стихотворение Пушкина. Если его русский язык был музыкой, то английский — убийством. Особые затруднения (“дзи-ифи-икульти-и” на пниновском английском) были у него связаны со смягчением звуков, ему никак не удавалось устранить дополнительную русскую смазку из *t* и *d*, стоящих перед гласными, которые он столь причудливо умягчал. Его взрывное “*hat*” “*I never go in hat even in winter*”) отличалось от общеамериканского выговора “*hot*” (типичного, скажем, для обитателей Вайнделла) лишь большей краткостью и оттого более походило на немецкий глагол “*hat*” (имеет). Долгие “*o*” у него неукоснительно становились короткими: “*no*” звучало просто по-итальянски, что усиливалось его манерой утраивать это простое отрицание (“*May I give you a lift, Mr. Pnin?*” — “*No-no-no, I have only two paces from here*”). Он не умел (и не догадывался об этом) хоть как-то произносить долгое “*y*”: единственное, что он мог смастерить, когда приходилось сказать “*noon*”, это вялую гласную немецкого “*nun*” (“*I have no classes in afternun on Tuesday. Today is Tuesday*”))» [Набоков 1993: 204].

К вненаучным формам филологического познания отнесем и оценочные высказывания о науке вообще и филологии в частности. Примером может служить обидный для филологов афоризм В.О. Ключевского: «Чистая филология производит впечатление человека, который, отправившись в путь, второпях забыл, куда и зачем он идет» [Ключевский 1993: 40]¹⁰.

Место неявного знания в филологическом анализе

Со времен выхода в свет книги британского философа М. Полани в структуре научного знания учитывается и такой феномен, как личностное знание [Полани 1985]¹¹. М. Полани различал знания объективные и субъективные. Субъективные знания он назвал личностными, которые, по его мнению, могут быть явными и неявными. Это знание является знанием скрытым, неочевидным, неартикулированным, невыраженным в языке, логически не оформленным, существующим на уровне индивидуального сознания, поскольку оно не может передаваться. Оно предстает как неотъемлемая и неповторимая особенность индивидуального знания, как характер и личность человека [Борисенков 2011: 62]. С точки зрения аксиологии, неявное знание зависит от ценностных ориентаций и установок индивида. Оно не является компонентом или результатом бессознательного, поскольку является особым способом существования и результатом деятельности сознания. Неявное знание связано с познавательной деятельностью человека.

¹⁰Обратим внимание еще на один афоризм-наставление для филологов: «Чем меньше слов, тем больше филологии, потому что любое слово значит не злоупотреблять им» [Ключевский 1993: 91].

¹¹Справедливости ради надо заметить, что идею неявного (личностного) знания гораздо раньше обозначил русский ученый С.Ф. Ольденбург: «Все яснее становится, какое значение имеет для планомерности научной работы изучение истории методов каждой дисциплины, изучать которые надлежащим образом можно лишь, знакомясь с самою интимною стороною работы ученых; так, как нам вполне обнаруживают ее и неизданные материалы, и переписка ученого, где он высказывается гораздо свободнее, а часто и определеннее, чем в печатных трудах» [Азиатский музей... 1920: 6].

Неявное знание формируется в разных областях познания — научной, художественной, религиозной, моральной, философской и идеологической. На неявном уровне эти знания составляют индивидуальный ансамбль, взаимно влияя, обеспечивают эвристику познания. Неявное знание склонно относить к т.н. предпосылочному знанию, благодаря которому происходит реальное развертывание последующих познавательных актов, из которых складывается производное, «апостериорное» знание. Неявное знание способствует возникновению новых тем, гипотез и всего того, с чего и начинается научный поиск. «Молчаливые» компоненты сознания воплощаются в умении экспериментировать, осуществлять диагностику, в мастерстве владения теоретическими методами. Невыразимы практические навыки, которые передаются в непосредственном общении. Отсюда необходимость мастер-классов и феномен обучения народных мастеров, которые вырастают у колена другого мастера. Велика роль неявного знания в анализе и интерпретации явлений, связанных с таким эфемерным феноменом, как смысл, где филолог (да и не только) осознает значение и смысл текста без осознания грамматических, синтаксических и других правил его построения, включая и язык.

Взаимоотношение научного и вненаучного знания

Многообразие форм вненаучного знания свидетельствует об известной ограниченности сутобо научного познания. Мнение о недостаточности науки чаще всего возникает у тех, кто служит ей профессионально. «...Наука (рацио) новых идей не рождает. Она их только классифицирует и квалифицирует, то есть относит к той или иной сфере знания и определяет их научную значимость. Идеи создает не ученый, а мыслитель. <...> Наука (рацио) предоставляет духу в категориальной форме тот информационный раствор, из которого дух выкристаллизовывает идеи. Но именно дух волнует это море информации, создает в нем напряженность, в результате чего рождается новая идея. Наука только ставит задачи и побуждает тем самым дух к работе. Она — как катализатор, который запускает в ход реакцию,

но сам в реакции не участвует. По отношению к творчеству наука выступает как своеобразная бухгалтерия. Она учитывает богатство, сводит дебит с кредитом, задает вопросы, ставит задачи. Но она не создает богатство, а только распоряжается им. Это тоже нужно, но это не творчество» [Косарев 2000: 280].

Научное и ненаучное знание разграничивается на основе закона достаточного основания. Ненаучное знание не требует обоснования, а научное знание дискурсивно и рационально удостоверяется.

Научное и ненаучное познание различаются своими средствами. Даниилу Андрееву, автору знаменитой «Розы мира» [Андреев 1992_а] принадлежит мысль о том, что средство искусства — показ; средство религии — рассказ; доказывание — средство одной лишь науки [Андреев 1992_б: 102].

Псевдонаучное знание

Как показали материалы «круглого стола» на тему «Псевдонаучное знание в современной культуре» (2001), этот тип знания достаточно многообразен и активен. Характерно оно и для современной филологии. В отличие от ненаучной наивной лингвистики псевдолингвистика опирается на сознательное исследование языкового материала пользователями языка на доступном им уровне. Совокупность непрофессиональных лингвистических концепций называют также *фолк-лингвистикой* [Полиниченко 2010]. Это непрофессиональные лингвистические штудии, базирующиеся на донаучной или по своей сути квазинаучной методологии. В зарубежной лингвистике эту «науку» называют «фантастической лингвистикой» или «лингвистикой псевдоученых» [Там же]. В современной российской любительской лингвистике наличествуют три направления: (1) интерпретация алфавита и любительская фоносемантика; (2) дешифровка и прочтение древних надписей; (3) этимологические и лингвоисторические штудии.

В псевдонаучном знании чаще всего встречаемся с этимологизаторством тех, кто филологией специально не занимается. Юморист М. Задорнов, не обременяя себя лингвистиче-

скими знаниями, предлагает широкой аудитории плоды своих псевдоэтимологических «разысканий». В слове *Расея*, считает он, начальный элемент *Ра-* означает ‘свет’ (как и в слове *радушный*), отсюда его вывод, что слово *Расея* древнее и переводится как ‘рассеивающее (сеющая) свет’. *Радушный*, для Задорнова, делится на две части: *Ра* и *душный* (от существительного *душа*) и значит ‘светлый душой’. Кандидат филологических наук З. Дерягина показала ошибочность подобной «этимологии». Слово *Россия* — книжное. Оно появилось в русском языке только в XVI в., а до этого были в употреблении названия *Русь*, *Руськая земля*, *Московское царство*, *Московия*. Название *Россия* пришло к нам из книжного греческого языка — вот почему оно пишется с двумя согласными *с*. В памятниках русской письменности слово *Россия* встречается только, начиная с 1517 г., и представляет собой книжное заимствование. Первоначально слово *Россия* употреблялось в русском языке только в высоком царском стиле, но с конца XVIII в. оно начинает проникать во все сферы жизни нашей страны, т.е. получает бытование и в простой речи, где позднее и появилась его упрощенная форма — *Расея*. В русском просторечии XIX в. (именно в просторечии!!!) произносили: *Расея*. Что касается прилагательного *радушный*, то оно произошло из словосочетания *рад душой*. Два смежных звука *д* слились в один. Неслучайно заметка об «этимологиях» Задорнова озаглавлена «Вздорнов» [Дерягина 2008э]¹².

В научной литературе много пишется и на телевидении часто говорится об одиозных теориях академика-математика А.Т. Фоменко, изложенных им в книге «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» (соавтор Г.В. Носовский). Поскольку теории ориентированы не только на историю, но и на филологию, то оппонентом математику стал академик-филолог А.А. Зализняк. В нынешнюю эпоху, пишет он, когда классический научный идеал и без того находится под неслыханным натиском иррационализма всех видов, вклю-

¹² Ярким примером псевдонаучного мышления может служить развернутый диалог двух «ученых» М. Задорнова и В. Чудинова, опубликованный в «Литературной газете» (№ 9 и 12—13 за 2008 г.).

чая ясновидение, гадание, суеверия, магию и т.п., А.Т. Фоменко, беззастенчиво используя всю мощь традиционного авторитета математики, внедряет в молодые души представление о том, что в гуманитарных науках нет в сущности никакого позитивного знания, зато есть масса сознательных подлогов, и можно, свысока относясь к пыльным и тенденциозным традиционным сочинениям, смело противопоставлять любому утверждению этих наук свою интуитивную догадку. Согласно Фоменко и Носовскому, Лондон раньше стоял на берегу Босфора, а Батый — это Иван Калита. Короче, лингвистические и филологические построения академика от математики находятся на уровне самого примитивного и невежественного дилетантизма. Как человек, глубоко почитающий математику, — продолжает Зализняк, — я должен сказать, что едва ли кто-либо когда-либо наносил столь тяжкий урон престижу математики и математиков в общественном сознании, как А.Т. Фоменко. Еще недавно представители гуманитарных наук судили о возможностях плодотворного участия математиков в решении их проблем по замечательным работам А.Н. Колмогорова. Ныне им придется судить по А.Т. Фоменко [Зализняк 2000: 68].

Фоменко не одинок. Представители фольк-лингвистики особенно активны в области политической лингвистики, где популярна проблема языковой политики. В фольк-лингвистических текстах господствуют две мифологемы:

(1) мифологема целенаправленной языковой политики: язык подвергается сознательным изменениям в худшую сторону, в итоге он становится более примитивным. Такая языковая политика проводится представителями «врагов» или сил «зла», врагами русского языка и направлена на ослабление взаимопонимания людей, на изменение их мышления.

(2) мифологема ущербности «официальной» науки о языке: современная лингвистическая наука как таковая по происхождению является нерусской (западной) и основана на антирусской идеологии¹³.

¹³ Подробный анализ работ по фольк-лингвистике см. в: [Полиниченко 2010].

Первая мифологема присутствует в сочинениях авторов, исповедующих неоязыческие (в широком смысле) взгляды, а вторая популярна у авторов, считающих себя представителями науки, пусть даже «неофициальной», а свои труды как научные. В качестве образчика фолк-лингвистической штудии возьмем цитату из публикации В.В. Данилова, создателя «партии духовного ведического социализма», автора книги «Арийская империя. Гибель и возрождение. Книга первая. Евангелие от ариев» (М., 1999): «Чтобы узнать истинный смысл любого современного русского слова, необходимо разбить его на составные части, являющиеся отдельными санскритскими словами, и сделав их перевод с помощью санскритско-русского словаря, прочесть их по очереди. Прочитав же и переведя каждое санскритское слово отдельно, в их правильном расположении (справа налево), мы узнаем истинный смысл каждого русского слова» (цит. по: [Полиниченко 2010]).

В двух номерах научно-популярного журнала «Наука и жизнь» была опубликована большая, убедительно аргументированная, доступная широкому читателю статья А.А. Зализняка «О профессиональной и любительской лингвистике». Завершается она советами, как выявлять факты псевдофилологии. «Сочинение о языке любительское, если в нем встречается хотя бы одно из следующих утверждений:

- звук А может переходить в звук В (без уточнения языка и периода времени);
- гласные не имеют значения, существен только «костяк согласных»;
- слово А получилось в результате обратного прочтения слова В;
- такая-то древняя надпись из той или иной страны читается по-русски;
- название А такого-то города или такой-то реки той или иной дальней страны — это просто искаженное русское слово В (из чего видно, что эта страна была некогда населена русскими или они овладели ею);
- такие-то языки произошли из русского — того, на котором говорим мы с вами;

- три тысячи (или пять, или десять, или семьдесят тысяч) лет тому назад русские (именно русские, а не их биологические предки, общие с другими народами) делали то-то и то-то.

Чтение такого сочинения может даже оказаться занятным, но только твердо знайте: оно из области фантастики — сколько бы ни уверял вас автор в том, что это научное исследование» (см. подробнее: [Зализняк 2009_б], а также: [Зализняк 2009_а]).

Сопоставление научной, вненаучной и псевдонаучной филологии приводит к однозначному выводу: вненаучное знание не выдает себя за научное и в то же время является знанием, псевдонаука выдает себя за науку, а знанием не является [Псевдонаучное знание 2001: 3—31]. Псевдонаука выстраивает своеобразную интеллектуальную стену между наукой и обществом, нанося последнему непоправимый вред.

Только научная филология может быть надежным инструментом в разоблачении псевдонаучных утверждений относительно тех или иных фактов языка. Профессиональный филолог, сосредоточившийся на проблемах и вопросах научной филологии, обязан внимательно следить и за филологической периферией в виде вненаучной и псевдонаучной филологии. Первая может быть источником наблюдений, фактов и идей, а вторая сводит на нет усилия настоящей науки о слове.

СТРУКТУРА ФИЛОЛОГИИ КАК НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Дисциплинарная структура науки. Первоначальное единство отечественной филологии. Начало дифференциации филологии. Общенаучные предпосылки дифференциации филологии. Закономерность дифференциации. Дефиниции литературоведения и лингвистики. Своеобразие предмета литературоведения. Место лингвистики в структуре научной филологии. Доминирование лингвистики. Базовый характер лингвистики. Ограниченность возможностей лингвистики. Основания для единства филологии. В поисках единства филологии как научного знания. Центростремительные тенденции в филологии. Текст как стимул интеграции филологии. Дискурсный анализ и его роль в сближении филологических дисциплин. Возникновение новых внутрифилологических наук. Становление новой словесности. Теоретическое осмысление общифилологических вопросов.

Дисциплинарная структура науки

Известно, что наука — структура динамичная, и в своем становлении и развитии она реализуется на трех уровнях — (1) исследовательская область, (2) специальность и (3) научная дисциплина [Огурцов 1988: 236]. Каждый уровень отличается количеством вовлеченных исследователей — от пассионарных личностей, открывающих новые пространства и намечающих векторы научного поиска, до исследовательских коллективов и научных школ, а также уровнем социализации полученных результатов — от индивидуальной удовлетворенности полученным знанием до трансляции достигнутого знания в культуру, социализации новых поколений, передачи идеалов и норм, признанных научным сообществом.

Критерием зрелого научного знания считается наличие научной дисциплины. Научная дисциплина — это определенная форма систематизации научного знания, которая предпола-

гает институционализацию знания, осознание общих норм и идеалов научного исследования, формирование научного сообщества. Она вызывает к жизни специфический вид научной литературы (обзоров и учебных книг). В рамках научной дисциплины возникают определенные формы коммуникации между учеными, создаются организации, ответственные за образование и подготовку научных кадров. Дисциплинарная организация знания обладает рядом функций. Это трансляция достигнутого знания в культуру, социализация новых поколений, идентификация каждого из ученых с научным сообществом. Научная дисциплина обладает рядом характеристик — специфические способы расчленения предмета исследования, принимаемые теоретические принципы, дисциплинарные критерии оценки теоретических положений, используемые методы, вспомогательные аналитические и технические методики, степень методической специализации [Огурцов 1988: 241, 244—245].

Филология как наука не является исключением. Она уверенно реализовалась на всех трех уровнях.

Заметим, что возникающая научная дисциплина от соответствующей науки отличается своим расширением в сторону других наук. Например, литературоведение включает в свой состав историю литературы, а история — это гуманитарная, но уже не филологическая область знания. Она использует инструментарий историка, но не филолога. То же можно сказать об истории лингвистических учений по отношению к лингвистике.

Первоначальное единство отечественной филологии

Единое поле гуманитарного знания о человеке в первой половине XIX в. разделилось на знание историческое и филологическое. Вплоть до начала XX в. господствовало «филологическое дело в его старинной полноте, обнимающей язык и литературу» (С. Бочаров). Все многообразные явления слова изучались в русле единой области знания, ярко представленной в трудах Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни. По выражению В.В. Кожина, эта филология вбирала и сплачивала в определенную целостность любые словесные феномены — от метафоры поэта до тех-

нического термина, от чеканной фразы античного историка до сегодняшнего просторечного оборота — и сыграла грандиозную роль в истории культуры [Кожин 1975: 250—251].

Эта область знания в XIX в. именовалась *словесностью*. Составители соответствующей антологии [Русская словесность 1997] связывают данное понятие с русской филологической культурой и российским университетским образованием, указывая, что во многом понимание термина было очень широким и лишь отчасти соответствовало тому, что теперь называют филологией. Словесность не может быть приравнена «ни к лингвистике, ни к литературоведению, хотя и не является простой совокупностью этих наук. В целом с большой условностью теорию словесности характеризуют как науку о тексте, устном и письменном» [Нерознак 1997: 5], при этом составители отмечают, что устное народное творчество — песни, сказки, былины и т.д. — издавна назывались «народной словесностью», а «в дореволюционной гимназии преподаватель языка и литературы назывался словесником» [Там же]¹⁴.

Начало дифференциации филологии

Однако филология в ипостаси словесности обнаруживает внутреннюю неоднородность и к концу XIX столетия предстает как языкознание и литературоведение. Процесс разделения единого прежде знания Ю.М. Лотман объяснил так. В середине XIX в. от университетского филолога требовалось глубокое знание древних языков, умение вести текстологическое, комментаторское и биографическое изыскания. Затем последовательно прибавлялись требования владения историческим материалом, широкой сравнительно культурной эрудицией, навыками социологического исследования, возникла статистическая методика изучения стиха, литературоведческая стилистика и т.д. Требования возрастали, круг знаний, необходимых филологу, неуклонно расширялся. Однако одновременно шел и обратный

¹⁴Об истории понятия и термина *словесность* в русской научной традиции и его соотношении с понятием и термином *филология* см.: [Аннушкин 2008; 2009].

процесс: литературовед перестал быть филологом — лингвистика стала самостоятельной и далекой профессией. Древние языки и литературы стали изучаться лишь узким кругом специалистов, «западник» получил негласное право знать о русской литературе лишь из общих курсов, а «русист» — столь же поверхностно разбираться в зарубежной (не только западноевропейской, но и славянской!) литературе. Быть текстологом, стиховедом стало для литературоведа не обязательным, а факультативным признаком. Этот процесс имеет свое объективное объяснение: он связан со специализацией — характерным признаком науки предшествующего этапа. Однако он имел не только положительные последствия: быть литературоведом, особенно специализирующимся в области новой литературы, стало легче. А к этому прибавился и ряд привходящих причин, которые способствовали понижению критериев в гуманитарных науках [Лотман 1967: 100].

Наряду с языкознанием в филологии оформляется литературоведение, основы которого восходят к античным философам и поэтам и которое вырабатывалось в трудах С.П. Шевырёва, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни и А.Н. Веселовского, а также в литературно-критической деятельности В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, А.А. Григорьева и др. Дальнейшее развитие литературоведения осуществлялось в рамках научных школ и концепций (миграционная теория, мифологическая школа, сравнительно-историческое литературоведение).

Общенаучные предпосылки дифференциации филологии

Дифференциация наук вообще и филологии в частности не может быть следствием произвола исследователей, чем-то субъективным. Дифференциация наук закономерна. Начинается разделение с количества и качества исследовательских инструментов. Уровень методологии делает научными дисциплины качественно разными. Так что, заметил Ю.М. Лотман, разделение филологической науки на лингвистику и литературоведение — это факт истории культуры, а с фактами не спорят [Лотман 1979: 47].

Закономерность дифференциации

Неоднородность единой науки начинает ощущаться на уровне подходов к объекту науки. Так, с самого начала становления филологии стало очевидным противопоставление того, что позже назовут языкознанием и литературоведением, в рамках анализа текста. Так, солидаризуясь с Я. Гриммом, который в предисловии к третьему изданию своей «Немецкой грамматики» разграничил два «рода изучения» языков, Ф.И. Буслаев указывает на особенности филологического и лингвистического подхода к языку.

Для филологии «язык есть только средство к изучению древней литературы, но средство, неистощимо богатое содержанием. Цель филолога достигнута, если он мало-помалу сжигается с древним языком и, долго и непрерывно упражняясь, вглядывается в него и чувственно и духовно, так усваивает себе его образ и состав, что свободно может употреблять его, как собственное врожденное достояние, в разговоре и чтении памятников литературы отжившей. Содержание и форма взаимно обуславливаются друг другом, так что с возрастом умознания речи и поэзии богатеет и содержание для грамматики. Идет она шагом более твердым, чем смелым, с взглядом более здравым, нежели проницающим вдаль на богато разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любит вскапывать ее в глубину. Такая грамматика преимущественное внимание обращает на синтаксис, которого нежная ткань дает знать о цветах и плодах изучаемой почвы и в котором особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхождении изменчивых звуков и отдельных форм, довольствуясь тщательным и обычным употреблением их в речи. В учении об образовании слов занимается она не столько обнажением корней, сколько производством и сложением слов. Все правила языка направляются к лучшим произведениям литературы и неохотно распространяются на области языка, не обработанные искусством и запущенные. Все грамматическое изучение неукоснительно служит критике словесных произведений, полагая в том свое призвание и цель» [Буслаев 1992: 28].

Лингвистический «род изучения» «углубляется в язык, как в непосредственную цель свою и менее заботится о живом и целом выражении. Действительно, можно изучать язык сам по себе и открывать в нем законы, наблюдать не то, что на нем выражается, а то, что живет и вращается в нем самом. В противоположность предыдущему, такое языкоучение можно назвать членоразлагающим, ибо оно более любит разнимать по частям состав языка и высматривать его кости и жилы, менее заботясь наблюдать свободное движение всех его членов и подслушивать нежное его дыхание. <...> Это изучение мало следит за ходом и судьбою литературы и находит себе такую же пищу в языке необработанном, даже в грубом диалекте, как и в возвышеннейших произведениях классических. Прежде всего берется оно за простейшие стихии в звуке и флексиях и в гораздо меньшей мере занимается синтаксисом» [Там же: 28].

Ф.И. Буслаев указывает на тех ученых, которые «филологически обрабатывали грамматику», и тех, кто «лингвистически обрабатывали языкознание», и выделяет Якоба Гримма, «совершеннейшего лингвиста», который «дает своим лингвистическим исследованиям и филологический интерес». Этот опыт Я. Грима, по словам Буслаева, следует перенять русским языковедам. «Отечественный язык, по существу своему, необходимо должен подвергаться и филологическому, и лингвистическому способу исследования. Хотя лингвистическому следует преимуществовать, ибо нам неизвестнее происхождение форм своего языка, нежели употребление оных». Филолог, пишет далее Буслаев, должен «углубляться в подробности слов, оборотов, предложений и постоянно рассматривать частности в связке общим, ибо словесное выражение отличается от всякого другого именно тем, что во всяком предложении виднеется необходимая часть живого целого» [Там же: 29].

Неопределенность объекта изучения предопределяет неопределенность статуса науки (или наук). Так, В.В. Федоров образно назвал филологию «номинальной хозяйкой домов, фактическими владельцами которых являются литературоведение и лингвистика. Обе эти науки традиционно считаются «фило-

логическими”, но в чем заключается их “филологичность”, никто не знает толком». Пока не определен собственный предмет филологии как науки, до тех пор остаются неясными и весьма проблематичными те «принципиальные» отличия лингвистики и литературоведения, о которых весьма охотно рассуждают их представители. Не зная свойств рода, мы беремся определить видовые отличия» [Федоров 1979: 37].

Дефиниции литературоведения и лингвистики

Сопоставим общепринятые определения литературоведения и языкознания (лингвистики). «Краткая литературная энциклопедия» (1967): литературоведение — это наука, всесторонне изучающая художественную литературу, ее сущность, происхождение и общественные связи; это совокупность знаний о специфике словесно-художественного мышления, генезисе, структуре и функциях литературного творчества, о локальных и общих закономерностях историко-литературного процесса; в более узком смысле слова литературоведение — наука о принципах и методах исследования художественной литературы и творческого процесса. Литературоведение включает в себя ряд взаимосвязанных разделов: методологию и теорию литературы; историю литературы; литературную критику [Мейлах 1967: 331].

Лингвистика определяется как учение о языке, исследующее закономерности его структуры, функционирования и развития, включающее сравнение отдельных языков с целью выявления генетических и типологических связей между ними.

Как видим, в определениях литературоведения и лингвистики практически нет общих элементов, хотя принципиально они должны быть, поскольку для филолога, будь он языковедом или литературоведом, текст не только объект, но и предмет исследования. Текст для филолога — не документ, а монумент, достойный всестороннего изучения. Однако наличие двух безусловных единиц филологии — слова и текста — явно ведет к мысли о возможности не менее двух научных дисциплин.

Своеобразие предмета литературоведения

В чем же видится принципиальное отличие литературоведения от лингвистики, что послужило их рубежом? Критерием разграничения служит характер отраженной действительности, явленной в тексте, — собственно отраженная действительность для языковеда и креативно отраженная действительность для литературоведа. Лингвисту интересен любой текст, а литературоведу — текст, представляющий так называемую «художественную действительность» («художественную реальность», «поэтическую реальность», «художественный мир»). Эту действительность можно назвать креативной, поскольку она не отражена, а возникла в голове индивида, правда, на основе действительности отраженной. Литературовед и фольклорист А.П. Скафтымов называл это «творческим искажением» жизни.

Д.С. Лихачёв в статье «Внутренний мир художественного произведения» писал, что каждое художественное произведение отражает действительность в своих творческих ракурсах, что внутренний мир художественного произведения имеет свои собственные взаимосвязанные закономерности, собственные измерения и собственный смысл как система. «Литература “переигрывает” действительность. Это “переигрывание” происходит в связи с теми “стилеобразующими” тенденциями, которые характеризуют творчество того или иного автора, того или иного литературного направления или “стиля эпохи”. Эти стилеобразующие тенденции делают мир художественного произведения в некотором отношении разнообразнее и богаче, чем мир действительности, несмотря на всю его условную сокращенность» [Лихачёв 1968: 79]. Развитию идеи «мира» в литературоведческом дискурсе посвящена монография В. Федорова «О природе поэтической реальности». «Появление слова *мир* не случайно: оно свидетельствует о том, что наука о литературе не совсем удовлетворена термином *литературное произведение* как обозначением ближайшего и непосредственного предмета изучения. Словом “мир” литературоведение пытается определить предмет своего изучения» [Федоров 1984: 3].

Лингвистику интересует не только текст, но и материал, из которого выкроен текст, а также инструмент, с помощью которого возникает этот самый текст — язык.

Инициаторами радикального «раскола» в традиционной для XIX в. единой словесности (филологии) стали лингвисты. Так, И.А. Бодуэн де Куртенэ полагал, что языкознание может принести пользу в ближайшем будущем, лишь освободившись от обязательного союза с филологией и историей литературы. Выдающийся языковед, открепившись от принадлежности своей науки к филологии и мечтая о самостоятельности университетских кафедр языкознания, считал более перспективными связи лингвистических кафедр с кафедрами социологическими и естественно-научными [Бодуэн де Куртенэ 1963: 18].

Сложные отношения лингвистики с литературоведением ярко проявились в научной биографии Л.В. Щербы. Так, Р.А. Будагов вспоминал, как менялось отношение к филологии у одного из самых крупных русских лингвистов нашего столетия — у академика Л.В. Щербы (1880—1944) [Будагов 1976: 21]. По признанию Щербы, после публикации «Курса общей лингвистики» Соссюра (1916) филологию стали забывать. Мы, лингвисты, — сообщил Щерба, имея в виду эту эпоху, — презирали филологов. Так относиться к филологии было тогда в моде... И лишь постепенно получился возврат лингвистики к филологии, и все поняли, что лингвист не может не быть филологом, поскольку в основе филологии лежит отличное понимание текстов. У самого Л.В. Щербы этот «возврат лингвистики к филологии» произошел уже в двадцатые годы: «...Мостик между языковедением и образованным русским обществом» был сломан. Его необходимо восстановить, — заключал Л.В. Щерба. Этому своему завету академик Л.В. Щерба оказался верен всю свою последующую жизнь в науке. Уже в посмертно опубликованной статье «О задачах лингвистики» он писал о необходимости возвратиться к филологии, к любви к языку, как средству выражать мысли и чувства. «Я же зову любить, наблюдать и изучать человека... как единственного истинного носителя языка...» [Щерба 1962: 98].

Расхождение языковедения и литературоведения как автономных частей единой прежде словесности — это результат

сознательного выбора каждого исследователя слова. Показателем пример с научной судьбой А.А. Реформатского, который, обучаясь в Московском университете в 1918—1923 гг., тяготел к литературоведению. Свидетельством тому его первое опубликованное научное исследование «Опыт анализа новеллистической композиции». Однако завершил учебу в университете не на литературном, а на этнологолингвистическом отделении убежденным лингвистом. Ученик Д.Н. Ушакова свой отказ от литературоведения объяснил тем, что, по его мысли, надо изучать данность, а не то, что за ней стоит. А данность — это текст, его морфология, его языковая составляющая. Хорошим поэтиком, специалистом по поэтике, считал А.А. Реформатский, может быть только тот, кто хорошо и правильно понимает язык. Однако первоначальный интерес языковеда к литературоведению даром не прошел. Прекрасное знание самих литературных текстов, их типологии, особенностей их публикации углубляло его лингвистическую мысль. Своеобразное сочетание литературных и лингвистических интересов в университетские годы способствовало становлению выдающегося отечественного филолога [Иванова 2011: 50]. Налицо пример того, что, разъединяясь, филология сохраняла потенциальную общность.

Место лингвистики в структуре научной филологии

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что не все специалисты включают лингвистику в состав филологических наук. Е.Д. Поливанов, составляя статью «Филология» для своего «Словаря лингвистических и литературоведческих терминов» (1935—1937), лингвистику фактически оставляет за пределами филологии: «история литературы (именно как история культуры в памятниках литературы) и история искусства входят в понятие филологии, но лингвистика (= наука о языке) входит сюда лишь частично». Не соглашаясь с теми, кто языковедение противопоставлял филологии по причине естественно-исторического характера лингвистики, и считая, что нельзя отделить жизнь языка от культуры того общества, которое обслуживается языком, Е.Д. Поливанов тем не менее считает лингвистику «лишь свя-

занной с филологией, но не входит в нее полностью», ссылаясь на какие-то «другие моменты», о которых в словарной статье нет ни слова [Поливанов 2010:129—130].

Лингвистика и литературоведение существенно различаются объемами исследуемого. Лингвистика изучает, во-первых, сам инструмент — язык, во-вторых, «программное обеспечение» этого инструмента — язык как знаковую систему, в-третьих, продукт языка — речь, а литературоведение ограничивается исключительно речью, к тому же речью художественной, эстетически ориентированной.

Обратим внимание на заголовок основополагающей работы М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» [Бахтин 1986]. В нем лингвистика и филология обозначены как отдельные, самостоятельные объекты¹⁵.

Если языкознание вывести за пределы филологии, то правомерен вопрос о составе самой филологии. Не сводится ли филология к литературоведению и нескольким вспомогательным дисциплинам — текстологии, палеографии и т.п.? Однако мы не встретили никаких аргументов в рассуждениях тех, кто выводит лингвистику за пределы филологии. Впрочем, есть и пример отождествления лингвистики и филологии, на чем настаивал Л.В. Щерба¹⁶.

Доминирование лингвистики

Со времен В. Гумбольдта стало очевидным доминирующее положение науки о языке в структуре филологического знания.

¹⁵ Примечательна сноска в статье А.А. Зализняка «Лингвистика по А.Т. Фоменко»: «Разграничение терминов “лингвистика” (= “языкознание”) и “филология” не у всех авторов одинаково. Ниже для наших целей достаточно считать, что первое есть изучение языка как такового, а второе — изучение текстов (как литературных, так и прочих), как правило письменных» [Зализняк 2000: 33].

¹⁶ «...Всеим предметам придется немного потесниться для того, чтобы вернуть в учебный план нашей общеобразовательной школы *лингвистику*, или, как я предпочитаю говорить, *филологию* (выделено нами. — А.Х.), пони-

По мнению В. Гумбольдта, авторитет молодой в его дни науки обеспечивался самим объектом исследования — языком, который становится для говорящего на нем органом постижения мира, возникновения и формирования идей, импульсом для развития духовной деятельности человечества [Гумбольдт 1985: 369]. Исследование языков начинается с вопроса о том, как язык, происходя из природного звука и потребности, становится родителем и воспитателем всего высочайшего и утонченнейшего в человечестве [Там же: 376]. Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мысли и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей только уводит [Там же: 377]. Такое исследование языка само по себе уподобляет его любому другому природному объекту. Оно должно объять все различия, поскольку каждое из них принадлежит к понятийному целому; оно должно вникнуть в подробнейшие расчленения на составные части, поскольку совокупное воздействие языка складывается из постоянно возобновляющегося действия этих составных частей [Там же: 377].

Современный французский лингвист К. Ажеж развивает основную идею Гумбольдта: «Упорное обследование структуры и конкретной истории человеческих языков способствует выяснению источников и стратегий познавательной деятельности» [Ажеж 2003: 9]. Лингвистика, полагает К. Ажеж, изучает самое человеческое, что есть в человеке.

мая под этой последней искусство сознательно читать трудные тексты» [Щерба 1974: 360]. Здесь Л.В. Щерба следует за своим учителем А.А. Шахматовым, для которого языковедение было филологией в полном смысле этого слова. Е.А. Масальская, автор мемуарной книги «Воспоминания о моём брате А.А. Шахматове», писала: «Теперь его всецело интересовала «его филология», его сочинение о звуках, которое он мечтал показать какому-нибудь специалисту» [Масальская 2012: 219]. В книге приведена цитата из письма самого А.А. Шахматова: «...Всякое новое греческое слово или древнеславянская формула доставляет моему уму ничем не ограниченное пространство филологических наблюдений...» [Там же: 262]. Занятия брата сестра называла «домашним» словом филоложничать [Там же: 383].

Базовый характер лингвистики

Возникновение лингвистики сыграло революционизирующую роль в становлении таких наук, как теория письма, стиховедение, стилистика и литературоведение, театро- и фильмология, история культуры и этнология, антропология и психология, археология и социология, символическая логика, теория чисел, комбинаторная геометрия, теория кода, кибернетика и теория информации, даже генетика. Это объясняет метафору «наука-штурман» для всех наук гуманитарного цикла. По словам К. Ажежа, лингвистика в свое время завораживающе действовала на другие гуманитарные науки. С одной стороны, она затрагивает основные свойства человека как биологического вида, а с другой — ее дискурс отличается строгостью и упорядоченностью, что не могло не показаться, что лингвистика — это модель для других наук [Ажеж 2003: 11]. Что касается своеобразия лингвистики, то «...лингвистика — единственная из современных наук, объект которой совпадает с ее дискурсом по поводу этого объекта (даже автор курсивом выделяет эту мысль. — А.Х.) [Ажеж 2003: 61].

Лингвистика как целостная наука о языке постепенно интегрировала историко-филологические, а затем и различные гуманитарные знания в определенную целостность, стимулируя интенсивное развитие науки о человеке и гуманизацию человеческого общества [Журавлёв В.К. 2000: 85].

Лингвистика, как и семиотика, для исследователя литературы — такое же базовое знание, как геология для инженера-строителя или биология для медика [Зенкин 2005: 342]. Базовость лингвистики обеспечивает фундаментальность филологии в целом. Р.А. Будагов напомнил слова академика А.А. Шахматова о том, что филология является основой «всех исторических дисциплин и неисчерпаемым источником интеллектуально-морального развития» [Будагов 1976: 16].

Поле лингвистики гораздо шире поля литературоведения. Феноменология языка, определяющая, как показал В. Гумбольдт, познавательную активность человека, не может ограничиться рамками отдельной, пусть и доминирующей науки.

Лингвистике тесно в поле филологии, она органически входит в поле других наук.

Доминирование лингвистики объясняется также ее методологической и инструментальной оснащенностью. Э. Сепир полагал, что лингвистика обладает возможностью подлинно научного изучения, поскольку ее «факты и методы» легче устанавливаются, нежели факты и методы социальных наук, имеющих дело с социологизированным поведением, и при этом наука о языке не принимает на веру положения естественных наук [Сепир 1993: 265].

Благодаря типологии языкознание возвышается до самой общей точки зрения и превращается в науку. Может показаться, пишет К. Ажеж, что типология и лингвистика несовместимы, ведь первая стремится изучать повторяющиеся свойства, а вторая — варьирующиеся. Однако разнообразие языков раскрывается именно на фоне самых общих критериев различения и абстрактных признаков [Ажеж 2003: 54].

С этим соглашаются и литературоведы. Лингвистика работала и утвердила свою *собственную* методологию и четко определила свои собственные границы, чего нельзя сказать о литературоведении — с грустью констатировал литературовед [Кожин 1975: 266]. Надо заметить, что и литературоведение использовало продуктивный исследовательский инструментарий — идеи исторической школы, «формальный метод» (ОПОЯЗ), психоаналитический метод, социологический метод, близкое к нему марксистское литературоведение, ритуально-мифологическую теорию, структурализм.

Академик М.Л. Гаспаров показал, что в споре лингвистики и литературоведения за преобладание в филологии лингвистика ведет наступательные бои, а литературоведение — оборонительные. Это не случайно. Изучая литературу, мы вынуждены мысленно переводить ее на язык современных понятий, даже литературу XIX в. «Словарь языка Пушкина» показал всем читавшим его, сколь многое в пушкинской семантике ускользало от нас, пока мы руководствовались чутким слухом и тонким вкусом и не думали о полноте и систематичности наших знаний [Гаспаров 1979: 27]. У лингвистики, продолжает Гаспаров, есть

еще одно и весьма неожиданное преимущество: в ней нет оценочного подхода. Лингвист различает слова спрягаемые и склоняемые, книжные и просторечные, устарелые и диалектные, но не различает слова хорошие и плохие. Литературовед, наоборот, явно или тайно стремится прежде всего отделить хорошие произведения от плохих и сосредоточить свое внимание на хороших. «Филология» значит «любовь к слову». У литературоведа такая любовь выборочнее и пристрастнее [Гаспаров 1979: 27]. Позже в своих «Записях и выписках» Гаспаров поместит максимум: «Где начинается оценка, заканчивается филология».

Впрочем, литературоведение постепенно расширяет выбор исследуемых текстов. Укрепляется мысль о том, что объектом филологических исследований должны являться все тексты, независимо от их эстетической и культурной значимости, поскольку даже самое бездарное стихотворение может дать материал для статистического исследования стиха. Деэстетизация филологии началась в эпоху структурализма, когда ценностно малозначительные произведения вписываются в общий интертекстуальный континуум культуры наравне с классикой [Философия и филология 1996: 47] (мнение С. Зенкина).

Ограниченность возможностей лингвистики

Однако нельзя преувеличивать познавательные возможности лингвистики и рассчитывать на то, что она заменит филологию в целом и литературоведение в частности.

Лингвистика, заметил К. Ажеж, стала жертвой крайностей, умножения ненужной изощренности, в результате чего некоторые из ее достижений были использованы неверно. Одержимость наукой придала облику лингвистики ложную строгость, равную которой нельзя обнаружить более нигде, включая самые точные науки. Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса, так что с трудом можно представить себе, что предметом этого дискурса может быть человек говорящий. Из размышлений филолога изгнаны история и социальность, а человеческое превращено в предельную абстракцию [Ажеж 2003: 279].

Литературоведение, избирая своим объектом художественные тексты, становится наукой об искусстве и в силу этого предельно сближает свой исследовательский аппарат с методами искусствознания, которые основываются на интуиции. По этой причине лингвистика, ориентированная на любой текст, перед художественным текстом пасует.

В дискуссии «Новый гуманитарий в поисках идентичности» прозвучало мнение одного из участников о том, что филология, точнее литературоведение, только гипотетически может рассматриваться как окончательно упорядоченная и «строго научная» дисциплина — ее незавершенность и «литературность» в последние десятилетия осознается не как признак незрелости и несовершенства, а как свидетельство неисчерпаемости ее предмета. Особый, универсальный и открытый, исторически и социально относительный характер «литературности» (включая несводимость ее к ограниченному набору эстетических признаков и модусов повествования) задают эту продуктивную неопределенность науки о литературе. Эта «всеотзывчивость» и обеспечивает филологии ее актуальность, насущность и особое место в кругу других гуманитарных дисциплин (см. подробнее: [Новый гуманитарий... 2002]).

Литературоведение как наука в чем-то может отставать от языкознания, но она исследует тот содержательный мир бессознательного, который требует таких изощренных методов его познания, такого участия интуиции, которыми современная лингвистика не обладает. Впрочем, по этой же причине наука не может заменить искусство. В разговоре М. Гаспарова с Г. Кнабе прозвучало, что наука не может передать диалектику, а искусство может, потому что наука пользуется останавливающими словами, а искусство — промежутками, силовыми полями между слов [Гаспаров 2001: 151].

Основания для единства филологии

Констатируя факт неизбежной дифференциации филологии, необходимо учитывать и то обстоятельство, что в самой

природе науки о слове остаются прочные основания для ее единства.

Язык как первоэлемент литературы — в этом неоспоримом тезисе содержится свидетельство о взаимном ограничении и обогащении каждого из двух феноменов: язык живет литературой, а литература зависит от языка. В.К. Кюхельбекер в своей парижской лекции заметил: «Творения нашей литературы не могут быть правильно оценены без предварительного ознакомления с духом русского языка» [Кюхельбекер 1954: 374].

Литература, возникая и развиваясь в прокрустовом ложе языка, стремится преодолеть языковые ограничения, расширить семантическое пространство, охваченное словом, и изменить стилистическую конфигурацию пространства.

В поисках единства филологии как научного знания

Дифференциация научного знания обнаруживает недостатки, главный из которых В.О. Ключевский сформулировал в виде афоризма: «Детальное изучение отдельных органов отучает понимать жизнь всего организма» [Ключевский 1993: 13]. Применительно к филологии, отметил С.С. Аверинцев, единство ее было взорвано во всех измерениях. Филология осталась жить уже не как наука, но как научный принцип» [Аверинцев 1990].

В последней четверти XX в. в филологической среде окрепло убеждение, что в раздельной жизни языкознания и литературоведения ничего перспективного нет.

Выводя лингвистику за пределы филологии и одновременно ощущая глубинную связь языкознания и литературоведения, гуманитарии ищут пути преодоления возникшей науковедческой трудности, мечтая об органичном и надежном тяготении к сближению языкознания и науки о литературе на *собственно филологической* основе [Билинkis 1979: 35].

Для ряда специалистов самый очевидный путь решения проблемы единства филологии — представить науку о Слове как двухуровневую конструкцию — узкое и широкое понимание филологии. Так, лингвист Н.В. Перцов в статье о точности

в филологии [Перцов 2009] неоднократно оговаривает свое расширительное понимание филологии и места в ней лингвистики. Для автора статьи филология — это и обширная область гуманитарного знания, охватывающая многоаспектное изучение текстов на естественном языке, и лингвистика — изучение естественного языка как феномена [Там же: 101]. Итоговая формула такова: «...Я позволю себе филологию трактовать как всю область гуманитарного знания, изучающую выражение смыслов на естественном языке» [Там же: 109].

Возможно, правы те, кто полагает, что граница филологического и нефилологического проходит через сам феномен языка, которому присуща дихотомия языка и речи. Язык как систему кодов можно считать объектом филологии, а речь — естественный материальный объект — отнести к явлениям естественным, лежащим за пределами гуманитарного знания [Перцов 2009: 102].

Лингвист А.А. Волков — один из тех, кто настаивает на единстве науки о слове и утверждает, что филология относится к числу наиболее развитых наук, поскольку располагает определенным предметом, точными методами его изучения, системой теоретических выводов и накопленных знаний, широкой сферой приложения к общественной практике. Для него предмет филологии — система языка и исторически формирующаяся совокупность произведений речи, называемая словесностью, состояние которой соответствует уровню развития общества в каждую историческую эпоху. У филологии, пишет А.А. Волков, три назначения: сделать понятными и доступными мысли, высказанные в старых текстах; описать и осмыслить историю духовной культуры человечества, выраженной в слове; научить разумному и целесообразному строению речи, результат которого — успешные практические действия [Волков 2007_а: 23]. Состав филологии определяется ответами на вопросы, что такое язык, как он устроен, что значит знать язык [Там же: 25—26]. Формальным критерием разграничения филологических дисциплин служит размер исследуемой единицы языка. Так, предложение является самой большой единицей языка, изучаемой языковедением, так как в нем сочетаются обязательные условия строения речи и

индивидуальный замысел говорящего [Там же: 26]. Что касается более крупных языковых единств, то они исследуются группой филологических дисциплин, которые в совокупности можно назвать теорией словесности [Там же: 26—27].

Разграничивая возможности и предназначение двух областей знания, нельзя упускать из виду их органическую связь. Она в триединстве слова, смысла и текста. Слово возможно только в тексте, который состоит из слов, объединенных смыслом. Научный поиск филологов определен указанным триединством. Различны только векторы движения научной мысли в пределах текста. Лингвист идет от слова к смыслу, литературовед движется от смысла к тексту.

В поисках новых путей анализа художественного текста литературоведение пошло навстречу лингвистике, тем более что в XX в. язык, главный и основной предмет лингвистики, в науках, занимающихся проблемами человеческого познания, мышления, поведения и художественного творчества, выдвинулся на одно из первых мест. Отсюда поиск истоков художественного текста, его сущности и ценности в языке, составляющем его субстанцию.

Языковеды, которые практически всегда имели дело с объектами литературоведения — с литературными, художественными текстами, вопросы смысла, содержания элементов текста отодвигали, а то и снимали. Когда же у лингвистов возник и усилился интерес к содержательной стороне языка, связанный текст стал объектом языковедческого анализа. Единство объекта изучения — текста и стремление найти оптимальные способы его изучения определили движение литературоведения и лингвистики навстречу друг другу. При этом отмечается парадокс: движение литературоведения навстречу лингвистике способствовало не столько слиянию, сколько размежеванию этих дисциплин в области анализа художественных произведений и стимулировало уточнение литературоведами своего понятийного аппарата.

К вопросу литературоведа о том, *что* сказано в тексте, и к вопросу языковеда о том, *как* сказано, должен прибавиться вопрос о том, *почему* так сказано.

Соотношение лингвистики и литературоведения в известной мере обусловлено соотношением изучаемых феноменов — языка и литературы.

Перспективнее всего поиск точек соприкосновения филологических наук в процессе функционирования и изучения слова. Известна метафора П. Флоренского о конфигурации реальных и потенциальных связей слова, очерчивающей границы содержания концепта, стоящего за словом. «...Слово и неподвижно, устойчиво и, наоборот, неопределенно, безгранично, зыблемо, хотя и зыблясь, оно не оттягивает места своего ядра. Невидимые нити могут протягиваться между словами там, где при грубом учете их значений не может быть никакой связи, от слова тянутся нежные, но цепкие щупальца, схватывающиеся с такими же других слов, и тогда реальности, недоступные школьной речи, оказываются захваченными этой крепкою сетью из почти незримых нитей» [Флоренский 1973: 369].

Центростремительные тенденции в филологии

Четкими знаками центростремительных тенденций в современной филологии можно считать: интегрирующую роль текста как объекта и предмета всех филологических научных дисциплин; дискурсный анализ текста; возникновение «внутрифилологических» дисциплин; становление новой словесности; интенсификация теоретического осмысления общифилологических вопросов, разрабатываемых в новых специальных журналах; разработку вопросов теории и практики филологического образования в современной российской школе.

Текст как стимул интеграции филологии

Для Ю.М. Лотмана единство филологии было несомненным, поскольку интегрирующей составляющей был сам изучаемый текст. Усилия языковедов и литературоведов сопрягались в достижении общей цели — объяснить смысл и функции того или иного текста в общем культурном контексте. Особенно отчетливым это сопряжение было в анализе наиболее сложных по орга-

низации типов текстов — художественных словесных текстов. Объяснение их, полагал Ю.М. Лотман, — центр филологических усилий. Лингвистика и литературоведение дешифруют разные уровни смысла произведений словесного искусства. «Как это часто бывает в науке, четко разделенные в общей теории эти сферы в каждом конкретном анализе бывают столь тесно слитыми, что разделение их делается весьма трудным. Это обязывает филолога владеть разнообразными методиками» [Лотман 1979: 47].

Единство филологии может быть обеспечено характером анализируемого текста. Так, близость лингвистики и литературоведения особенно заметна в анализе поэтического текста, в языке которого филология и искусство едины (ср.: [Лотман 1972]). Поэзия — это искусство, а филология поэзии — это искусство проникновения в смысл стиха. В этом случае филология и искусство едины и не делятся на литературоведение, лингвистику и искусство [Герд 2008].

Дискурсный анализ и его роль в сближении филологических дисциплин

Несомненным интегрирующим признаком в филологии служат общие — «стягивающие» — понятия, органичные в языковедческом и литературоведческом научных текстах — «концепт», «концептосфера», «картина мира», «концептуальный анализ», «дискурсный анализ» и др.

Одним из самых разрабатываемых в современной филологии направлений является дискурсный анализ. Термин *дискурс* вошел не только в лингвистические энциклопедии и справочники (напр.: [ЛЭС 1990: 136—137]), а и в современные толковые словари (напр.: [ТСРЯ 2007: 200]).

Широкому читателю сообщается, что дискурс в языкознании понимается как живая речь в форме целого текста, монолога или диалога в ее непосредственном течении. В этой речи отражаются условия говорения, элементы обстановки, оценки, отношения между участниками [ТСРЯ 2007: 200]. Современная теория дискурса знает три подхода — социолингвистический (кто говорит), прагмалингвистический (как говорят),

тематический (о чем идет речь). Поскольку коммуникативная ситуация есть элемент культуры, анализ дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно выходит на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения, имеющие социально-групповую или этнокультурную значимость [Карасик 2009: 276—278].

В дискурсе важен динамический, «событийный» аспект — различные, прагматические, социокультурные, психологические и другие, находящиеся за пределами языка, факторы, нашедшие выражение в тексте. Дискурс — это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат — текст. Это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [Дейк 1989: 8].

Дискурсный анализ, по сути, снимает противопоставление лингвистики и литературоведения, поскольку учитывается все, что есть в тексте, и все, что лежит за его пределами, но связано с текстом. Лингвисту стало интересно то, что стоит за текстом. Интуитивно ощущая то, что позже назовут дискурсным анализом, Л.В. Щерба страстно звал «наблюдать и изучать те связи, которые существуют между всевозможными и тончайшими оттенками мысли и чувства и знаками, их выражающими» [Щерба 1962: 98].

Возникновение новых внутрифилологических наук

Определение «новый» в подзаголовке неслучайно, поскольку к «старым» внутрифилологическим дисциплинам можно отнести лингвистическую поэтику — лингвистическую по преимуществу дисциплину, возникшую на стыке языкознания и литературоведения [Григорьев 1979: 13].

Языковедение, концентрируясь на семантике, вырабатывает новые междисциплинарные научные дисциплины, ориентированные на обнаружение и описание культурных смыслов. Это лингвокультурология, лингвофольклористика и ее частный случай — кросскультурная лингвофольклористика.

Примером может служить *лингвофольклористика*, сложившаяся к последней четверти XX столетия на стыке двух областей филологического знания — языкознания и фольклористики. Лингвофольклористика от традиционной фольклористики отличается предметом исследования. Фольклористика примыкает к литературоведению и изучает произведения фольклора как искусства слова. Фольклористика — это прежде всего собирание, классификация и комплексный анализ *фольклорных произведений*. Фольклорист имеет дело прежде всего с *живым* фольклорным словом. Отсюда необходимая составная часть деятельности фольклориста — полевая работа в экспедиции, контакт с исполнителем и носителями исследуемой традиции. Лингвофольклористика — это изучение *фольклорного текста*, точнее, корпуса фольклорных текстов методами филологии. Лингвофольклористика же, в отличие от фольклористики, имеет дело исключительно с *запечатленным* фольклорным словом. [Хроленко 2010]¹⁷. Проблематика новой внутрифилологической дисциплины, в 1974 г. получившей название лингвофольклористики, весьма широка. Это особенности семантики фольклорного слова; морфемика слова в фольклорном тексте; территориальная дифференциация языка русского фольклора как основание фольклорной диалектологии; личность исполнителя в фольклорно-языковом процессе. Одним из интересных направлений становится кросскультурная лингвофольклористика, которая предполагает сравнение фольклорно-языковых явлений, принадлежащих устному народному творчеству двух и более этносов. Цель кросскультурной лингвофольклористики — выявление культурных смыслов, аккумулированных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в корпусе (подкорпусе) текстов как атрибутов фольклорной картины мира и как проявлений этнической ментальности, поиск общего и специфического в традиционной культуре этносов, углубленное исследование феномена этнической ментальности, разработка эффективного инструментария для выявления культурных

¹⁷Истории лингвофольклористики, теории и методологии новой внутрифилологической дисциплины посвящены книги (см.: [Хроленко 2010; Хроленко, Бобунова, Бобунов 2008]).

смыслов в единицах языка. Кросскультурный подход предполагает сотрудничество антропологии, этнографии, лингвокультурологии и этнолингвистики. Если сопоставительная лингвофольклористика выявляет своеобразие языка фольклора, то кросскультурная — специфику этнической культуры и явленной ею ментальности. Общее для двух ветвей лингвофольклористики — постижение феномена фольклорного слова во всем объеме его внутренних и внешних связей и отношений.

К числу внутрифилологических дисциплин можно частично отнести и лингвокультурологию, которая учитывает факты взаимодействия языка со всеми формами культуры, но доминирующей является та культурная информация, которая пропущена через тексты художественной литературы. По этой причине лингвокультурологию относим к внутрифилологическим дисциплинам (специально об этой дисциплине см. в главе «Филология в системе наук»).

Возникновение ряда новых филологических дисциплин — явление естественное. Складывающиеся дисциплины начинают сшивать разрозненные части филологического знания в одно целое.

Становление новой словесности

Филология как единая наука, органически соединяющая научные дисциплины, ориентированные на изучение слова во всех его аспектах, современным филологам видится как словесность, продолжающая традиции русской научной и образовательной культуры XIX столетия и чутко отвечающая на вызовы времени. Эта тенденция проявляется и в публикациях специалистов (напр.: [Аннушкин 2008]), и в опыте первых учебных книг для средней школы (напр.: [Альбеткова 2000]).

Теоретическое осмысление общепилологических вопросов

Становление новой словесности и стремление к предельно прочной кооперации прежде разрозненных филологических

дисциплин требует глубокого теоретического осмысления вопросов филологии, которые были поставлены в начале XIX в. и до XXI столетия не получили устраивающего всех филологов и общества в целом разрешения. В гуманитарной научной периодике стали систематически появляться публикации о самом феномене филологии (В.И. Аннушкин, А.А. Чувакин, А.Т. Хроленко).

Важным проявлением стремления к единству современной филологии является возникновение и деятельность научных изданий типа журнала *Philologica*, для которых основными категориями филологического дискурса представляются не знак и значение, а текст и смысл. Поскольку смысл, как правило, чувственно не воспринимаем: он невидим и неслышим, и постичь его можно лишь по внешним приметам, по тому, как он отложился в материальных (вещественных) формах, доступных непосредственному восприятию. Филология мыслится вполне традиционно — как деятельность (*techne*), преследующая цели понимания, постижения смысла, воспознания природы и культуры. *Philologica* ориентирована на исследования, подчеркивающие целостность текстов, выявляющие неразрывное единство их духовной и материальной природы, демонстрирующие изоморфизм языковых уровней, гомологию формы и содержания. Журнал интересуется такой лингвистика, которая видит в языке прежде всего выражение смысла и манифестацию культуры, и наоборот, для редакции неприемлемо никакое литературоведческое построение, если оно не базируется прочно на данных языка в широком смысле слова. Кредо журнала — междисциплинарный характер издания, стремящегося дать максимум информации и удовлетворить запросы ученых разных специальностей: лингвиста, литературоведа, искусствоведа, социолога, психолога, биографа и других. Между глубинными и поверхностными структурами существует тесная взаимозависимость: модернизация текста зачастую меняет семантику, синтактику и прагматику произведения, и отделить релевантные элементы письма от иррелевантных совсем не так просто, как может показаться со стороны. [http://www.rvb.ru/philologica/oorus/oorus_about.htm].

Примером филологического издания может служить научно-популярный журнал «Русская речь», особенно его раздел «Язык художественной литературы». Откроем первый номер журнала за 2013 год. Все статьи этого раздела филологичны в высшей степени: О.Л. Довгий. *Русский и галлы* в «Воспоминаниях в Царском Селе»; М.А. Степанова. *Звуки* в прозе В.Ф. Одоевского; П.Л. Чуйков. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: общность мотивов; Л.Н. Авдоница. «Ресторанные» мотивы в поэзии Серебряного века; Ю.А. Озеров. «Что ни слово, — то сюрприз»; М.А. Бобунова. Перифразы в прозе Е.И. Носова; Л.Л. Бельская. «Весь день хлопочет Золушка...» (*Золушка* в русской поэзии XX века).

Итак, структура научной филологии соответствует функции слова: языковедение изучает *потенциал* слова, литературоведение — *реализацию* этого потенциала, а филология в целом ищет *неочевидные закономерности текста*.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ФИЛОЛОГИИ

Понятие о научном исследовании. Этапы научного исследования. Специфические черты филологического исследования. Филологическое исследование и мир бессознательного. Интуиция в науке. Методология филологических наук. Научный метод. Ограниченность любого научного метода. Методика «конкретного литературоведения». Мотивный метод. Метод, близкий к эксперименту. Биографический метод. Интертекстовый анализ. Контент-анализ. Автоматизированный конкорданс. Точные методы в филологии. Интерес филологии к математике. «Точное литературоведение». Языкознание и математика. Изучение авторского идиостиля. Ограниченность количественных методик. Методика лингвистического эксперимента.

Понятие о научном исследовании

Научное исследование — это целенаправленное познание, результаты которого выступают в виде системы понятий, законов и теорий. Никто не спорит с тем, что всякое научное исследование — от творческого замысла до окончательного оформления научного труда — осуществляется весьма индивидуально, хотя есть общие подходы. О них см. в специальных пособиях: [Кузнецов 2004; Шкляр 2007].

Филологии, как и всем остальным наукам, свойствен плановый процесс научного исследования. При этом специалисты оговаривают, что науке известны и случайные открытия, но только плановое, хорошо оснащенное современными средствами научное исследование надежно позволяет вскрыть и глубоко познать объективные закономерности в природе и обществе [Кузнецов 2004: 9].

Отличительными признаками научного исследования считают целенаправленность, ориентацию на поиск нового, на

творчество, на открытие неизвестного, на выдвижение оригинальных идей, на новое освещение рассматриваемых вопросов, систематичность, строгую доказательность, последовательное обоснование сделанных обобщений и выводов. Результаты научных исследований, как правило, воплощаются в научных трудах (статьях, монографиях, учебниках, диссертациях и т.д.), используются в практике, учитываются в процессе познания.

Логика каждого исследования специфична. Она зависит от характера проблемы, целей и задач работы, конкретного материала, которым располагает исследователь.

Этапы научного исследования

Обычно исследование состоит из трех основных этапов. На первом этапе выбираются проблемы и темы, определяется объект и предмет, формулируются цели и задачи, разрабатывается гипотеза исследования.

На втором этапе выбираются методы, разрабатываются методики исследования, определяются приемы работы, проверяется гипотеза, осуществляется непосредственно исследование, формулируются предварительные выводы, производится их апробирование и уточнение. Завершается этап обоснованием заключительных выводов и практических рекомендаций. Обоснованно считается, что второй этап исследования носит ярко выраженный индивидуализированный характер, и потому он не терпит жестко регламентированных правил и предписаний. У каждого филолога он свой. На этом этапе обнаруживаются главные качества ученого-исследователя, среди которых преданность науке, стремление к вершинам знания, научная скромность, терпение, добросовестность, готовность делать черновую работу, умение терпеливо накапливать и осмысливать факты, последовательность. Третий этап, итоговый, включает внедрение полученных результатов в практику и литературное оформление работы.

Специфические черты филологического исследования

Сказанное имеет отношение к исследованию на любую тему и во всех науках. Остановимся на специфических чертах филологического исследования.

Его специфика предопределена объектом (и предметом, который зачастую совпадает с объектом). Филология, по определению, всегда связана с текстом. Текст, особенно художественный, является одновременно и частью культуры, и ее продуктом, и основой. «Культурная составляющая» текста требует существенной коррекции в постановке проблемы, формулировке темы и гипотезы, в выборе методологии. Вспомним Г.О. Винокура, который был убежден, что «всякий языковед (расширим: всякий филолог. — А.Х.), изучающий язык... непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959: 211].

Сказанное объясняет специфику требований к подготовке филолога. Пробираясь между Сциллой интердисциплинарности, пишет О.Н. Трубачёв, и Харибдой специализации, исследователь должен помнить об опасных крайностях: чрезмерная специализация грозит ученому потерей интеллектуальности, разрывом связей с общечеловеческой культурой, из которой возникла и с которой в действительности тесно связана современная наука. Развитие филолога должно начинаться с широкой энциклопедической базы, после чего должна последовать концентрация специализации и, наконец, затем снова постепенное расширение круга проблем [Трубачёв 1993_а; 1993_б].

Схема этапов исследования, которая формулируется с той или иной степенью полноты и отчетливости, реализуется в конкретном процессе изучения избранного объекта. Филологи тоже в целом следуют указанному алгоритму. Различия в реализации схем зависят от парадигмы научной дисциплины, таланта и опыта исследователя, от множества привходящих обстоятельств.

В качестве примера, на котором можно учить начинающего филолога, возьмем недавно завершённое и в форме моногра-

фии вошедшее в научный обиход исследование профессора Воронежского государственного университета А.М. Ломова, посвященное проблеме времени написания и авторства «Слова о полку Игореве». Книга называется «“Слово о полку Игореве” и вокруг него» [Ломов 2010].

Начало любого исследования — тема. Если корабль не знает, в какой порт он плывет, ни один ветер не будет ему попутным. В максиме римского философа Сенеки тема — это тот воображаемый порт, в который держит путь исследователь. Нет нужды пространно говорить о том, как важно выбрать нужную тебе и перспективную всему научному сообществу тему. В поисках темы исследователь может учитывать только что возникшие проблемы (языковой дрейф и синергетика, телесная природа человеческого сознания и языка, например), иметь в виду темы модные, а потому многолюдные (все, что связано с концептами, концептосферами и т.п., например). Могут быть темы вечные (язык и культура, язык и ментальность, человек и его язык), над которыми размышляли в прошлом, и сейчас к ним возвращаются. Новое, отметил Д.С. Лихачёв, не бывает неожиданным, к доброму старому всегда возвращаются, но с другой стороны [Лихачёв 2006: 2: 468]. Языкознание, утверждал О.Н. Трубачёв, — наука возвратов. Добавим, что последнее относится к филологии в целом.

А.М. Ломов выбирает проблему, над которой гуманитарии и филологи в том числе ломают голову уже третий век подряд и вокруг которой сложилась такая область знания, как слововедение. Свой выбор исследователь объяснил тем, что время имеет привычку «дырывать» самые стройные концепции, обнажая в их составе ошибочные послышки, констатации, выводы. В результате освященная научной традицией гипотеза обнаруживает такое количество разного рода нестыковок, что она должна быть просто отвергнута [Ломов 2010: 50].

История выдающегося памятника древнерусской литературы общеизвестна. «Слово» сохранилось только в одном списке, который находился в древнерусском сборнике, приобретенном в начале 1790-х годов собирателем русских древностей графом А. Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита Спасо-

Ярославского монастыря Иоиля. «Слово» было издано, а подлинная рукопись памятника сгорела во время пожара в Москве в 1812 г.

Утрата оригинала эпической поэмы дала повод усомниться в подлинности изданного произведения, хотя такие тонкие ценители литературы, как Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, позже М.Н. Погодин, М.А. Максимович и С.П. Шевырёв, в подлинности «Слова» не сомневались. Поводом для скепсиса стали не только высочайшие художественные достоинства произведения, которые никак не соответствовали художественному уровню сохранившихся текстов XII столетия, но и нередкие случаи литературной мистификации и фальсификации, имевшие место в начале XIX в. Имеются в виду шотландский поэт Джеймс Макферсон, выдавший переработанные им кельтские сказания за подлинные песни барда Оссiana, а также чешский писатель Вацлав Ганка, автор подложной «Краледворской рукописи». Две следующие волны скепсиса по поводу «Слова» пришлись на рубеж XIX—XX столетий и 70-е годы XX в. В результате в слововедении возобладали два основополагающих вывода: (1) памятник был создан на исходе XII в., (2) ее автор — участник описываемого события.

Подлинность «Слова» удостоверили Д.С. Лихачёв и А.А. Зализняк. Последнему в 2007 г. была присуждена Литературная премия Александра Солженицына «за филигранное лингвистическое исследование первоисточника русской поэзии “Слова о полку Игореве”, убедительно доказывающее его подлинность». Книга А.А. Зализняка «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста», казалось бы, поставила окончательную точку в столь длительном споре.

Однако остались без ответа несколько вопросов, которые возникли уже в XIX в. и продолжали будоражить умы слововедов и в XX столетии: почему автор «Слова», предполагаемый современник события и их участник, собирается повествовать о походе Игоря «старыми словесы»; почему так отчетлива текстовая, стилевая и художественно-поэтическая связь текста «Слова» с памятниками византийской литературы «Девгениево деяние» (X—XI вв.), «История Иудейской войны» Иосифа

Флавия (75—79 гг. н.э.), которые были созданы до «Слова», но на Русь пришли в переводах XIV—XV вв.; почему автор упоминает крымский город Сурож и беспокоится о том, чтобы тот не стал военной добычей половцев, город, который Сурожем стал называться только лишь в XIV в., а во времена битвы на Каяле именовался Сугдеей и исправно платил дань половцам.

Вопросы можно продолжать: почему «Слово» оканчивается на оптимистической ноте, хотя XII в. для Руси был временем во всех отношениях чрезвычайно трудным и повода для оптимизма не давал совершенно; почему понятие «Русская земля» в «Слове» географически (по перечню городов) представлено весьма широко, хотя в XII в. это словосочетание относилось исключительно к территории вокруг Киева; почему в «Слове» так отчетлив историзм освещения событий, а не провиденциализм, свойственный текстам XII в.: в «Слове» ответственность возлагается на конкретных людей, а не на Провидение; почему в «Слове» так широко представлена природа (в скромном по размеру тексте поэмы в пятьсот строк упоминается 25 имен животных и птиц, хотя литература XII в. совершенно не замечала природу); почему автор «Слова» обращается к князьям-современникам на равных, резко критикует их, упрекает в бездеятельности, не опасаясь последствий, хотя летописи оставили множество грустных сообщений о судьбе тех, и князей в том числе, кто позволил себе не только произнести обидные слова, но даже косо посмотреть на критикуемого. Такая свобода в оценке реальных лиц возможна только в тех случаях, когда критикуемых давно уже нет на этом свете, ибо «мертвые сраму не имуть»; автор оценивает время описываемого события как «бусово», т.е. 'черное, безрадостное'. По сути, певец прав, но можно ли так точно охарактеризовать время, в котором живешь?

Каждый из поставленных вопросов, говорит А.М. Ломов, можно оспорить, но если таких вопросов немало, то они приобретают силу свержсуммативности — весьма мощного аргумента.

Помимо четко сформулированных вопросов, на которые утвердившаяся ныне концепция ответов не дает, А.М. Ломов

приводит большое количество наблюдений и фактов, обнаруженных лично или взятых из исследований предшественников. Кажется, что каждый такой факт отдельно оснований для пересмотра господствующего мнения не дает, однако вспоминается великий филолог, который внимание к мелочам связывал с высоким профессионализмом исследователя: «Именно глубоким и всеобъемлющим взглядом на подробности отличается человек знающий от профана, дилетанты, не разумея техники искусства, хватаются за общие мысли произведения, т.е. за общие места, истинный знаток видит в ничтожной для непривычного мелочи высокое значение, ибо здраво понимает ее и чувствует ее отношение к целому» [Буслаев 1992: 88].

Поставленные вопросы и многочисленные факты подводят к предположению о том, что «Слово» — это оригинальный памятник, не имеющий аналогов в мировой литературе, но относить его к XII в. нет никаких оснований. Нужна третья хронологическая гипотеза, суть которой в том, что перед нами подлинник, памятник, созданный позже XII в.

Исследование всегда начинается с обнаружения пробела в научном описании природы: иногда находится совершенно новый объект, иногда новое поведение старого объекта. Как только такое событие происходит, ученый подыскивает возможное объяснение нового явления, стараясь по возможности сохранить существующие научные представления. Предположения, которые он при этом выдвигает, называются рабочей гипотезой, и далее ученый приступает к экспериментальной проверке этой гипотезы. Гипотеза (греч. *hypothesis* — ‘основание, предположение’), предположительное суждение о закономерной (причинной) связи явлений; форма развития науки [НИЭ 2000: 5: 73]. Гипотезе предшествует вопрос. Постановка вопроса содержит в себе решение его в неявном виде. «Ученый не обязательно должен всегда отвечать на вопросы, но он безусловно должен их *правильно* ставить. Иногда заслуга правильной постановки вопросов может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ» [Лихачёв 2006: 2: 457].

«Слововедение» за два с лишним столетия накопило огромный фонд наблюдений, фактов, их интерпретаций, выводов,

мнений, публикаций. В постановке и дальнейшей проверке весь этот фонд должен быть охвачен вниманием исследователя, дерзнувшего предложить очередную гипотезу. Отталкиваясь от мудрого замечания И.В. Гете, что всякая дельная мысль кому-нибудь уже приходила в голову, надо лишь доискаться, А.М. Ломов обратил внимание на мнения тех, кто указывал время написания «Слова» иное, чем XII или XVIII в. В поле зрения попало предположение Е.А. Болховитинова, монаха, до смерти (1837) киевского митрополита, одного из первых исследователей отечественной истории и культуры. Евгений Болховитинов высказал мысль, весьма отличную от официального мнения о том, что «Слово» принадлежит XII в. Для него «Слово» — подлинный памятник, созданный в XIV—XV вв., когда «воображение и дух россиян уже ободрился от успехов над татарами» (цит. по: [Ломов 2010: 37]). Кстати, эту же хронологическую версию поддерживали лингвисты Н.М. Каринский и В.В. Виноградов.

В середине XIX в. (1852) были обнаружены шесть списков еще одного памятника древнерусской литературы, названного исследователями «Задонщиной». Это произведение — гимн русскому воинству, одолевшему татаро-монголов на поле Куликовом, повествование о том, что на битву пришли русские княжества, а с победой уходила единая Русь. Исследователей удивило поразительное сходство двух эпических произведений, причем сходство не фактическое, а типологическое. Ранее высказывалась мысль, что автор «Задонщины» Софоний Рязанец широко использовал «Слово», поскольку общим в обоих произведениях было понимание происходящего — борьба за единение русских княжеств для сопротивления нашествию иноземных орд. Рассказывая о Мамаевом побоище, автор «Задонщины» заимствовал у «Слова» поэтические образы, отбирал и переосмысливал ситуации, общие для двух эпических повествований [БЭ 2006: 17: 225].

Учитывая фактор «Задонщины», ее типологическое сходство со «Словом», А.М. Ломов развивает свою первоначальную гипотезу о том, что «Слово» принадлежит иной, чем считалось, хронологической нише, и предположил, что оба произведения

принадлежат одному книжнику — Софонию Рязанцу и что это не разные произведения, а две части одного эпического текста. Часть, называемая «Задощиной», на самом деле называлась иначе, поскольку из шести списков только одно озаглавлено словом *Задонщина*, а остальные пять в заголовках начинаются: *Слово...* А.М. Ломов предположил, что на самом деле было «Слово о полку великого князя Дмитрия Донского». Чтобы оттенить то обстоятельство, что победа русских — это следствие их единения, Софоний Рязанец из летописи извлекает текст о бесславном поражении малозначительного князя-сепаратиста Игоря, не пожелавшего объединиться с другими князьями. В итоге возникает сильный поэтический эффект контраста: врозь — поражение, вместе — победа.

Если принять гипотезу о том, что «Слово» написано не в XII в., а двумя веками позже, становится ясно, что обращение к князьям — это художественный прием; объясняется замеченный в свое время факт отсутствия в «Слове» следов язычества; находит свое объяснение странное желание автора о битве на Каяле повествовать «старыми словесы», а не «иными словесы», как в «Задонщине». Становится ясной предельная краткость текста «Слова» — всего пятьсот строк, странный набор намеков, содержащийся в именах исторических персон, названиях городов и иных мест: читателю XIV в. не надо было пространно объяснять, достаточно точно обозначить ту или иную историческую ситуацию. «Слово» — это своеобразная партитура древнерусского исторического процесса, сеть мнемонических узелков истории: «Слово» ведь писалось для своих.

Очевидно, что тиражирование объединенных частей было выборочным: охотно читали и переписывали основную часть — о победе — и пренебрегали повествованием о давнем поражении. В этом А.М. Ломов видит причину того, что до нас дошел только один список «Слова», но список неповрежденный, а «Задонщина» явилась в нескольких, весьма испорченных временах списках. Невостребованность «Слова» и популярность «Задонщины» — объяснение причины разного состояния памятников.

Филологическое исследование и мир бессознательного

Есть особенность филологического исследования, предопределяемая текстом, который неизбежно связан с содержательным миром бессознательного: автор создает текст, в значительной мере опираясь на бессознательное, а филолог, интерпретирующий этот текст, тоже подвержен влиянию бессознательного.

Интуиция в науке

Связующим моментом двух миров является интуиция — когнитивная способность постижения истины путем непосредственного ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства, субъективная способность выходить за пределы опыта путем мысленного схватывания («озарения», «Господь надомил») или обобщения в образной форме непознанных связей и закономерностей [НИЭ 2000: 7: 207]. Интуиция возникает не на пустом месте, она возможна на базе непосредственных эмпирических данных, полученных в чувственном опыте. В основе работы творческой интуиции, озарения лежит восполнение недостающих звеньев, «перебрасывание мостов», — самодообраивание целостного образа, в результате чего мысли вдруг обретают структуру и ясность [Князева, Курдюмов 1994]. Интуиция — это целостное схватывание, а логика — анализ. На первом этапе работы интуиции свойственно максимальное расширение креативного поля поиска, охват максимально возможного разнообразия элементов знания с уравниванием главного и неглавного, существенного и несущественного [Князева 2009: 47].

Интуиция и интеллект действуют кооперативно. Интуиция воспринимает и понимает общую структуру конфигурации, обходясь минимумом данных, а интеллект выясняет особенности отдельных элементов, явлений или событий в каждом отдельном контексте и определяет их «как таковые». Интуиция дает представление об общей структуре ситуации и определяет место и функции каждого элемента в такой ситуации [Арнхейм 1994: 26].

Когда в повестку дня науки и практики был включен вопрос о создании искусственного интеллекта и стала очевидной необходимость учитывать «имплицитные», «автоматические» процессы, протекающие в мозге, со слова *интуиция*, которое доселе находилось в списке запрещенных к использованию в науке терминов, было снято табу. Активные лабораторные исследования показали, что сознательные процессы составляют лишь крохотную часть нашей умственной деятельности. Эксперименты показывают, что наше сознание может воспринимать порядка сорока сигналов одновременно; весь остальной массив информации обрабатывается скрытно от нас. Объем скрытой памяти головного мозга поразительно велик. На бессознательном уровне мозг не только накапливает информацию, но и взвешивает, оценивает и сортирует ее. Зачастую — интуитивно — он выуживает из огромных массивов сведений нужные, важнейшие для себя. Когда человек принимает интуитивное решение, активизируется базальная часть головного мозга. Это — один из самых древних его отделов; он отвечает за эмоциональные реакции. Миллионы лет эволюции животные интуитивно реагировали на все, что происходило вокруг, и жизнь как-никак уцелела в любых катастрофах, увенчав свое древо «человеком разумным» [Волков А. 2007: 8].

Частью бессознательного является сверхсознание — неосознаваемое рекомбинирование ранее накопленного опыта, которое пробуждается и направляется доминирующей потребностью в поиске средств ее удовлетворения. Неосознаваемость этих первоначальных этапов всякого творчества представляет защиту рождающихся гипотез и замыслов от консерватизма сознания, от чрезмерного давления очевидности непосредственных наблюдений, от догматизма прочно усвоенных норм.

Сверхсознание вероятно, но не сводится к случайному рекомбинированию хранящихся в памяти следов. «Его деятельность трижды канализирована: 1) ранее накопленным опытом, включая присвоенный опыт предшествующих поколений; 2) задачей, которую перед сверхсознанием ставит сознание, натолкнувшееся на проблемную ситуацию; 3) доминирующей потребностью [Симонов 1992: 7]. Стоит согласиться с сужде-

нием выдающегося ученого: «Причина, почему искусство может нас обогатить, заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа» [Бор 1961: 111].

Обратимся к филологии и откроем статью А.Ф. Журавлёва «Интуиция этимолога» [Журавлёв 2010]. Известно, что научный аппарат современной этимологии весьма объемён и изощрён. Спектр «измерений» слова, которые должны приниматься во внимание при установлении его этимологии, чрезвычайно широк. Это фонетика и морфонология, словообразовательные отношения, морфологическая парадигма слова, место и связи слова в лексико-семантической парадигме, сочетаемостные свойства слова, фразеология, сохраняющая утраченные смыслы, возможность аттракции, контаминации и аналогического выравнивания, стилистическая отнесенность слова, народная или книжная природа, коннотация, территориальная закреплённость слова, необходимость учитывать изученные закономерности смысловых изменений, элементы материальной и духовной жизни этноса, пользующегося данным языком, и проч. [Журавлёв 2010: 3–4]. Одновременный учет столь большого количества факторов требует наличия у исследователя «многоканальности» мышления, реализуемой одновременно. Среди этих каналов важное место занимает интуиция. Поразительной интуицией, позволявшей исследователю преодолевать этимологические трудности и прямо устремляться к конечной цели поиска — к этимону (первичной мотивации того или иного слова), обладал академик О.Н. Трубочёв, памяти которого и посвящена цитируемая статья. В большинстве случаев этимологическая находка — это результат прозрения, своеобразная интеллектуальная вспышка. К сожалению, пишет А.Ф. Журавлёв, необходимость вербализации результатов скрытой интуитивной работы в процессе написания научного сочинения максимально снижает эффект внезапности интуитивного прозрения. И только внимательное чтение трудов выдающегося этимолога позволяет увидеть неожиданные повороты в выстроенной им цепи логически безупречной аргументации.

Автор лингвистически строгой монографии «Динамика русских глаголов движения с XI по XX век» А.И. Кузнецова признается, что и ей приходилось прибегать к помощи интуиции: «С помощью метода дистрибуции, таким образом, на нашем материале трудно, а иногда невозможно различить лишь 6 лексико-семантических вариантов... Для их установления можно было бы прибегнуть к иным структурным методам (например, трансформационному анализу или субституции), но для древнего периода это делать нельзя, так как в случае трансанализа проверкой является чувство языка, т.е. субъективный момент. Поэтому 6 указанных лексико-семантических вариантов пришлось устанавливать интуитивно, исходя из развернутого контекста» [Кузнецова 2010: 122].

В обобщающей работе физика-теоретика академика РАН Е.Л. Фейнберга «Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке» на разнообразных примерах демонстрируется роль внелогического, интуитивного подхода в социальной и личностной деятельности. Высоко оценивается значимость внелогичных, с точки зрения формальной логики, «бездоказательных» элементов познания. Автор вводит понятие «интуитивного умозаключения», основанное на обобщающей оценке огромного разбросанного фактического материала и используемого в гуманитарных науках. Интуитивные умозаключения являются важнейшими элементами, встречающимися на всем протяжении цепи рассуждений [Фейнберг 1992: 53]. Без учета интуитивных умозаключений невозможно понять и логически объяснить, почему *это* красиво, а *это* — нет [Там же: 58].

Методология филологических наук

Любая область человеческого познания, претендующая на звание науки, должна обладать наряду с (1) объектом (2) предметом изучения и (3) метаязыком (метаязык — это язык, посредством которого описываются и исследуются свойства некоторого другого языка, в частном случае это набор специальных лингвистических терминов), (4) определенными *исследовательскими методами*.

Подлинная наука возникает только тогда, когда формируются и систематически используются особые научные методы — методы эмпирического и теоретического исследования явлений природы. С помощью научных методов добываются знания, которые можно проверить, сохранить и передать. От правильно выбранного метода зависит судьба научного открытия, а потому «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно» [Маркс 1955: 1: 7].

Требование научности предполагает четко осознанную методологию: 1) используемые исследовательские приемы должны быть выделены именно как приемы, методы; 2) неизвестное не объясняется через непонятное; 3) должно быть четко определено понятие результата; 4) при условии применения тех же методов и приемов, результат должен быть принципиально воспроизводим [Фрумкина 1999₆: 30]¹⁸.

Методы в науках складывались первоначально стихийно и не всегда осознавались. Ученых интересовали прежде всего итоги исследования, а не приемы и методики, при помощи которых они и достигались.

Сами методы — результат великих научных открытий. Оформи́вшийся в практике прошлой исследовательской работы метод затем используется в работе предстоящей. Известный ученый Дж. Бернал не без иронии заметил: «Изучение научного метода идет гораздо медленнее, чем развитие самой науки. Ученые сначала находят что-то, а затем уже — как правило, безрезультатно — размышляют о способах, которыми это было открыто» [Бернал 1956: 21]. Аналогично размышлял и художник П. Пикассо: «Сначала я нахожу, потом я ищу».

Уже высказывалось мнение, что для действительно творческой работы важна не столько методология, сколько идея, вспышка которой освещает хаос проблем и фактов и в одно мгновение позволяет увидеть в нем определенный порядок и

¹⁸ «О методе мы будем говорить только тогда, когда кто-либо, делая что-либо каким-либо способом, одновременно знает, что он делает это именно этим способом» [Kotarbiński 1973: 86].

смысл. Сама идея, сам смысл освещает ведущую к нему дорогу, диктует структуру и логику исследовательской работы [Косарев 2000: 10].

Методология, считал философ М.К. Мамардашвили, начинается с вопроса «как это возможно?», который и есть одновременно и метод, и способ существования живой мысли [Мамардашвили 1990: 17].

В наше время наука проникает во все сферы производства, быта и даже искусства и сама становится объектом и предметом исследования. Сложилось науковедение — наука о науке, в которой методам исследования и их истории стали придавать большое значение (ср. высказывание С.Ф. Ольденбурга об этом в изд.: [Азиатский музей... 1920: 6]).

Внимание к методам усилилось, когда перед наукой встали актуальные практические задачи: упрощение и формализация процедуры научного анализа, разработка более экономных и эффективных схем поиска информации и ее интерпретации, как это находит применение в филологии; перенос методов одних наук в другие, смежные науки в связи с возникновением новых отраслей знания; подготовка научных кадров и связанная с этим необходимость ускоренного овладения методами научного поиска.

Метод, утверждал нобелевский лауреат русский физиолог И.П. Павлов, — самая первая, основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много, а при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных [Павлов 1952: 21].

Конечно, метод не может заменить творческую силу ума, но он дисциплинирует мышление, повышает его культуру, дает возможность экономить силы и время и идти к научной цели кратчайшим путем. Нельзя сбрасывать со счетов и эстетическую сторону хорошего метода. Эстетику научной работы Д.С. Лихачёв видел в красоте исследовательских приемов, в новизне и скрупулезности научной методики [Лихачёв 1984: 203].

Научный метод

Научный метод представляет собой определенный подход к изучаемому явлению, систему положений, научных и чисто технических приемов и процедур, способствующих целенаправленному изучению объекта с определенной точки зрения. Метод — систематизированная совокупность шагов, которые необходимо предпринять, чтобы выполнить определенную задачу или достичь определенной цели, это способ постижения истины. «Под методом я разумею точные и простые правила, соблюдение которых способствует увеличению знания» (Р. Декарт).

В структуру современного научного метода, т.е. пути построения новых знаний, входят: наблюдение и измерение, количественное или качественное описание наблюдений. В таких описаниях с необходимостью используются различные абстракции, обобщение и формулирование гипотез, формулирование следствий из предложенной гипотезы с помощью дедукции, индукции или других логических методов, а также проверка прогнозируемых следствий с помощью эксперимента (по терминологии Карла Поппера — критического эксперимента).

Известный врач и ученый Г. Селье под научным методом понимал ряд таких процедур, которые используются в процессе приобретения знаний и которые основываются на следующем: 1) распознавании и четком формулировании проблемы; 2) сборе данных посредством наблюдения и, насколько это возможно, эксперимента; 3) формулировании понятия посредством логических рассуждений; 4) проверке этих гипотез [Селье 1987: 47—248].

Метод напрямую связан с теорией, ибо теория — основа для выработки метода, а метод обогащает и развивает теорию. Теория есть специфическая практика, которая воздействует на собственный объект и ведет к собственному продукту — знанию. Научный метод считается фундаментом научного познания и приобретения новых знаний на основе доказательств.

Результаты любой достаточно убедительной теории должны быть проверены воспроизводимыми опытами. Если они оправ-

дываются, то теория принимается. Научный метод представляет собой очень осторожный способ построения адекватной и доказанной картины мира. Последовательное применение научного метода отличает науку от лженауки, религиозных построений, теорий, допускающих вмешательство вездесущего разума и множества других форм мышления.

Ограниченность любого научного метода

Аксиомой современной науки является тезис об ограниченности любого метода, поскольку каждый метод, считал философ А. Уайтхед, представляет собой удачное упрощение. С помощью любого удачного метода можно открывать истины только определенного, подходящего для него типа и формулировать их в терминах, навязываемых данным методом [Уайтхед 1990: 624].

Познаваемые объекты настолько разнообразны, многоаспектны и связаны между собой такими многообразными отношениями и связями, что полностью постичь их природу, функцию и генезис при помощи одного — пусть самого эффективного — метода невозможно. Не существует ни одной более или менее интересной теории, которая согласуется со всеми известными фактами [Фейерабенд 1986: 162]. Мы разделяем эту точку зрения, но считаем, что метод зависит от изучаемого объекта, является его аналогом и по мере расширения знаний об объекте изменяется сам. Более того, считается, что методы зависят от постановки проблем, для решения которых они должны быть применены. Проблемы требуют соответствующих им методов (подробнее см.: [Пильх 1994: 7]).

Методы могут быть экспериментальными и теоретическими, эвристическими и алгоритмическими. Важно заметить, что методы очень «живучи». Появление нового метода не означает отмену уже имеющихся, а только изменяет соотношение старых и новых методов.

Лингвистика, например, не ограничивается собственно языковедческим инструментарием. Стало очевидным, что исследователь слова должен знать акустику, психологию, социологию,

историю, литературоведение, теорию информации, статистику, этнографию, антропологию, культурологию, текстологию, географию, философию, и знать не только факты, накопленные этими науками. Он прежде всего должен знать, как добыть эти знания, иметь представления о методах науки. Так, исследование на тему: «Концептосфера “человек телесный” в русской и немецкой паремиологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов)» потребовало от соискателя использование не только описательного и сопоставительного методов исследования, но и методик сплошной выборки языкового материала и его количественного анализа, а также новейших методик, разработанных на базе анализа фольклорных текстов — кластерного анализа, методики сжатия конкорданса и аппликации полученных в результате сжатия конкордансов концептограмм [Савченко 2010: 5].

Филологические дисциплины обладают достаточным количеством инструментов исследования — методов, методик и приемов. В активе отечественной и зарубежной филологии немало трудов, отличающихся не только глубоким содержанием, но и безупречным методологическим оснащением. Однако в целом теория филологических методов, равно как и их таксономическая упорядоченность, отстают от практики их применения. При этом неупорядоченность методологического хозяйства филологии связана с неупорядоченностью понятийно-терминологического аппарата научных дисциплин, изучающих слово¹⁹. Пока сам статус филологии проблематичен, вопрос о филологических методах не может быть решен окончательно. Полная систематизация и описание всех методов, методик и приемов, используемых филологами, — дело будущего, а пока обратим внимание на некоторые инструменты исследования художественного текста.

¹⁹ В кругу филологических дисциплин, способствующих профессиональному росту начинающих филологов, целесообразны разработанные нами и снабженные учебными книгами курсы «Культура филологического труда», «Филологическая информатика» или «Современные информационные технологии для гуманитария» [Хроленко, Денисов 2007].

Методика «конкретного литературоведения»

В анализе художественного текста весьма продуктивной является методика, названная Д.С. Лихачёвым *конкретным литературоведением* [Лихачёв 1984]. В его основе лежит представление о том, что литературное произведение распространяется за пределы текста и что четкие границы между литературой и реальностью отсутствуют. Между ними реально существует зыбкая пограничная полоса, в которой протекают чрезвычайно важные для литературного развития процессы. Конкретное литературоведение занято этой пограничной зоной. Оно не вытесняет другие подходы к литературе, оно дает частные объяснения частным же явлениям литературы, приучает к медленному чтению, стремится к доказательности своих выводов, а не к конструированию гипотез или генерированных идей. Частные специальные исследования развивают наблюдательность, филологическую культуру, освобождают литературоведение от субъективности и возвращают его в лоно точных наук. «История текста произведения, восстановленная по черновикам, беловым рукописям и прижизненным печатным изданиям, позволяет конкретно установить направление творческих поисков писателя, хронологию этих поисков, а вместе с тем точно судить о замысле автора, изменениях этого замысла, о идеях, вложенных автором в свое произведение, и о многом другом, не прибегая к домыслам, гипотезам, предположениям, а иногда и просто гаданиям» [Лихачёв 1984: 10].

Методика конкретного литературоведения — основа охраны литературного наследия — демонстрируется Лихачёвым на ряде убедительных примеров. В очерке «Крестьянин, торжествуя...» анализируется начало строфы II главы пятой «Евгения Онегина»:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

Неискушенный читатель недоумевает: почему крестьянин торжествует, почему лошадь, «снег почуя», «плетется рысью». Рысь и плетись?!?

Конкретный анализ все ставит на свои места. Крестьянин торжествует не потому, что обновляет путь, а потому что снег наконец-то выпал:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала. Ждала природа,
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.

Не будь этого долгожданного снега, озимые вымерзли бы. Как тут не торжествовать!

Пушкин знает крестьянский быт не как горожанин, а как житель деревни, а потому ему известно, что у лошади сравнительно слабое зрение, а потому она не столько видит, сколько чувствует снег. По дороге, только что покрытой снегом и потому неизвестной, подслеповатая лошадь не торопится, «плетется рысью». Современному горожанину рысь кажется всегда быстрым бегом лошади, однако рысь — понятие родовое, а потому возможна и медленная рысь (см. подробнее: [Лихачёв 1984: 11—13]).

В очерке «Из комментария к тексту стихотворения “Родина”» внимание филолога привлекла строфа из поэтического текста, долгое время приписываемого Д.В. Веневитинову (1805—1827):

Гнилые избы, кабаки,
Непроходимые дороги,
Оборванные мужики,
Рогатых баб босые ноги.

Многие считали, что «рогатые бабы» — неисправность текста, логичнее чтение «брюхатые бабы». Однако Лихачёв напоминает, что рогами в наряде русских деревенских замужних

женщин некоторых губерний называли кичку, или кикку — очень высокий головной убор из парчи или низанный жемчугом, с двумя выступами спереди — «рогами». Этот пышный головной убор, обычно передаваемый по наследству, контрастировал с повседневной босоногостью деревенских женщин. Таковы образы женщин из народа на полотнах русского художника А.Г. Венецианова (1780—1847): головные уборы царевен и босые ноги нищенок. «Рогатых баб босые ноги» — символ крайней нищеты и официальной пышности России [Лихачёв 1984].

Мотивный метод

Мотивный метод получил права гражданства в литературоведении в первой половине XX в., благодаря работам А.Н. Веселовского и В.Я. Проппа, впервые рассмотревших мотив как неразложимый элемент текста. Мотив рассматривается как устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста, наделенный предикативностью, семантической насыщенностью, повторяемостью, эстетической значимостью, загадочностью и интертекстуальностью. Примерами служат мотив *метели* у А.С. Пушкина, мотив *дороги* у Н.В. Гоголя, мотив *блудного сына* в русской и зарубежной литературе [Болотнова 2007: 482].

Примером использования мотивного метода в литературоведческом исследовании может служить статья Ю.А. Андреевой, которая сопоставила повесть А.С. Пушкина «Метель» из цикла «Повести Белкина» с рассказом М.А. Булгакова «Вьюга» из автобиографического цикла «Записки юного врача». Исследовательница показала, как две стихии, по времени разведенные веком, оказались в одинаковой роли — преобразовательниц героев. Пушкинская метель духовно преображает гусарского офицера Бурмина, меняет судьбы героев повести. Булгаковская вьюга помогает уездному доктору переменить свое отношение к долгу эскулапа со всеми неудобствами и трудностями избранной профессии [Андреева 2009].

Уже исследованы «ресторанные» мотивы в русской поэзии. Так, у многих поэтов Серебряного века — Брюсова, Блока, Бе-

лого, Садовского, Ахматовой и др. — лирический сюжет разворачивается в ресторане. Ресторан, возникший в начале XIX в., был опоэтизирован русской культурой и мифологизирован общественным сознанием. Он связан с богемной жизнью творческой интеллигенции. В основе «ресторанных» стихов — встреча с Ней. Ресторанный мир изначально мужской. «Ресторанный текст» связан с мотивом огня. Пространство ресторана озвучено: мотив музыки, звучание скрипок, разнообразные диссонансные звуки. Героиня «ресторанных текстов» окружена ореолом таинственного звучания. Важным элементом ресторана как закрытого пространства становится окно, возле которого сидит Она. Мотив окна переплетается с мотивом зеркала и отражения [Авдони́на 2013].

Проанализирована также общность мотивов в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя и «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского [Чуйков 2013].

Метод, близкий к эксперименту

Метод, близкий к эксперименту, заключается в сопоставлении черновых вариантов строк с их авторским комментарием. В качестве хрестоматийного примера приводится статья В.В. Маяковского «Как делать стихи», в которой поэт размышляет о своей работе над стихотворением «Сергею Есенину» [Маяковский 1968]. Разумеется, этот метод ограничен тем, что у исследователя не всегда есть черновой вариант анализируемого произведения. Однако в случаях наличия черновики пример писателей, редактирующих свои произведения и поясняющих необходимость различных замен и трансформаций, для изучения психологии творчества и прояснения эстетического замысла дает многое [Болотнова 2007: 479].

Биографический метод

Биографический метод — один из самых используемых в литературоведении методов. Он предполагает изучение жизни писателя на основе знакомства с мемуарами о нем, анализа

автобиографии, исследования дневников, записных книжек, эпистолярного наследия, различных материалов. Своеобразной самопрезентацией писателя могут быть авторские предисловия и послесловия, речи и интервью, поэтические декларации, критические статьи и эссе. Биографический метод основывается на допущении, что за любым текстом стоит языковая личность художника слова, а потому этот метод позволяет лучше понять творения исследуемого автора [Болотнова 2007: 481]. Например, поэтическая *Киммерия* в стихах М. Волошина — явное отражение жизни поэта в крымском Коктебеле. Содержание и поэтика художественной прозы К. Паустовского заметно связаны с одесскими и мещерскими годами творческой биографии писателя.

Интертекстовый анализ

Введенное в научный обиход Ю. Кристевой в 1960-е годы понятие интертекстуальности основывается на предположении, что любой текст, в том числе и художественный, в действительности представляет собой совокупность разнообразных межтекстовых связей и отношений, которая, по сути, оказывается своего рода интертекстом. Под интертекстовым анализом стало пониматься выявление различного рода влияний, заимствований, цитат, реминисценций, аллюзий [Тюпа 2008: 252].

Неслучайность возникновения понятия «интертекст» и соответственно интертекстуального анализа ощущалась мастерами художественного слова и филологами задолго до Ю. Кристевой. О.Э. Мандельштам в «Письме о русской поэзии» писал о том, что нет «ни одного поэта без роду и племен, все пришли издалека и идут далеко» [Мандельштам 1990: 266]. Учет этого обстоятельства, пишет О.Э. Мандельштам в статье «А. Блок», и может сделать филологический анализ объективным: «Установление литературного генезиса поэта, его литературных источников, его *родства* и происхождения сразу вводит нас на твердую почву. На вопрос, что хотел сказать поэт, критик может и не ответить, но на вопрос, откуда он пришел, отвечать обязан» [Мандельштам 1990: 188]. В те же года, когда О.Э. Ман-

дельштам писал эти строки, К.Ф. Тарановский и его школа, опираясь на концепцию «цитатности» поэтического текста, занимались сквозным выявлением реминисценций. Б. Ярхо, констатируя, «ничто не возникает из ничего», к филологии подверстывал биологию, формулируя закон «непрерывных естественных рядов в литературе».

«Переключки между отдельными строчками» легли в основу интертекстуального анализа и, по мысли М.Л. Гаспарова, дали замечательные результаты: непонятные стихотворения стали понятными, а понятые обогатились новыми оттенками смысла. Это результат того, что тексты стали читаться на фоне более ранних текстов. Например: у Баратынского в «Цыганке» герой повторяет строку «Онегина», *Я с вами жаждал объяснения: Примите исповедь мою*; Пушкин в «Зимнем утре» повторяет строку Языкова (*Под голубыми небесами*) *Летят с уютными санями* (1825); а Лермонтов в «Ветке Палестины» повторяет строку Баратынского из «Переселения душ» (*Пальма вековая Стоит, роскошно помавая*) *Широколиственной главой* [Гаспаров 2002: 8].

Теоретические результаты интертекстуального анализа, по мнению М.Л. Гаспарова, заметно отстали от практических достижений, а потому этот анализ до сих пор остается скорее искусством, чем наукой. Не решен исходный вопрос: где кончается интертекст и начинается случайное совпадение [Там же: 3]. Есть и другие вопросы: какие из самоповторений допущены Пушкиным сознательно, а какие бессознательно; почему начинающий Лермонтов охотно копировал строки Пушкина и свои собственные, считая их как бы полуфабрикатами для будущих стихов; почему стиховед М.О. Гершензон в своей статье «Плагиаты Пушкина» говорит о «плагиатах» и «полуплагиатах» великого поэта [Там же]. Теоретическая разработка основ интертекстуального анализа, по мнению М.Л. Гаспарова, требует разграничения интертекстов литературных (область литературоведения) и интертекстов языковых (область лингвистики), между которыми лежит обширная область переходных форм, исследование которых обещает много интересного [Там же: 9]. Подводя итоги размышления над феноменом интертекста,

М.Л. Гаспаров, похоже, согласен со словами римского поэта Горация: «*Proprie communia dicere*» — «сказать по-своему общее, а не чье-то».

Контент-анализ

К филологическому инструментарию относится контент-анализ. Сущность этого метода заключается в подсчете частоты встречающихся в тексте единиц — знаков и их комбинаций, букв, слов, терминов, словосочетаний, фамилий отдельных лиц и т.д. Затем выделенные единицы выстраиваются в порядке убывания частоты их использования в тексте. Результаты подсчета позволяют увидеть то, что рассеяно в тексте и на первый взгляд не видно. Наиболее сложный и ответственный этап состоит в том, что исследователь намечает те смысловые единицы, наличие или отсутствие которых интересует его в изучаемом тексте (текстах). Поскольку одно и то же смысловое содержание может быть выражено с помощью различных языковых средств, то вслед за выделением смысловых единиц исследователь должен сформулировать их конкретные эмпирические показатели, т.е. формализовать единицы. Затем решается вопрос о единице счета — ею может быть не только частота упоминаний, но и такие величины, как число строк, отданных данной смысловой единице, или площадь газетной полосы. В итоге всех этих подготовительных процедур формируется система четких правил, т.е. определенный алгоритм, посредством которого и анализируется содержание рассматриваемого текста (подробнее см.: [Кузнецов 2004: 110—112]).

Существует несколько разновидностей контент-анализа в зависимости от цели исследования и выбора показателей.

В зарубежной политической лингвистике контент-анализ применяется в изучении политической коммуникации. Основная задача исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме. Так выявляются количественные характеристики тактик

восхваления, критики и защиты; соотношение в речи политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы и на личные характеристики политиков. Выяснилось, что во многих странах претенденты на президентский пост чаще используют тактику дискредитации оппонента, чем действующий президент, баллотирующийся на второй срок [Будаев, Чудинов 2006₆].

Обращение к поисковой машине «Яндекс» обнаруживает чрезвычайную популярность термина *контент-анализ*. Так, контент-анализ публикаций ста ведущих федеральных СМИ дает объективную картину имиджа региона, например, Калужской области. Контент-анализ объявлений по трудоустройству показывает, что работодатели не хотят брать работников старше 45 лет. Сообщается также о результатах контент-анализа израильских материалов русскоязычного Интернета. Контент-анализ используется в установлении рейтинга общественно-политических или научных терминов в форме конкурса «Слово года». В разные годы в русскоязычном сегменте такими словами были *гламур*, *нано-*, *цунами*, *кризис*. В 2009 г. в англоязычном сегменте фаворитом было слово, вошедшее в Новый Оксфордский словарь, *unfriend* ‘расфрендить — исключить пользователя из списка друзей по социальной сети’.

Для анализа научных текстов используется цитационный контент-анализ. Он основывается на том, что в научных текстах принято ссылаться на того, у кого автор позаимствовал что-нибудь (идею, метод, факт), с которыми он согласен или не согласен. Ссылки во всех публикациях образуют сеть, раскрывающую логику развития науки. При установлении общности выявленных связей между работами создается карта определенной научной деятельности, совокупность которых складывается в научный атлас исследований в этой области на данный момент. Этот метод позволяет определить «фронт исследований» — вычислить группу работ, текстов, авторов, цитируемых наиболее активно (см. подробнее: [Кузнецов 2004: 110—112]).

В филологии контент-анализ применим по определению, поскольку каждый текст характеризуется своими особенно-

стями: длиной абзацев и фраз, порядком слов в предложениях, наиболее часто встречающимися словосочетаниями. Каждый показатель может служить единицей для подсчета, статистическая обработка которых позволяет сделать обоснованные выводы: кто написал данный текст, к какому жанру он относится и т.д. Каждый автор может быть охарактеризован с точки зрения длины слов и предложений, излюбленных словосочетаний и стилистических оборотов. В спорных случаях, когда авторство неизвестно или приписывается сразу нескольким лицам, такой анализ позволяет доказать принадлежность текста конкретному автору, если результаты контент-анализа совпадают с результатами анализа других текстов данного лица.

Применительно к филологии контент-анализ в интерпретации М.Л. Гаспарова выглядит следующим образом:

Охватить исследованием — это значит сделать то же, что я и мои работающие предшественники сделали со стихом: выделить существенные явления, подсчитать, систематизировать и обобщить. Чтобы мы могли сказать: такой-то подбор стиховых форм; такой-то процент славянизмов или, наоборот, вульгаризмов и варваризмов; такая-то насыщенность метафорами и метонимиями такого-то строения; настолько-то предпочитаемые персонажи таких-то социальных и психологических типов; такие-то варианты сюжета; такие-то пропорции описания, повествования, диалогов, авторских отступлений; такие-то признаки торжественного, сурового, нежного или насмешливого отношения к предмету в таких-то пропорциях, с такой-то степенью прямоты или прикровенности авторской позиции — вот признаки такого-то жанра в такой-то период; и среди них такие-то признаки усиливаются, а такие-то ослабевают по мере движения от начала к концу периода, у писателей таких-то поколений и направлений, под вероятным влиянием таких-то и таких-то смежных жанров, благодаря авторитету таких-то и таких-то авторов. И все это должно быть определено для всех жанров и всех эпох. Дело не только и не столько в подсчетах, хотя и они необходимы, а в том, что изучение любого объекта начинается с его описания. Таким объектом у нас является прежде всего творчество писателя. Значит, мы должны знать,

сколько произведений он написал, каких жанров, какого объема; сколько в этих произведениях персонажей — мужчин, женщин, детей... главных, второстепенных, эпизодических, т.е. дать описание и классификацию персонной системы; какие сферы жизни отобразил писатель, т.е. каково интенциональное содержание его сознания; сколько жизненных ситуаций воссоздано, т.е. дать описание и классификацию авторской ситуативности; определить, как соотносятся мир феноменальный и мир ноуменальный... и так до лексических средств, до всех особенностей синтаксиса» (в изложении И. Карпова [<http://www.post.semiotics.ru/filolog.htm>]).

Примером использования контент-анализа может служить исследование двух современных диалектологов Л.П. и Р.Ф. Касаткиных, посвященное проблеме авторства сказки «Конек-Горбунок» (1834; полн. изд. 1856), появление которого связывают с именем русского писателя и педагога П.П. Ершова (1815—1869). Профессиональные диалектологи в тексте первого издания сказки обнаружили более ста разных диалектных черт, присущих псковским говорам, а не тобольскому говору. Их вывод: автором первого издания сказки был А.С. Пушкин [Касаткин, Касаткина 2012].

Автоматизированный конкорданс

В современной филологии отчетливо просматриваются две тенденции — (1) лексикографизация методов и (2) корпусность, под которой понимают ориентацию на большие массивы текстов — корпуса. Лексикографической формой, в которой сходятся обе тенденции, является конкорданс — список словоупотреблений с отсылкой ко всем контекстам²⁰. Конкорданс может быть *полным*, в котором дается перечень всех слов какого-либо текста с указанием всех контекстов их употребления, или *неполным*, когда словарь дифференцирован, а цитация контекстов избирательна.

²⁰ *Контекст* — это связный фрагмент мегатекста, включающий данную словоформу и достаточный для понимания ее смысла и синтаксического окружения. Обычно это строфа, сонет или предложение.

Поскольку в конкордансе регистрируются все случаи употребления того или иного наименования, он оказывается удобной лексикографической формой, отражающей все индивидуальные особенности стиля конкретного произведения или конкретного автора. Курские лингвофольклористы подготовили и издали четыре конкорданса русских народных песен Курской, Архангельской, Олонецкой губерний и Сибири [Бобунова, Хроленко 2007—2010].

Достоинства конкорданса видятся в следующем: это источник готового иллюстративного материала; база современной лексикографии; инструмент решения языковедческих задач (создание списков слов различного назначения; выявление и анализ ключевых слов; анализ частотности слов и словосочетаний; сопоставительный анализ лексиконов разных авторов; выявление устойчивых конструкций различного типа).

Обычно конкорданс выполняет две основные функции — поисковую и эвристическую. Первая функция основывается на возможности быстрого поиска всех фрагментов того или иного текста с необходимым для пользователя словом, а эвристическая функция предполагает решение целого ряда задач исследовательского характера, касающихся семантики слова, его связей, особенностей синтаксических конструкций, выявления тематических групп лексики, сопоставительных наблюдений и др.

Конкорданс может быть в книжной (бумажной) и электронной версии. Каждая версия имеет свои достоинства и недостатки. У книжной версии те же достоинства и недостатки, что и у бумажной книги перед другими формами предъявления информации пользователям. Недостаток, во-первых, в ее «окаменелости», неизменности и, во-вторых, в издательских ограничениях по объему словарных статей с необходимостью предельно редуцировать контексты. У электронной версии все наоборот. Отсутствие магии книги и возможность предъявить контексты в полном объеме.

Остановимся на разработанной и используемой нами автоматизированной версии конкорданса.

Во всех случаях, когда филолог исследует текст конкретного произведения, он сознательно или на бессознательном уровне учитывает потенциальную совокупность текстов, связанных между собой тем признаком, который актуален в анализе избранного текста. Это предопределяет стремление исследователя содержащуюся только в его голове совокупность превратить в совокупность реально или потенциально явленную в той или иной форме.

Эмпирической базой филологического анализа может явиться совокупность текстов, которую называют термином *мегатекст* — совокупность текстов, которые воспринимаются или исследуются как единое дискурсивное целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами. Обычно мегатекст воспринимают как нечто виртуальное, потенциальное, фоновое, как некую совокупность, которая присутствует в голове исследователя и учитывается им при выявлении особенностей того или иного конкретного текста, имеющего отношение к данной совокупности.

Для тех, кто использует количественные технологии, мегатекст — это текст, объединяющий конкретные паспортизированные тексты, существующий реально и материально представленный в письменной или электронной форме. Если произведение это данность, не зависящая от исследователя, то мегатекст — образование искусственное, определяемое задачами исследования. Объединяющим началом мегатекстов может явиться жанровая, территориальная, индивидуально-исполнительская принадлежность объединяемых текстов.

Каждый мегатекст — это совокупность паспортизированных песенных текстов, существующая в бумажной и электронной версиях. Электронная версия мегатекста объединена в один комплекс со специально разработанной компьютерной программой посредством электронного автоматизированного словника, который позволяет практически мгновенно извлекать из мегатекста любую лексему или словоформу с полным набором контекстов, в котором есть искомое слово. По сути, в этом слу-

чае исследователь обладает надежным поисково-справочным инструментом.

Технологию создания электронного конкорданса и его возможности можно видеть на примере мегатекста «Фет». Для начала работы над созданием автоматизированного конкорданса необходимы: (1) мегатекст и (2) компьютерная программа. Третий компонент конкорданса — словник — программой создается автоматически, и доступ к нему возможен только посредством этой же программы.

С помощью компьютерной программы мегатекст «рассыпается» на словоформы с указанием количества словоупотреблений. В итоге получается упорядоченный по алфавиту список словоформ, который затем путем лемматизации может быть превращен в словоуказатель лексем. Благодаря словнику, который можно рассматривать как надежный исследовательский инструмент для решения любых проблем, филолог имеет целостное представление о количественных и качественных параметрах словарного состава мегатекстов. Благодаря компьютерной программе каждая словоформа и каждая лексема связаны со всеми контекстами мегатекста, в которых они наличествуют.

Первым и главным продуктом используемой программы является словник словоформ, который путем лемматизации сводится в словник лексем. В исследовательском обиходе имеются словники, в которых не все словоформы сведены в лексемы. Так, в конкордансах фольклорных текстов оставляются диминутивы, а также другие специфические формы, например, деепричастия в архаической форме или грамматические формы, передающие в фольклорных текстах особый художественный смысл.

Полученный словник может рассматриваться и как исследовательский результат, и как инструмент для последующей работы над конкордансом.

Теперь известно, что мегатекст «Фет» состоит из 5230 лексем, употребленных 34 794 раза.

Исследовательские возможности словника увеличиваются, если на его основе параллельно создается частотный список

лексем, который затем можно исследовать на разных уровнях: топ-50, топ-100 и т.д. Как обычно, в начале частотного списка сосредоточен так называемый грамматический словарь (союзы, предлоги, частицы, местоимения, связки, артикли). К примеру, самое частотное слово у Фета — союз *И*, самые частые знаменательные слова — *ночь, сердце, душа, день, один, небо, сон, любить, звезда, земля и жизнь*. Эта объективная информация в дальнейшем может стать основой для содержательного комментария.

Напомним, что за *каждым* словом стоят *все* контексты, в которых употреблено данное слово. Достаточно «кликнуть» любое из 5230 слов словника, чтобы были представлена вся совокупность соответствующих контекстов. «Кликнем», например, глагол *затрепетать*.

Затрепетать 5. Я пришел к тебе с приветом, Рассказать, что солнце встало, Что оно горячим светом По листам *затрепетало* <211>; Как будто с трепетом здесь каждого листа Моя пробудится и *затрепещет* совесть, И станут лепетать знакомые места Давно забытую, оплаканную повесть <217>; я жду, нельзя ли превозмочь Твоей холодности, подметить миг участия, Чтобы в глазах твоих, загадочных как ночь *Затрепетали* звезды счастья <219>; Пред тенью милою коленопреклоненный, В слезах молитвенных я сердцем живу И вновь *затрепещу*, тобою просветленный, — Но все тебя не назову <251>; Умолкла я, — я вся *затрепетала* Перед твоим лицом <254>.

Автоматизированный конкорданс выдал нам одну из 5230 словарных статей. Взглянем, скажем, на словарную статью «Вослед». *Вослед* — это и устаревшее наречие, и предлог. Исчерпывающий список контекстов мегатекста дает возможность провести работу над омонимией. Вот вам еще один пример целесообразности конкорданса для результативной работы над толковыми словарями.

Вослед 8. Но сколько любви благодатной Светит в лазурных очах мальчику злему *вослед!* <48>; И снова я люблю, и снова я

любим, Несусь *вослед* мечтам любимым, А сердце грешное томит
меня своим Неправосудьем нестерпимым <70>; Когда *вослед* ве-
сенних бурь Над зацветающей землей Нежней небесная лазурь
И облаков воздушен рой, Как той порой отрадно мне Свергать
земли томящий прах, Тонуть в небесной глубине И погасать в
ее огнях! <92>; Я веслом прибавил ходу — И луна бежит *вослед*
<121>; За девой смуглолицей *Вослед* толпа <170>; Богом света
покинута, дочь Громовержца немая, Ночь Гелиосу *вослед* водит
возлюбленных чад <174>; На утре дней все ярче и чудесней Меч-
ты и сны в груди моей росли, И песен рой *вослед* за первой песней
Мой тайный пыл на волю понесли <205>; Лечу на смерть *вослед*
мечте <267>.

В отличие от толковых словарей, создаваемых традицион-
ным путем с последующей письменной фиксацией, обеспечи-
вающей неизменность текста до следующего переиздания, ав-
томатизированный конкорданс в случае обнаружения ошибок
любого рода как в мегатексте, так и в словнике предполагает их
оперативное исправление.

Наличие конкордансов нескольких мегатекстов обеспе-
чивает возможность сравнительного или сопоставительного
анализа. Так, в распоряжении исследователей имеется ме-
гатекст «Тютчев», что в свое время позволило предложить
опыт контрастивного словаря двух русских поэтов [Бобуно-
ва, Хроленко 2005]. Скажем, Фет использует слово *вереница*
'ряд однородных, расположенных один за другим, обычно
движущихся предметов или живых существ' [МАС 1981: 1:
150].

Вереница 6. Ведь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать, И ложных при-
зраков заблещут *вереницы* <46>; Пускай вокруг меня, тяжелые
громады, Из праха восстают и храмы и дворцы, И драгоценные
пестреют колоннады, И воскресают мертвецы, И шум на площа-
ди, и женщин *вереница*, И вновь увенчанный святой алтарь горит,
И из-под новых врат золотая колесница К холму заветному спешит
<50>; И там, в глубине, молодая царица, Бегут пред тобой све-

тоносные пятна, И этих несметных огней *вереница* Одной лишь тебе и видна и понятна <182>; Не мчались ласточки, звеня, перед окном, И мошек не толклись блестящих *вереницы*, Сидели голуби, нахохлившись, рядком, И в липник прятались умолкнувшие птицы <218>; Конь морской, Ты понесся быстрой птицей — Только пляшут *вереницей* Нереиды за тобой <226>; Видений пестрых *вереница* Влечет, усталый теща взгляд, И неразгаданные лица Из пепла серого глядят <228>.

А вот в стихах Ф.И. Тютчева, по данным соответствующего автоматизированного конкорданса, это существительное отсутствует. Зато в них актуально слово *сочувствие*.

Сочувствие 6. Живым *сочувствием* привета С недостижимой высоты, О, не смущай, молю, поэта! <99>; Недаром русские ты с детства помнил звуки И их сберег в себе *сочувствием* живым — Теперь для двух миров, на высоте науки, Посредником стоишь ты мировым <158>; Как оправдать *сочувствие* к тому, Кто отстоял и спас России целость, Всем жертвуя призванью своему, — Кто всю ответственность, весь труд и бремя Взял на себя в отчаянной борьбе <162>; И этот клич *сочувствия* слепого, Всемирный клич к неистовой борьбе, Разврат умов и искаженье слова — Все поднялось и все грозит тебе, О край родной! <162>; Какой хвалой благоговейной, Каким *сочувствием* живым Мы этот славный день почтим — Народный праздник и семейный? <184>; Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется, — И нам *сочувствие* дается, Как нам дается благодать <199>.

В стихах же Фета это слово прозвучало только один раз:

Сочувствие 1. Когда к нему ты понесешь цветы, Снеси ему *сочувствие* от друга <190>.

Отсюда логичен вывод о том, что автоматизированный конкорданс — объективный и в какой-то степени исчерпывающий способ выявить особенности идиолекта или идиостиля того или иного автора.

Сопоставительный анализ, который в филологии используется весьма активно, обеспечивается возможным наличием субмегатекстов. *Субмегатекст* — это часть мегатекста, выделенная по какому-либо признаку. Например, совокупность переводных текстов в корпусе поэтических текстов Фета, стихов, написанных в определенный период или в определенном месте, тексты определенной тематики. В лингвофольклористике мегатекст — это, например, все народно-поэтические тексты, записанные на территории Курской губернии, а субмегатексты — это тексты, связанные с определенным уездом этой губернии — Обоянским, Щигровским и др.

Возможности эффективного использования автоматизированного конкорданса уже проверены на материале фольклорных текстов. Четыре мегатекста с конкордансами — «Курск», «Архангельск», «Олонец», «Сибирь», а также мегатекст «Рябинин» — существенное подспорье в лингвофольклористических исследованиях. Последний из указанных конкордансов позволяет получить целостное представление о языковой картине мира эпического мира, явленной в лексиконе выдающегося сказителя Т.Г. Рябинина. В его былинно-языковой картине мира, к примеру, занимает свое место фрагмент «чужое». Количественно фрагмент невелик: 36 лексем в 222 словоупотреблениях. Это чужедальняя топонимика и оттопонимическая лексика, этнонимы и образованные от них прилагательные, лексика конфессиональной оценки неправославных персонажей, определения к именам артефактов иноземного происхождения. Т.Г. Рябинин жил и исполнял былины в Олонецкой губернии. Поскольку имеется конкорданс олонецких народных песен, записанных в то же время, что и былины Рябинина, представляется возможность сопоставить народно-песенный и былинный лексиконы одной и той же местности, одного и того же времени бытования. Даже краткая количественная характеристика двух олонецких конкордансов — повод поразмышлять: олонецкие песни — 2844 лексем в 12975 с/у и олонецкие былины Рябинина — 2229 лексем в 29081 с/у. Так что разработанный и уже апробированный вариант автоматизированного конкорданса может быть источником надежного

эмпирического материала и перспективной базой филологического исследования.

Конкордансы могут быть основой концептографии и концептуального анализа, уже доказавших свою результативность в решении вопросов кросскультурных исследований. Картина мира складывается из концептосфер, каждая из которых видится как упорядоченная совокупность концептов.

Концепт — это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант знания, единица виртуальная, кодирующаяся в сознании элементами универсального предметного кода (в понимании Н.И. Жинкина), в основе которых лежат индивидуальные чувственные схемы и образы, сформировавшиеся на базе личного чувственного опыта человека. По своей природе концепт виртуален и нуждается в том или ином способе своей «материализации», явленности в словесной или иной форме. Наиболее универсальной формой является вербализация. В фольклорно-языковой картине мира вербализация концепта осуществляется следующим образом. Курск: *похода тихая, походочка частенькая, походка тихая, походушка тихенькая*; Архангельск: *походочка павиная молодецкая, поступь молодецкая модная щегольская*; Олонец: *походочка частенькая, походка* (без определения); Сибирь: *походочка твоя, походушка твоя, поступка молодецкая*. Курск: *поговора вежливая, поговорка нежная, поговорочка ласковая, поговорушка вежливая*; Архангельск: *речь тихая лебединая, заговорочка веселенькая*; Олонец: *поговорочка ласковая*; Сибирь: *поговорка княженецкая*. Как видим, вербализация концептов «манера ходить» и «манера говорить» территориально различна, как различна идеальная характеристика самих манер.

В современной гуманитарной науке, особенно в филологии, термин *концепт* исключительно популярен (см., например: [Степанов 1997]), однако использование его крайне некорректно: в него вкладывается разное содержание, его структура однозначно не определена. Общепринято считать, что у концепта нет четкой структуры, жесткой последовательности и взаиморасположения слоев. Размытость понятия и термина не дает возможности их сопоставления, поскольку отсутствует экспли-

цитно представленная технология описания концепта. Понятие отражено в энциклопедических словарях, а концепт представлен теми текстами, в которые он входит. Эти тексты — фактически мыслительная территория, относящаяся к концепту. Границы каждого концепта очерчиваются точками соприкосновения с другими концептами. Французские философы Ж. Делез и Ф. Гваттари [Делез, Гваттари 1998] заметили, что в концепте, как правило, присутствуют кусочки или составляющие, которые происходят из других концептов, отвечавших на другие проблемы и предполагавших другие планы.

Средством и итогом установления границ концепта должна стать *концептограмма*. Целесообразность концептограммы видится в возможности проследить изменение содержания концепта в рамках одной языковой личности или этноса как коллективной личности; выявить общее в содержании концептов, принадлежащих одной этнокультурной общности; обеспечить возможность кросскультурного анализа; выявить качество художественного перевода текста.

Следует заметить, что использование концептограмм в исследовании художественного и фольклорного текстов курскими филологами уже дало вполне приемлемые результаты. Выявление территориальных различий в языке фольклора может осуществляться с помощью концептографии и концептуального анализа. Концептуальные признаки выявляются через семантику языка. Семантика языка и прежде всего значение слова становятся явными только на основе связи языковой единицы с другими единицами. Совокупность употреблений слова, его дистрибуция и типы связей в полном объеме содержатся в соответствующей словарной статье конкорданса. Остается «сжать» эту статью, оставив только основные связи слова и их количественные параметры. В этом суть методики «сжатия конкорданса». Затем связи упорядочиваются по единообразной схеме:

- «концепт» (количество вхождений в мегатекст) >
- вербализация — =: >
- атрибутивные связи — A или S >
- субъектные предикативные связи — V_s >

- объектные предикативные связи — $V_0 >$
- ассоциативные связи — $\square \square$
- вокативные связи (функция обращения) — Voc

Составление концептограмм — *концептография* — своим результатом имеет *концептуарий* — совокупность концептограмм, представляющих тот или иной фрагмент языковой картины мира. Концептограммы одного и того же концепта, составленные на основе разных мегатекстов, дают возможность сопоставительного анализа, мысленного наложения одной концептограммы на другую с целью выявления сходных и различных элементов. В этом суть методики «аппликации концептограмм».

В совершенствовании исследовательского инструментария филологии заметно стремление разрабатывать точные, прежде всего квантитативные, методики, а также создавать обширные и хорошо устроенные базы эмпирического, текстового материала, без которых количественные методики теряют все свои несомненные преимущества.

Точные методы в филологии

Считается, что усвоение науками отвлеченных понятий и методов математики расширяет их возможности, способствует открытию новых, более глубоких закономерностей. Неслучайно, что еще в XIV в. мыслитель эпохи Возрождения Николай Кузанский в трактате «Об ученом познании» утверждал, что все познания о природе необходимо записывать в цифрах, а все опыты над нею производить с весами в руках. Философ И. Кант был убежден, что точное естествознание простирается до тех границ, в пределах которых возможно применение математического метода.

Интерес филологии к математике

Если науки естественного цикла сравнительно давно заговорили на языке математики, то гуманитарные науки обратились к нему только в XX в.

Проявление интереса филологов к математике в форме количественных методик совпало с началом XX столетия. В знаковом прогнозе-пожелании Бодуэна де Куртенэ есть два взаимодополняющих пункта: «5. Нужно чаще применять в языкознании количественное (выделено нами. — А.Х.), математическое мышление и таким образом приблизить его все более и более к наукам точным»; и «6. Языкознание будет становиться все более точной наукой также в зависимости от того, насколько <...> будет совершенствоваться метод качественного (выделено нами. — А.Х.) анализа» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 17].

Позже Е.Д. Поливанов напишет статью «И математика может быть полезной», пафос которой сформулирован всноске: «...Лингвистика может претендовать на звание точной науки с наименьшим правом, чем любая из естественно-исторических дисциплин (например, геология, минералогия, ботаника, зоология, антропология и т.д.)» [Поливанов 1968: 287].

«Точное литературоведение»

Точное стиховедение началось именами А.Х. Востокова («Опыт о русском стихосложении», 1812) и Г. Германна («Elementa doctrinae metrical», 1816). К началу XX в. относится работа русского писателя и теоретика литературы Андрея Белого (Б.Н. Бугаева) (1880—1934), основоположника семантической концепции искусства, во многом определившего развитие стиховедения XX в. В статье «Лирика и эксперимент» (1909) сын профессора математики и студент естественного отделения физико-математического факультета Московского университета изложил свою идею соединения «точных знаний» и гуманитарных наук, обращая особое внимание на то, что исходная точка научного исследования в области лирической поэзии лежит в конкретном материале лирических произведений разных народов от древности до наших дней. Только текст лирического произведения, а не отвлеченные суждения о нем могут быть положены в основу точного исследования [Клинг 2009: 34—35].

В небольшой по объему, но титанической по подготовительной работе статье «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» он дал образец точного филологического исследования [Белый 1983]. Андрей Белый был первым, кто ощутил эвристическую мощь лексикографии в фундаментальных исследованиях вообще и в выявлении мировидения носителей языка и культуры в частности. Представляется интересной и чрезвычайно перспективной технология, предложенная им в указанной статье, суть которой автор свел к нескольким тезисам:

- «...Необходима статистика, необходим словарь слов: Баратынского, Пушкина, Тютчева»; «в руках чуткого критика словари — ключи к тайнам духа поэтов»;
- «...Нужна квинтэссенция из цитат — предполагающая нелегкую обработку словесного материала»;
- «Каково отношение Пушкина — к воде, воздуху, небу и прочим стихиям природы? Оно — *в сумме всех слов о солнце, а не в цитате, и не в их ограниченной серии*» (выделено нами. — А.Х.);
- «Изучение трех “природ” трех поэтов по трем зрительным образам («зрительный образ» = «картина мира». — А.Х.) нас способно ввести в глубочайшие ходы и их душ и в тончайшие нервы творчества»;
- «...Необходима путеводная нить — материал слов, образов, красок, *рассортированный точно и собранный тщательно*» (выделено нами. — А.Х.) [Белый 1983: 551—556].

Фактически Андрей Белый указал на то, что филологам стало ясно в последнюю четверть ушедшего века. Представление о языковой картине мира, о концептосфере, о лексикографизации филологических методов: слова, «собранные тщательно» и «рассортированные точно», способны дать информацию, которую другим путем получить трудно.

Американский славист Джеймс Бейли отмечает, что Андрей Белый обосновал «лингвостатистический» метод анализа стихотворного ритма в славянских языках, он разграничил ритм и метр и написал статью о четырехстопном ямбе нескольких

русских поэтов. «Возможно, лучшим способом объяснить этот подход является следующий: метр — это то, что указывает дирижер своей палочкой, а ритм — то, что играют музыканты из оркестра. Метр можно также наблюдать, когда музыканты приотпывают ногой во время игры» [Бейли 2009: 93].

От Андрея Белого идет традиция «точного литературоведения», представленная именами Б.И. Ярхо, К.Ф. Тарановского и М.Л. Гаспарова.

Борис Исаакович Ярх (1889—1942), литературовед и переводчик, на материале средневековой литературы, фольклора, стиховедения и поэтики разработал детальную программу применения количественных методов к анализу всех уровней художественной формы. Фундаментальный труд «Методология точного литературоведения» писался в ссылке (после лагеря), где ученый и умер. Рукопись разыскал и частично опубликовал М.Л. Гаспаров в 1969 и 1984 гг. [Ярхо 1984], полностью — М.И. Шапир в 2006 [Ярхо 2006].

Б.И. Ярхо был ученым исключительной широты, но о чем бы он ни писал, он искал и оттачивал точную методологию литературоведения. Ярхо констатировал, что главным недостатком современного ему литературоведения являются неясность и расплывчатость характеристик и определений. При этом Ярхо за образец научности принял биологию. «Литературоведу надлежит черпать мужество главным образом из успехов биологии, так как она представляет ступень научности, ближайшую к нашей дисциплине и вообще к наиболее развитым из общественных наук. Нашей ближайшей задачей является достижение именно этой стадии научности» [Ярхо 1984: 212]. Литературоведение, полагает Ярхо, есть такая же «наука о жизни», и у нее нет причин отставать от биологии [Там же: 213]. В основу метода положены три момента жизни — множественность, непрерывность и изменчивость.

Программный характер имеют две публикации Ярхо: «Граница научного литературоведения» (1925) и «Простейшие основания формального анализа» (1927). В основу концепции Ярхо положил аксиоматическое, не поддающееся определению понятие литературоведения — *эстетическая эмоция*. Совокуп-

ность эстетически действенных элементов произведения составляет его *форму*. У литературной формы есть три главные области: (а) фоника (то, что воспринимается слухом); (б) стилистика (то, что воспринимается значением и чувства языка); (в) поэтика (то, что воспринимается воображением, как образы и мотивы, и умом, как идейная или эмоциональная концепция) [Ярхо 1984: 196]. Ярхо обращает внимание на то, что ни одна статистическая величина не вводится без морфологического анализа, т.е. без проверки того, какие реальные литературные явления они отражают [Там же: 198]. Итогом поисков должен стать *«сравнительно-статистический метод, поддержанный показом и экспериментом»* [Там же: 236].

Кирилл Федорович Тарановский (1911—1993), специалист в области русской литературы и русского стихосложения, родился в Юрьеве (Тарту, Эстония) в семье профессора права. После октябрьской революции 1917 г. семья эмигрировала в Белград (Сербия), где будущий филолог окончил сербскую гимназию и два факультета Белградского университета — юридический (1933) и филологический (1936). В конце 1930-х гг. учился в Карловом университете (Прага), где общался с членами Пражского лингвистического кружка и особенно с Р.О. Якобсоном. С 1931 г. изучает творчество О. Мандельштама. В 1941 г. защитил докторскую диссертацию о русских двусложных размерах, после ее опубликования на сербском в 1953 г. ставшую одной из самых известных работ по поэтике в XX в. Преподавал в Белградском университете. В 1958 г. переехал в США, преподавал в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса (1959—1963). Многие годы возглавлял кафедру славистики Гарвардского университета.

К.Ф. Тарановский сделал огромные по объему подсчеты по русским стихам XIX в. и открыл два главных просодических закона русского стиха: закон регрессивной акцентной диссимилиации и закон восходящего зачина строки [Бейли 2004: 13]. Тарановскому принадлежит также первенство в осознании необходимости перехода от анализа формальных параметров стиха к анализу его содержательных характеристик. Одним из первых на материале русского пятистопного хоря дал стро-

гое обоснование идеи о существовании связи между метром стихотворения и его содержанием. Это то, что ныне называют «экспрессивным ореолом» или «семантическим ореолом». В работах о поэзии Мандельштама Тарановский пересмотрел понятие «подтекст», понимая под ним отсылку к предыдущему тексту, поддерживающему или раскрывающему посылку последующего текста. Подтекст — это своеобразный ключ к художественному произведению, облегчающий понимание его смысла. Полагают, что это понятие легло в основу современных теорий «интертекстуальности». [http://www.peoples.ru/science/philology/kirill_taranovskiy/index.html]

В Гарвардском университете аспирантом Тарановского был Джеймс Бейли (род. в 1929 г.), ныне один из самых известных славистов США, специалист по стиховедению и фольклору, автор книг «*Toward a Statistical Analysis of English Verse*», «*Three Russian Lyric Folk Song Meters*», «*Anthology of Russian Folk Epics*». В своих «Воспоминаниях слависта» Дж. Бейли пишет о том, что он использовал при анализе русской народной поэзии лингвостатистический метод, метод в высшей степени объективный, так как направлен на описание того, как поэты используют язык, чтобы соблюсти метрическую схему. Исследуя русский песенный фольклор и переводя русские былины на английский язык, американский ученый свежим взглядом увидел немало специфичного в русском народном стихосложении. Так, им отмечено, что русские крестьяне используют язык, который «сам по себе создает схожие ритмические структуры. Самые искусные исполнители фольклорных произведений проявляют незаурядное мастерство в создании своих произведений, мастерски используя русские слова. По этому поводу я все время повторяю свою поговорку: “Певцы не глупцы”» [Бейли 2009: 100].

Академик Михаил Леонович Гаспаров (1935—2005), выдающийся русский филолог, специалист по классической филологии и стиховедению, превратил метод сравнительно-статистического анализа стиха — метра, ритма, рифмы и строфики — в инструмент точной филологии. Его с полным правом можно считать рыцарем точного знания в филологии. Кредо

ученого: «Я занимаюсь “точноведением”, а вы — “чтотоведением”». Будучи членом редколлегии и автором нового издания М.Л. Гаспаров так определил задачи, стоящие перед журналом *Philologica*: «Для меня цель — это филология как точная наука, а в наше время научные исследования на каждом шагу подменяются собственным интуитивным творчеством». Этой тенденции как раз призвана противостоять «*Philologica*». «Существование ее — явление отрадное: важно и нужно понимать, что такое научность» [Отзыв о журнале «*Philologica*» 1996э].

Теоретические рассуждения Гаспарова о точности в филологии подтверждаются его конкретной аналитической работой над текстом. Показательна его статья «Точные методы анализа грамматики в стихе» [Гаспаров 1998], которая начинается констатацией того, что методы количественной лингвистики в России мало прилагались к изучению языка художественной литературы, хотя для характеристики языка отдельных авторов и художественных форм статистические методы интереснее, чем для характеристики языка в целом [Там же: 168]. Далее в статье приводятся конкретные и весьма интересные примеры применения автором количественной методики. Так, соотношение прилагательных и глаголов — по существу это показатель статики/динамики художественного мира произведения. Логично предположить, говорит Гаспаров, что по этому показателю мир лирики (и вообще поэзии) статичнее: глаголов меньше, а мир повествования (и вообще в прозе) динамичнее: преобладают глаголы. На деле все не так. За точку отсчета Гаспаров берет художественную прозу. В «Пиковой даме» Пушкина на одно прилагательное приходится 2,7 глагола; у Чехова («Три года») — три глагола; у Толстого («Хозяин и работник») — пять глаголов. Разброс, как видим, ощутимый и не совсем ожидаемый. Интуитивно казалось, что сжатый стиль быстрой пушкинской прозы должен быть более насыщен глаголами, чем медлительный стиль толстовской прозы. Детализация художественного мира у Толстого и Чехова достигается не за счет прилагательных, уточняющих образы, а за счет глаголов, уточняющих действия и состояния. Далее Гаспаров сопоставляет прозу Пушкина с его же поэзией. Ин-

туитивное предположение, что лирика меньше насыщена глаголами, чем эпос, не только подтверждается, но и уточняется. Глагольная динамичность действия в стихотворном повествовании у Пушкина не ниже, а даже выше, чем в прозаическом повествовании. Максимум глаголов приходится у Пушкина на стилизации народной поэзии — «Песни западных славян» и сказки. Видимо, полагает Гаспаров, динамичность действия Пушкину представлялась существенной приметой народной поэзии. Что совсем не тривиально на фоне обычных представлений о медлительности фольклорного повествования [Там же: 168—169].

Начинающий литературовед обычно робеет перед числами, имея в виду такое эфирное явление, как поэтический текст: в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Академик убедительно показывает, что гармонию поверить алгеброй не только можно, но и результативно. «Меня много раз спрашивали, не убивают ли подсчеты алгеброй гармонию, не мешают ли они непосредственному наслаждению поэзией. Я отвечал: нет, помогают. Неправильно думать <...>, будто все и так слышно: многие мелочи, из которых складывается гармония, лежат ниже уровня сознания и непосредственно слухом не отмечаются; только когда нащупаешь их подсчетами, начинаешь их замечать. (Нащупывать приходится путем проб и ошибок; сколько на этом пути сделано трудоемких подсчетов, оказавшихся излишними, — не счесть.) Кроме того, подсчеты требуют медленного чтения и перечитывания стихов, а это полезно. Мне не случилось в молодости полюбить стихи Фета — так уж сложились обстоятельства, я лучше знал пародии на Фета, чем самого Фета. А я знал, что Фет заслуживает любви. И вот я стал каждую свою стиховедческую тему разрабатывать сперва на стихах Фета. Ритм словоразделов, связи слов в стихе, расположение фраз в строфе — что бы это ни было, я сперва смотрел и подсчитывал, как это получается у Фета, а потом уже — у других поэтов. С каждым перечитыванием стихи все глубже западали в подсознание. И после десяти или двадцати таких упражнений внимания я почувствовал, что научился любить Фета» [Гаспаров 2001: 316].

Что дает обостренное чувство точности филологу? Огромный объем подсчетов, произведенных М.Л. Гаспаровым, привел его к выводам весьма содержательным. Свидетельством тому книга «Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти» [Гаспаров 2000], предмет которой — смысловые ассоциации, которые связываются со стихотворными размерами русской поэзии и образуют сеть традиций, тянущихся от XVIII в. до последних советских и постсоветских десятилетий. В книге прослежены смысловые ореолы стихотворных размеров, которые образуют общую семантическую панораму русской метрики. М.Л. Гаспаров пытается ответить на «детский вопрос», почему поэт, начиная стихотворение, берет для него именно такой-то размер, а не иной [Гаспаров 2000: 9].

Союз филологии и «точного знания» строился не только яркими представителями словесности, но и выдающимся математиком академиком Андреем Николаевичем Колмогоровым (1903—1987), который лично или со своими учениками и сподвижниками опубликовал двенадцать статей по теории стиха. Вклад А.Н. Колмогорова в филологию другой представитель математической науки условно разделил на три компонента: (1) исследования в области лингвистики и теории стиха; (2) организационная поддержка новых направлений в филологии; (3) участие в создании благоприятной атмосферы в обществе и науке, без которой развитие этих направлений было бы затруднено [Успенский 2009: 11]. По сообщению этого автора, Колмогоров предложил безупречное с формально-логической точки зрения определение классических метров, а также описание и разграничение метров неклассических, в частности, им сформулировано математически строгое определение ямба.

В 1977 г. Колмогоров выступил официальным оппонентом на защите докторской диссертации М.Л. Гаспарова. Интерес Колмогорова к теории стиха объясняют, во-первых, его широкими общегуманитарными и, в частности, литературными интересами, интересом к стихам; во-вторых, стремлением к научному анализу явления, к систематизации понятий и к поискам их точных определений (интерес к стиховедению); в-третьих,

стремлением к математизации как высшему уровню научного анализа и систематизации (интерес к метрике, поскольку метрический аспект стихосложения легче всего поддается математизации) [Успенский 2009: 15]. В сфере изучения теории стихотворной речи видят три основных аспекта деятельности Колмогорова: (1) задача аксиоматического построения теории русской классической метрики; (2) исследование стихотворных метров русской поэзии за пределами классической метрики; (3) поддержка точных методов в литературоведении [Баевский 2010: 55]. О роли Колмогорова в научной судьбе филолога пишет В.С. Баевский [Баевский 2010], которому принадлежит книга о лингвистическом, математическом, семиотическом и компьютерном моделировании в истории и теории литературы [Там же]. Ярким примером математически безупречного анализа поэтического текста может служить статья А.Н. Колмогорова о пушкинском «Арионе».

Научное творчество А. Белого, Б.И. Ярхо, К.Ф. Тарановского, М.Л. Гаспарова, Дж. Бейли, а также А.Н. Колмогорова свидетельствует однозначно: филология может и должна быть наукой точной. Интересно то, что «точноведение» парадоксальным образом складывается на материале поэтических текстов, в которых, казалось бы, трудно совместить гармонию и алгебру, хотя сами поэты точности своего слова не отрицали. Дж. Бейли эпиграфом к сборнику своих работ по стиховедению взял строчку русского поэта Георгия Иванова: «Поэзия — точнейшая наука» [Бейли 2004: 10].

Союз филологии и математики с годами крепнет. Знаменательно проведение в марте 2009 г. круглого стола, посвященного 70-летию ректора МГУ В.А. Садовниченко, на тему «Математики и филология», в ходе которого прозвучало немало интересных и содержательных докладов [Математика и филология 2009].

Языкознание и математика

Наиболее активной в разработке и применении количественных методик была лингвистика, занимающая особое,

срединное положение среди всех областей человеческого познания.

Системность языка, обобщенный характер его единиц — вот та благодатная почва, в которой стали плодотворно укореняться идеи и методы современной математики. В лингвистике есть все условия, необходимые для математического исследования. Во-первых, в лингвистике влияние наблюдателя на объект наблюдения ничтожно мало, осознания явления наблюдателем недостаточно для того, чтобы его изменить. Во-вторых, язык обладает длинными статистическими рядами [Леви-Стросс 1983: 54—55].

Польский писатель-фантаст и мыслитель Станислав Лем в разделе «Загадки языка» книги «Философия случая» в числе загадок языка отметил специфику связи языка и числа: «<Математику> “содержит в себе” язык как таковой, но содержит таким образом, что она как бы “скрыта” от тех, кто им пользуется. Математика в таком случае рождается одновременно с языком будучи укоренена в сфере его флективных уровней и ограничена их закономерностями и структурой языкового синтаксиса» [Лем 2005: 645].

Шире всего количественные методики используются при описании лексического уровня языковой системы. Лингвисты убеждены, что лексемный ярус системен, но его системность особого рода. В лексике целостность и устойчивость системы сочетается с автономностью частей (подсистем). В ней заметна массовость и случайность и одновременно господствует необходимость. Все это характерно для вероятностных систем. Известен вывод Б.Н. Головина: «Язык вероятностен, речь частотна». Квантитативная лингвистика возможна потому, что речи характерна относительная стабильность частот отдельных элементов или групп элементов и устойчивое распределение элементов, выражающее наличие внутренней упорядоченности в системе. Единицами и уровнями квантитативного анализа являются словоформы, лексема и словоупотребление [Тулдава 1987].

Ученые из университета Торонто создали программу, которая на основе лексического анализа способна датировать средневековые английские хартии. Программа анализирует

использование слов и выражений в средневековых документах и сравнивает их набор с контрольной группой из 10 тысяч хартий, даты составления которых известны. Ранее статистический анализ неоднократно использовался для исследования эволюции языка. Так, недавно лингвисты с его помощью определили дату «созревания» английского языка.

В конце XX в. актуальной стала идея и практика создания частотных словарей идиолектов выдающихся языковых личностей. Примером может служить «Статистический словарь языка Достоевского», разработанный группой лексикографов в ИРЯ РАН. Это уникальный в мировой практике лексикографический проект, опирающийся на корпус текстов в 2,9 млн словоупотреблений, представляет всю лексику — 43 тыс. разных слов — трех основных жанров писателя — художественной литературы, публицистики и писем. Отличается словарь степенью лингвистической дифференциации: в таблицах Словаря лексика Ф.М. Достоевского представлена в распределении по основным жанрам и по периодам творчества [Шайкевич, Андрищенко, Ребецкая 2003]. Авторы проекта, характеризуя свое детище, специально останавливаются на вопросе о перспективах Словаря. Один из составителей возможности проекта в изучении языка писателя демонстрирует на примере романа Достоевского «Идиот» [Шайкевич 1996].

Изучение авторского идиостиля

С помощью формально-количественных методов изучается авторский идиостиль, под которым понимается взаимосвязь между языковыми средствами и особенностями творческой позиции писателя, его взгляда на мир, на окружающую действительность.

Определение авторства с помощью формально-количественных и статистических методов стимулировало поиск и выявление характерных структур авторского языка. На этом строятся многообразные методики, представленные в книге «От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства» (М., 1994). Специалисты исследовали несколько простых параме-

тров авторского стиля и на базе большого количества произведений писателей XVIII—XX вв. статистически доказали, что доля всех служебных слов в данном прозаическом произведении является авторским инвариантом.

Используя квантитативные методики идентификации текстов авторы рассматриваемой коллективной монографии пытаются ответить на вопрос, кто был автором «Повести временных лет», и приходят к выводу, что автором первой редакции «Повести...» мог быть Нестор, древнерусский писатель, летописец XI — начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря, автор житий князей Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, один из крупнейших историков Средневековья.

Атрибуция «Писем к Фалалею», анонимного памятника публицистической литературы последней трети XVIII в., потребовала сопоставления текстов трех претендентов на авторство — М.И. Попова, Н.И. Новикова и Д.И. Фонвизина. Исследователи подтвердили, что автором «Писем» был Д.И. Фонвизин, представший не только замечательным драматургом, но и талантливым публицистом.

В конце XVIII столетия популярностью пользовалась своеобразная крестьянская энциклопедия «Деревенское зеркало или общенародная книга». В сугубо популярной форме изложения в ней шла речь о том, как крестьянину можно достигнуть успехов в своей жизни и труде. Существовало мнение, что автором этой анонимной крестьянской энциклопедии был ученый-минеролог В.М. Северин. Привлеченные тексты других возможных авторов и использование квантитативной методики привело к убедительному выводу: автором книги является Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833), естествоиспытатель, один из основоположников отечественной агрономической науки, писатель.

Количественные методики стали более эффективными с появлением вычислительной техники, прежде всего персональных компьютеров.

Петербургский поэт и переводчик «Слова о полку Игореве» Андрей Чернов нашел, что построение стихов загадочного древнерусского памятника подчиняется определенным матема-

тическим закономерностям, а именно — формуле «серебряного сечения». А. Чернов сделал заключение о том, что «Слово о полку Игореве» имеет девять песен и что в основу текста легла круговая композиция. Если в композиции «Слова» лежит круг, то у него должен быть «диаметр» и некая математическая закономерность. Число стихов во всех трех частях «Слова» (их 804) А. Чернов разделил на число стихов в первой (или последней) части (256), в итоге получил 3,14, т.е. число «пи» с точностью до третьего знака. Эта же закономерность выявилась при изучении «Медного всадника» Пушкина, в котором использована круговая композиция, и храма Софии Полоцкой. А. Чернов сделал вывод: математический модуль автор «Слова» использовал интуитивно, неся внутри себя образ древнерусских архитектурных памятников. В те времена храм являл собой всеобъемлющий художественный идеал, оказывающий влияние на композицию и ритмику стихосложения. Исследователь назвал обнаруженную им закономерность в построении древнерусского литературного памятника и древнерусских храмов принципом «серебряного сечения» [Краюхин 1995: 7].

В многолетний спор по поводу того, кто является истинным автором романа «Тихий Дон», в свое время включились скандинавские ученые, норвежско-шведский коллектив под руководством Г. Хьетсо. Они взяли тексты, бесспорно принадлежащие М. Шолохову, и тексты донского писателя Ф. Крюкова, которому приписывалось авторство великого романа, и проанализировали их, выявляя особенности писательской манеры каждого. Ученые сравнили длину предложений, распределения длины предложений по количеству слов, распределение частей речи, сочетание частей речи в начале и в конце предложения, частоту применения союзов — в начале предложений, лексические спектры, повторяемость словарного запаса по богатству. Естественно, сделать это оказалось возможным только с помощью мощной вычислительной техники. Математическая статистика при контрольной выборке на ЭВМ 12 тыс. фраз при 164 637 словах представлена в 250 таблицах, формулах и графиках [Осипов 1999: 6]. Их вывод однозначен: из двух претендентов на авторство «Тихого Дона» Крюков явно обладает

наименьшим правом. «...Применение математической статистики позволяет нам исключить возможность того, что роман написан Крюковым, тогда как авторство Шолохова исключить невозможно». Недавно найденная рукопись великого романа (885 рукописных страниц, 605 из которых написаны рукой самого Шолохова, а 285 страниц — женой писателя и ее сестрой) окончательно утвердила авторство М.А. Шолохова и правоту скандинавских ученых [Ушаков 2000: 24—25].

В Эдинбурге (Шотландия) разработан аналитический метод, основывающийся на учете зависимости частоты употребляемого слова и длины предложения, в котором оно появляется. Этот метод получил название «диаграммы накапливающихся сумм». С его помощью установлено, что каждому человеку свойствен прочно укоренившийся, неизменный стиль, который не поддается имитации. Например, стиль Т. Харди в «Руке Этельберты» (1876) убедительно совпадает со стилем «Джуда Неизвестного». Анализ показал, что авторы приобретают и сохраняют постоянный стиль, как бы ни сложилась их жизнь. Например, стиль В. Скотта в «Антикварии» (1816) полностью совпадает с его стилем в «Замке опасностей», написанном после того, как знаменитый английский писатель перенес три инсульта, один из которых лишил дара речи и нарушил двигательные способности. Метод выявляет в тексте инородные вставки, обнаруживает попытки подделать авторский стиль.

Английская писательница Джейн Остин не окончила повесть «Сандиция», которая обрывается на семьдесят третьем предложении одиннадцатой главы. Повесть была дописана другой писательницей. При чтении невозможно определить, где заканчивается текст Д. Остин, а метод позволяет точно найти инородную часть повести [Хоукс 1990: 20—21].

Тот факт, что объем активного лексикона Шекспира составляет от 15 до 24 тыс. слов и что количество новых слов, введенных в язык Шекспиром, превышает 3200 единиц, как будто свидетельствует в пользу тех, кто считает, что Шекспир — это псевдоним, под которым творил не один человек. У Ф. Бэкона, которому некоторые приписывают авторство пьес и сонетов Шекспира, лексикон составлял 9—10 тыс. слов (у современного

англичанина с высшим образованием словарный запас включает 4 тыс. лексем) [Бельская 2000: 109].

Лингвостатистический анализ был использован в исследовании «Илиады» Гомера. Чтобы доказать, что Гомера не было, и все 24 песни «Илиады» — по происхождению самостоятельные произведения, соединенные в эпос позднее без особой переработки с целью унификации, была использована статистика отношений внутри синонимических пар (имен собственных, просто лексических пар, формул и т.п.). По мнению автора исследования Л.С. Клейна, наиболее полные возможности для классификации текстов представляют главные этнонимы греков (ахейцы, данаи и аргивяне): они все три синонимичны, массовы (употребляемость исчисляется сотнями), и они неравномерно и неодинаково распределяются по книгам «Илиады». Окончательно вывод исследователя состоит в том, что разная употребительность имен, а также предлогов и частиц говорит о том, что это (песни. — А.Х.) были не просто и не только источники, а самостоятельные вклады, ставшие составными частями поэмы, сохранность в окончательном тексте первоначально выбранных этнонимов, топонимов, теонимов и служебных слов (и это при наличии других синонимов), говорит о том, что переработка поэтической ткани при объединении самостоятельных песен в поэму была незначительной [Клейн 1998: 18, 96, 112, 436]. Как показано исследователем, фольклорные песни, составленные в разных местах древнегреческого мира, воспевали подвиги разных героев — участников и троянской войны, и прочих мифических кампаний. Песни приспособлялись к ранее существующим сюжетам, взаимопересекаясь, часто противоречили друг другу. «Стыки» разных песен были обнаружены вдумчивым и тонко проведенным анализом.

Применение математических методик в филологии — этот вопрос дискутируется до сих пор. Любопытно сопоставить статьи филолога [Шапир 2005] и математика [Гладкий 2007]. Обе работы опубликованы в журнале «Вопросы языкознания». Полемика оказалась односторонней. Так получилось, что филолог трагически погиб и статьи математика не читал, а математик на

статью М.И. Шапира весьма уважительно, но критически отреагировал.

М.И. Шапир, по словам знавших его, — человек исключительной филологической одаренности, в статье «“Тебе числа и меры нет”»: О возможностях и границах “точных методов” в гуманитарных науках» утверждает, что точные методы в гуманитарных исследованиях не могут дать значимых результатов. Математизированная теория текста как такового неосуществима, поскольку каждый объект, будучи повторимым в самых разных своих деталях уникален как единство смысла во всей своей полноте и в любых тонкостях его материального воплощения в чувственно воспринимаемой форме. Подобная уникальность приводит к пропасти между естественными и гуманитарными науками. Очевиден парадокс: повторяемость языка и неповторимость мысли.

Статья А.В. Гладкого «О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках» начинается с констатации ошибочных мнений гуманитариев, полагающих, что законы, господствующие в мире человеческого духа, принципиально отличаются от законов природы, что точные методы тождественны математическим, что число — главный предмет математики. Автор настаивает на том, что науки о человеческом духе и человеческом обществе могут и должны стремиться к точности и объективности так же, как науки о природе. «Главный признак точности в научном исследовании — не использование математического аппарата, а четкое, не допускающее различных толкований определение понятий» [Гладкий 2007: 29]. В качестве примера автор статьи ссылается на исследовательский опыт лингвиста А.А. Зализняка, книги которого могут служить образцом лингвистического описания нового типа — описания, основанного на системе точных понятий [Там же: 25].

Использование точных понятий и строгая дисциплина мысли — такой должна стать филология. И в этой связи А.В. Гладкий утверждает: «...“профильное образование” в средней школе, уже в детстве разделяющее способных и интересующихся людей на “факультеты” и приучающее их гордиться невежеством в

“чужих” науках — может очень сильно воспрепятствовать дальнейшему сближению естественных и гуманитарных наук, настоятельно необходимому для нормального развития тех и других» [Там же: 27]. Статья завершается словами Карла Поппера: «Рост знания зависит от существования разногласий».

Дискуссия на этом не завершилась. В 2009 г. была опубликована статья лингвиста Н.В. Перцова «О точности филологии», написанная в связи со статьями М.И. Шапира и А.В. Гладкого, в которой автор взял на себя роль третейского судьи. Пафос статьи: сдержанная оценка М.И. Шапиром перспектив математики в области построения общей теории в гуманитарных областях плодотворна, а «естественно-научный» оптимизм А.В. Гладкого по этому поводу сомнителен. В целом автор на стороне М.И. Шапира и считает, что «общую математизированную теорию текста как такового» построить невозможно.

Н.В. Перцов исходит из того, что точность — это фундаментальный принцип всякой — естественной или гуманитарной — науки. Обсуждается вопрос о специфике предметов гуманитарной и естественной области и делается вывод, что объекты внутреннего мира человека обладают такой спецификой, которая кардинально отличает их от объектов материального мира. Этот тезис аргументируется рядом примеров, взятых из филологической сферы. В частности, рассматриваются такие особенности, как нестабильность языкового чутья; неопределенность понятий лингвистики; расхождение между дискретностью инструментов лингвистического описания и континуальностью смысла; скромный уровень моделирования языкового поведения человека в лингвистике; трудности при определении филологических понятий на примере метра в стиховедении; нарушение принципа точности научного знания в современной отечественной текстологии. Делается вывод, что степень сложности объектов гуманитарных наук в общем и целом неизмеримо выше таковой в области естественно-научной, а неточность гуманитарно-научного описания и моделирования связан с самой сложнейшей природой изучаемых объектов [Перцов 2009: 113].

Ограниченность квантитативных методик

Отдавая должное квантитативным методикам получения информации, не следует забывать и об их ограниченности. Известны три типа получения знаний: (1) интуитивный, (2) научный и (3) религиозный. Наука (по Хайдеггеру) есть знание, проверяющее себя, экспериментирующее со своим объектом и переделывающее его. Полагают, что наука в состоянии познать только те явления, свойства которых можно оценить числом. Например, работу гипнотизера нельзя описать математическими формулами, и тем не менее результаты ее несомненны и воспроизводимы. Достижения индийских йогов — экспериментальный факт, многократно проверенный. Однако эти феномены не могут стать объектами точной науки, поскольку они не поддаются количественному описанию с помощью чисел и формул. Ограниченность науки также и в невозможности понять секрет искусства. И даже сам метод открытия глубоких научных истин лишь отчасти принадлежит науке и в значительной мере лежит в сфере искусства [Пономарев 1989: 354—355].

Замечательный фольклорист В.Я. Пропп, давший блестящий образец научной точности в своей структуралистской работе «Морфология сказки», писал о том, что т.н. точные методы в объективном и точном изучении художественной литературы имеют свои пределы. Они возможны и применимы там, где есть повторяемость в больших масштабах, например, в языке или фольклоре. Но там, где искусство становится объектом творчества неповторимого гения, применение точных методов даст положительные результаты в том случае, если «изучение повторяемости будет сочетаться с изучением единственности», перед которой наука стоит как перед проявлением непостижимого чуда. «Под какие бы рубрики мы не подводили “Божественную комедию”» или трагедии Шекспира, гений Данте и гений Шекспира неповторим, и ограничиваться в их изучении точными методами нельзя [Пропп 1983: 583—584].

Статистика требует очень внимательного отношения к числу и предполагает адекватную интерпретацию. Об этом предупреждает расхожее изречение западного автора: «Есть ложь,

есть гнусная ложь и статистика». Менее известен злой афоризм В.О. Ключевского: «Статистика есть наука о том, как, не умея мыслить и понимать, заставить делать это цифры». Да и Л.Н. Гумелев советовал не переусердствовать с точностью: «Слишком большое стремление к точности не полезно, а часто бывает помехой в процессе исследования. Ведь рассматривать Гималаи в микроскоп бессмысленно» [Гумилев 1994: 58].

Приведенные примеры успешного применения количественных методик и других приемов «точного знания» дают основание полагать, что формальный и количественный анализ может дать нетривиальные результаты в изучении текстов, однако главное для филологии — математизация знания, понимаемая как стремление к логической безупречности описания явления. Математика в этом случае служит своеобразным камертоном, идеалом такой безупречности.

Методика лингвистического эксперимента

«Экспериментами над языком, писала Н.Д. Арутюнова, занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачные — на их пределы [Арутюнова 1987: 6].

Существует разграничение наук на экспериментальные и теоретические.

Эксперимент — метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления природы и общества [НИЭ 2001: 20: 141]. Обязательные признаки эксперимента — наличие контролируемых условий и воспроизводимость. Эксперимент рассматривается как условие повышенной точности, объективности науки; отсутствие эксперимента принято считать условием возможной субъективности.

Справедливости ради стоит заметить, что эксперимент невозможен во многих естественных науках, например, в астрофизике или геологии. Как естествоиспытатели выходят из этого положения? Сравнивают между собой данные о различных событиях, которые кажутся им сходными и ищут закономерности.

сти, способные эти данные объяснить. По сути, они довольствуются экспериментом, поставленным самой природой, экспериментом, задать условия которого они не в состоянии [Галеев 2013: 49].

В середине XX в. укрепилось мнение, что эксперимент в общественных науках не только возможен, но и просто необходим. Первым, кто поставил проблему лингвистического эксперимента в отечественной науке, был академик Л.В. Щерба. Эксперимент, по мнению Л.В. Щербы, возможен только при изучении живых языков. Объектом экспериментальной методики является человек — носитель языка, порождающий тексты, воспринимающий тексты и выступающий как информант для исследователя [ЛЭС: 591].

Различают эксперименты технические (в фонетике) и лингвистические.

Хрестоматийным примером лингвистического эксперимента, доказывающего, что грамматический контур предложения содержателен, стало предложение Л.В. Щербы *«Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокренка»*. Дальнейшим развитием этого веселого по форме эксперимента стала сказка Л. Петрушевской *«Пуськи бятые»*.

Без эксперимента невозможно дальнейшее теоретическое изучение языка, особенно таких его разделов, как синтаксис, стилистика и лексикография. Психологический элемент методики заключается в оценочном чувстве правильности / неправильности, возможности / невозможности того или иного речевого высказывания [Щерба 1974: 32]. В настоящее время экспериментально изучается значение слова, смысловая структура слова, лексические и ассоциативные группировки, синонимические ряды, звуко-символическое значение слова. Насчитывается свыше 30 экспериментальных приемов, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны.

Широко представлен эксперимент в синтаксических работах, например, в известной книге А.М. Пешковского *«Русский синтаксис в научном освещении»*. Ограничимся одним примером из этой книги. В стихах М. Лермонтова *«По синим волнам океана лишь звезды блеснут в небесах»* — лишь употреблено не

в ограничительном, а во временном смысле, ибо его можно заменить союзами *когда*, *как только*, следовательно, перед нами придаточное предложение времени.

Возможности лингвистического эксперимента в развитии языковой компетенции учащегося демонстрировал выдающийся русский филолог М.М. Бахтин в своей методической статье «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе: Стилистическое значение бессоюзного сложного предложения» [Бахтин 1994]. В качестве объекта эксперимента М.М. Бахтин избрал три бессоюзных сложных предложения и преобразовал их в сложноподчиненные предложения, фиксируя структурные, семантические и функциональные отличия, возникшие в результате трансформации.

Печален я: со мною друга нет (Пушкин) > *Печален я, так как со мною друга нет*. Сразу же выяснилось, что при наличии союза инверсия, употребленная Пушкиным, становится неуместной и требуется обычный прямой — «логический» — порядок слов. В результате замены пушкинского бессоюзного предложения союзным произошли следующие стилистические изменения: обнажились и выдвинулись на первый план логические отношения, и это «ослабило эмоциональное и драматическое отношение между печалью поэта и отсутствием друга»; «роль интонации заменил теперь бездушный логический союз»; драматизация слова мимикой и жестом стала невозможна; снизилась образность речи; предложение утратило свою сжатость и стало менее благозвучным; оно «как бы перешло в немой регистр, стало более приспособленным для чтения глазами, чем для выразительного чтения вслух».

Он засмеялся — все хохочут (Пушкин) > *Достаточно ему засмеяться, как все начинают угодливо хохотать* (по мнению М.М. Бахтина, эта трансформация наиболее адекватна по смыслу, хотя и слишком свободно перефразирует пушкинский текст). Динамическая драматичность пушкинской строки достигается строгим параллелизмом в построении обоих предложений, а это обеспечивает исключительную лаконичность пушкинского текста: два простых нераспространенных предложения в четыре слова с невероятной полнотой раскрывают роль

Онегина в собрании чудовищ, его подавляющую авторитетность. Пушкинское бессоюзное предложение не рассказывает о событии, оно драматически разыгрывает его перед читателем. Союзная же форма подчинения превращала бы показ в рассказ.

Проснулся: пять станций убежало (Гоголь) > *Когда я проснулся, то оказалось, что уже пять станций убежало назад*. В результате трансформации смелое метафорическое выражение, почти олицетворение, употребленное Гоголем, становится логически неуместным. В итоге получилось вполне корректное, но сухое и бледное предложение: от гоголевской динамической драматичности, от стремительного и смелого гоголевского жеста ничего не осталось.

По традиции среди синонимов выделяют группу абсолютных, у которых будто бы нет ни семантических, ни стилистических отличий, например, *луна* и *месяц*. Однако экспериментальная подстановка их в один и тот же контекст: «*Ракета запущена в сторону Луны (месяца)*» — красноречиво свидетельствует, что синонимы функционально (а следовательно, и по смыслу) различаются.

Сравним два предложения: «*Он неторопливо вернулся к своему столу*» и «*Он неторопливо вернулся в Москву*». Второе предложение убедительно свидетельствует, что наречие *неторопливо* предполагает, что действие совершается на глазах наблюдателя.

Экспериментальные приемы используются в лингвопрогностике. Так, описывая онтогностику словообразовательного гнезда глагола *бить*, исследовательница попыталась выявить системно возможные слова с корнем БИ-, не представленные в словарях. В результате исследовательских процедур был получен полный набор порождаемых слов с корнем БИ- в количестве 3268 единиц. Из них 331 слово представлено в словарях, а 2937 слов в них отсутствуют. Последующий анализ показал, что 2578 слов можно считать возможными, а 359 слов невозможными. Автор попыталась указать предполагаемые значения для возможных слов. Например, *полувзбить* ‘увеличить в объеме наполовину’. Для невозможных слов исследовательница отыскала экстралингвистические причины (*сынооббийство*, *па-*

пиросоизбивной) и причины лингвистические (*сердцеизбиение*). Вывод: слова, признанные возможными, теоретически в языке возможны, но не используются по причине очень узкого значения. В русском языке используются более «общие» по лексическому значению слова, которыми можно описать разные действия [Игнатченко 2012].

Особое место занимает методика психолингвистических экспериментов, с помощью которых исследователи проникают в глубь слова, изучают, к примеру, его эмоциональную нагрузку и коннотацию в целом. Вся современная психолингвистика основывается на эксперименте.

Использование лингвистического эксперимента требует от исследователя языкового чутья, эрудиции и научного опыта.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ (филология среди других наук)

Филология среди гуманитарных наук. История. Филология и науки о культуре. Культурология и лингвокультурология. Этнография и этнолингвистика. Филология и социально-экономические науки. Социология и социоллингвистика. Филология и политология. Юриспруденция и юрислингвистика. Филология и науки психолого-педагогического цикла. Психология и психоллингвистика. Кооперация филологии с науками математического и естественно-научного цикла. Филология и математика. Филология и информатика. Биология и лингвистика. Филология и генетика. Антропонимика и генетика. Нейрофизиология и нейролингвистика. Филология и география.

Мир един, а потому научное познание не может не быть единым. Области знания, науки и научные дисциплины взаимосвязаны по причинам генетического родства или необходимой кооперации. Между ними складывается некое порубежье, которое одновременно служит и стеной, и мостом. Науки и научные дисциплины разграничиваются, чтобы обнаружить точки взаимного тяготения, сближения, совместного роста. Думается, что из всего многообразия областей научного поиска филология в двух своих ипостасях — языкознании и литературоведении — обладает самой протяженной границей, поскольку слово и текст — объекты, притягательные практически для всех наук гуманитарного и естественно-математического цикла.

Место филологии среди прочих наук предопределяется самой природой языка и его ролью в жизни общества. Современный французский лингвист К. Ажеж в книге «Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки» утверждает, что конец XX в. — это не только время космических полетов, роботов, ядерной физики и генетики, это еще и время языка.

Бесконечно возрастает значимость слова — устного, письменного и транслируемого [Ажеж 2003: 11].

Известно, что все формы трудовой деятельности людей специалисты объединили в восемь видов труда и расположили их в порядке возрастающей сложности: (1) физический труд; (2) торговый труд; (3) труд финансиста; (4) труд управленца; (5) труд, обеспечивающий рекреацию, здоровье и самосохранение (развлечения, спорт, медицина, военное и полицейское дело); (6) труд изобретателя; (7) труд человека, занимающегося культурой (в частности, труд информатика); (8) труд педагога. Только физический и частично торговый труд не требуют особых речевых навыков, остальные же виды относятся к так называемым лингвоинтенсивным видам трудовой деятельности, где коммуникативная функция языка проявляется непосредственно.

Неслучайно, что «языковой интерес» прослеживается практически во многих областях знания. По этой причине языкознание тесно связано с гуманитарными, социально-экономическими и естественно-математическими науками.

Филология среди гуманитарных наук

История. Самой близкой, генетически родственной филологии наукой является история. История как комплекс общественных наук, изучающих прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии, с филологией сотрудничает не одну сотню лет, поскольку изучение истории невозможно без обращения к языку, в котором чрезвычайно достоверно и образно отразился весь пройденный народом исторический путь. Об этом писал выдающийся русский языковед И.И. Срезневский: «Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа» [Срезневский 1959: 103].

Учеником великого филолога Ф.И. Буслаева был замечательный русский историк В.О. Ключевский, оставивший свои

воспоминания «Ф.И. Буслаев как преподаватель и исследователь»: «И прежде всего мы обязаны Буслаеву тем, что он растолковал нам значение языка как исторического источника» [Ключевский 2003: 529]. Вот впечатление Ключевского от статьи Ф.И. Буслаева «Эпическая поэзия»: «Заглавие вызвало во мне привычные представления об эпосе, “Магабхарате”, “Илиаде”, “Одиссее”, о русских богатырских былинах. Читаю и нахожу нечто совсем другое. Вместо героических подвигов и мифологических приключений я прочитал в статье лексикографический разбор, вскрывший в простейших русских словах вроде *думать*, *говорить*, *делать* сложную сеть первичных житейских впечатлений, воспринятых человеком, и основных народных представлений о божестве, мире и человеке, какие отложились от этих впечатлений» [Там же: 529]. Будущий историк понял: «Первое и главное произведение народной словесности есть самое *слово*, язык народа. Слово не случайная комбинация звуков, не условный знак для выражения мысли, а творческое дело народного духа, плод его поэтического творчества. Это — художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром. В первых своих очертаниях этот образ заключился в корне слова» [Там же: 529—530]. Далее В.О. Ключевский писал: «Так язык рос вместе с народной жизнью, и его история есть летопись этой жизни и летопись художественная, своего рода эпопея, в поэтических образах отразившая народные верования, понятия, убеждения, обычаи и нравы в темную эпоху их зарождения» [Там же: 530]. Итог статьи показателен: «...Мы с благодарностью вспоминали и вспоминаем доселе уроки и советы Буслаева. Уча нас строению языка и его связи с народным бытом, он учил нас читать древние памятники, разбирать значение, какое имели слова на языке известного времени, сопоставлять изучаемый памятник с другими одновременными и посредством этого разбора и сопоставления приводить его в связь со всем складом жизни и мысли того времени» [Там же: 530].

Советский историк Б.Д. Греков утверждал, что, если бы могли познать жизнь слов, перед нами раскрылся бы мир во всей сложности своей истории. Простое сравнение словаря в различ-

ные эпохи дает возможность представить характер народа. «За словами, как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана всемирной истории» (А.И. Герцен). Широко известно высказывание А. Франса о словаре как вселенной в алфавитном порядке. Словарь — это бесстрастное зеркало, отражающее жизнь общества. В словаре показательно все — лексика, которая включена, и лексика отсутствующая, лексемы частотные и слова редкие и редчайшие. «На всех словах события печать» (С.Я. Маршак).

Известный философ К. Ясперс утверждал: «К истории мы относим все то время, о котором мы располагаем документальными данными. Когда нас достигает слово, мы как бы ощущаем почву под ногами. Все бессловесные орудия, найденные при археологических раскопках, остаются для нас немymi в своей безжизненности. Лишь словесные данные позволяют нам ощутить человека, его внутренний мир, настроение, импульсы. Письменные источники нигде не датируются ранее 3000 г. до н.э. Следовательно, история длится около 5 000 лет» [Ясперс 1991: 55—56].

Известно, что лингвисты активно участвуют в решении таких вопросов, как прародина того или иного народа, в частности индоевропейцев и в том числе славян, а также арьев — нынешних жителей Индии — и т.п., пути их миграции, утраченные этнические связи и др. В этих розысках языковые аргументы чаще всего оказываются решающими.

С большим интересом была встречена фундаментальная монография Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и прото-культуры», в которой авторы, используя типологический метод и привлекая данные языков индоевропейской и других семей, сформулировали оригинальную теорию прародины индоевропейцев. Авторы теории исходили из того, что реконструируемые лексические данные могут быть источником информации для формирования представлений о прото-культуре, исторических путях существования и развития носителей праязыка и его отдельных древних диалектных объединений [Гамкрелидзе 2005:

14]. Ретроспективный семантический анализ реконструируемой праязыковой лексики предполагает выход из системы языка в пространство внеязыковых понятий. По мнению авторов концепции, анализ языка в тесной связи с культурой его носителей оформляется как особая языковедческая дисциплина, именуемая авторами «лингвистической палеонтологией», версией которой может стать «лингвистическая палеонтология культуры» — метод реконструкции протокультуры через семантический и структурно-грамматический анализ праязыка. В итоге реконструируется не столько сам язык, сколько внеязыковой мир, отраженный в реконструируемых языковых данных [Гамкрелидзе 2005: 15].

Ученые сопоставили словарь лексики индоевропейцев с данными палеоботаники (раздел палеонтологии, изучающий ископаемые растения), палеозоологии (раздел палеонтологии, изучающий ископаемых животных), экологии, палеографии (историко-филологическая дисциплина, изучающая развитие письменности), археологии, а также с данными дошедшего до нашего времени фольклора. Выяснилось, что в языке пранарода много слов, означающих высокие горы, скалы, возвышенности, названия южных деревьев, растений, животных, много заимствований из картвельских и семитских языков. Язык индоевропейцев свидетельствует, что они разводили домашний скот, выращивали ячмень, пшеницу, лен, виноград, умели делать колесницы, а это, как показывают специалисты, включая археологов, было свойственно тем, кто жил в IV тысячелетии до н.э. в Северной Месопотамии.

Отсюда вывод ученых о том, что прародина индоевропейцев — не Центральная Европа, а Передняя Азия, точнее, районы Малой Азии и Северной Месопотамии. Типологически общеиндоевропейская культура относится к кругу ранних древневосточных цивилизаций, и греческая цивилизация шла с востока на запад, а не наоборот.

Гипотеза Гамкрелидзе-Иванова получила подтверждение со стороны археологов, которые открыли на Южном Урале несостоявшуюся цивилизацию — культуру «страны городов» — Аркаим (см.: [Зданович 1995]). Генетики показали, что появление

земледелия в Европе связано с миграцией первых земледельцев из Передней Азии [Балановская, Балановский 2009: 401].

Выдающийся русский языковед, историк древнерусской литературы, исследователь русского летописания А.А. Шахматов был убежден, что филология является основой всех исторических дисциплин и неисчерпаемым источником интеллектуально-морального развития (цит. по: [Будагов 1976: 16]). В своих работах «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (1899), «Курс истории русского языка» (1909), «Очерк древнерусского периода истории русского языка» (1915), «Древнейшие судьбы русского племени» (1919) связывал историю языка с историей народа, на языковом материале исследовал проблемы русского и славянского этногенеза, вопросы прародин и праязыка. Филологический анализ древнерусских летописей, осуществленный А.А. Шахматовым, высоко ценится историками, исследующими восточнославянское Средневековье.

Автор историко-филологических очерков «Скандинавы. Варяги. Русь» Ф.Б. Успенский указывает, что исследовательская мысль движется от текста к представлениям его автора и аудитории, а от этих представлений — к историческим событиям. Наличие множества личных имен варягов и русских в текстах X—XI вв. помогает последовательно реконструировать этнические контакты. Этнонимы и топонимы, связанные с Русью, отражают международные связи того времени. Так что лингвистический анализ многое дает для реконструкции представлений социума [Успенский 2002].

Филология и науки о культуре

Культурология и лингвокультурология. Один из выдающихся лингвистов XX столетия Э. Сепир в своих работах по культурологии писал: «Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [Сепир 1993: 261]. Отсюда тесная связь языковедения с культурологией, которая привела к появлению *лингвокультурологии* (*лингвокультуроведения*). Исходным тезисом

лингвокультуроведческой концепции послужил вывод Г.О. Винокура: «Язык есть условие и продукт человеческой культуры» [Винокур 1959: 216]. Складывающаяся лингвокультурология свое начало ведет от философии языка и культуры И. Гердера и В. фон Гумбольдта, от филологии Я. Гримма и Ф.И. Буслаева, включает идеи А.А. Потебни и К. Фосслера, формируется в трудах Э. Бенвениста и Н.И. Толстого.

Лингвокультурология строится на убеждении, что вербальный текст, помимо явного содержания, из-за которого он, собственно, и создается, в неявной форме содержит информацию об этнической (и индивидуальной) ментальности автора (авторов) текста и отражает культурные смыслы.

Лингвокультурология выявляет и описывает наиболее общие закономерности взаимообусловленности и взаимодействия языковой и культурной практики человека и общества. Объект лингвокультурологии — язык и культура. Предметом являются фундаментальные вопросы, связанные с преобразующей стороной связи языка и культуры, изменения языка и его единиц, обусловленные динамикой культуры, а также преобразования в структуре и изменения в функционировании культуры, предопределенные языковой реализацией культурных смыслов.

В первое десятилетие XXI столетия в свет вышло несколько учебных книг, знаменующих становление новой филологической дисциплины — лингвокультурологии (лингвокультуроведения) [Хроленко 2000; Маслова 2001; Красных 2002; Воробьев 2008; Шейгал, Буряковская 2002; Алефиренко 2010]. Цель этой научной (и учебной) дисциплины — выявить механизмы взаимодействия языковых и культурных факторов на примере различных языков и культур. Лингвокультурология — междисциплинарная область знания, в пределах которой выясняется, как в слове аккумулируются культурные смыслы и как слово способствует функционированию культуры.

К области лингвокультурологии относятся такие вопросы, как этническая ментальность, картина мира и язык; аккумулирующее свойство слова; слово и этническая принадлежность индивида и коллектива; экология языка и культуры. Обсуждаются такие темы, как язык и национальная принадлежность

художественного произведения; проблемы художественного билингвизма, автоперевода и перевода. В компетенцию лингвокультурологии входит ответ на вопрос: может ли шедевр, великое художественное произведение быть написано на неродном для автора языке и т.п.

Этнография и этнолингвистика. Этнография (этнология) — наука об этносах (народах), изучающая их происхождение (этногенез), историю и культуру — обусловила становление *этнолингвистики* — особого направления в языкознании, изучающего взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Этнолингвистика рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления (слово, предмет, обряд и т.п.) [ЛЭС 1990: 597]. Этнолингвистика изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества. В поле зрения этнолингвистов находятся мифы, ритуалы, народный календарь, демонология, поверья, стереотипы обыденного и ритуального поведения, обрядовая лексика и фразеология, ритуальные тексты, символика, системы метафор и другие формы традиционной духовной культуры этноса.

Поскольку язык консервирует в себе архаические элементы мировоззрения, психологии, культуры, он оказывается одним из самых богатых и надежных источников реконструкции доисторических, лишенных документальных письменных свидетельств форм человеческой культуры [СД 1995: 1: 5]. Отсюда задача этнолингвистики — вскрыть глубинный народный смысл, лежащий за словом, его фоновую ментальность, построить тот или иной фрагмент картины мира, воссоздать через язык быт, нравы, поведение, дух и душу народа [Герд 2003: 122—123]. В отличие от собственно лингвистических исследований, работы по теоретической этнолингвистике ориентированы не на значение слова, а на

смысл, на интерпретацию, переосмысление значения слова и текста [Там же: 123].

Н.И. Толстой дал два определения этнолингвистики — одно из них узкое, в котором этнолингвистика понимается как раздел языкознания и объектом ее считается язык в его отношении к культуре: «Этнолингвистика есть раздел языкознания или — шире — направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой 1995: 27]. Широкое определение характеризует этнолингвистику как комплексную дисциплину, предметом изучения которой является весь «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т.п.) [Там же: 39—40].

На примере нескольких слов покажем своеобразие этнолингвистического подхода к изучению семантики лексемы. Так, в слове *красный* этнолингвист обнаруживает те компоненты значения, которые не фиксируются в толковых словарях, — в свадебном обряде разных славянских традиций красный цвет символизировал невесту, красная лента или флаг, красный цвет вина служили знаком «честности» невесты, сохранившей до брака девственность. Помимо общеизвестных значений глагола *ходить*, зафиксированных в толковых словарях, этнолингвист описывает ритуальное хождение возле созревающих хлебов, обходы полей с целью магического продуцирования урожая. У слова *камень* имеются такие культурно значимые признаки, как крепость, устойчивость, неподвижность, неподверженность изменениям, «мертвость, безжизненность» камня т.п., которые находят языковое выражение в узусе слова и особенно во фразеологии (ср. выражения *как за каменной стеной*, *каменное лицо*, *сердце как камень* и т.п.), а в народных представлениях камню приписывают такие свойства, как способность расти («камни растут»), которые языком никак не «улавливаются». Этнолингвист размышляет, скажем, над тем, почему волк, кукушка, верба занимают очень важное место в системе культурных символов,

а прагматически близкие к ним лиса, дятел, черемуха фактически лишены культурных функций. Аналогично противопоставление культурного значения бороны, топора, горшка, с одной стороны, и отсутствие такового у лопаты, молотка, миски — с другой) [Толстой, Толстая 1995: 9].

Филология и социально-экономические науки

Социология и социолингвистика. Социология — наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах, социальных группах и общностях, отношениях личности и общества, закономерностях массового поведения людей — небезразлична к языку, поскольку, считал лингвист Э. Сепир, социолога не могут не интересовать способы человеческого общения, а правильность речи имеет к социологии значительно большее отношение, чем к эстетике или грамматике [Сепир 1993: 262]. Социолингвистика, возникшая на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии, исследует проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями и воздействием социальных факторов на язык.

Социолингвистика (социальная лингвистика) — это направление языкознания, изучающее общественную обусловленность строения, возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество [Бондалетов 1987: 10, 16—17]. В центре внимания социолингвистики — причинные связи между языком и фактами общественной жизни. Социолингвистика интересуется тем, во-первых, как социальный фактор влияет на функционирование языков, во-вторых, как он отражается в языковой структуре и, в-третьих, как взаимодействуют языки. Социолингвистика — это своеобразный сплав социологии, социальной психологии, этнографии и лингвистики, при этом в центре внимания находится не столько сам язык как таковой, сколько его носители. Социолингвистика — это наука, которая изучает язык в его социальном контексте. Лингвосоциологические обследования используются для того, чтобы получить конкретные и объек-

тивные данные для более глубокого проникновения в природу собственно социальных особенностей данного человеческого коллектива.

Социоллингвистика изучает, например, социальные подсистемы (разновидности) языка, которые принято называть *социальными диалектами (социолектами)*. Так, социоллингвисты сообщают, что первые известия о русских социальных диалектах (жаргонах и аргю) относятся к началу XVII в. и связаны с описанием повстанческого движения казаков на Дону и в Поволжье, возглавляемого И.И. Болотниковым (1606—1607). Голландец И. Масса, оказавшийся в России в это время, свидетельствовал, что казаки различных племен из Московии, Татарии, Польши, Карелии и Немецчины по большей части московиты и говорят чаще всего по-московски, но сверх того между собой они употребляют особый язык, который они называют «отверница»²¹.

Словарь Даля содержит статью «**Афеня**, офеня», в которой приводятся сведения об офенском языке и его разновидностях. Специальный раздел «О языках искусственных» выделен в статье В.И. Даля «О наречиях русского языка» (1852). Не прошел Даль мимо факта зарождения русского воровского аргю и в статье заметил: «Столичные, особенно питерские, мошенники, карманники и воры различного промысла, известные под именем *мазуриков*, изобрели свой язык, исключительно для воровства. Есть слова, общие с офенским языком...» (цит. по: [Скворцов 2005: 584—585]). Главными носителями условных языков в пределах России XIX в. оказывались (1) ремесленники — отходники из крестьян (портные, валяльщики валенок, шерстобиты, шорники, кузнецы и жестянщики, печники и др.); (2) торговцы разносчики (офени); (3) профессиональные нищие [Там же: 587]. Специфика названных профессий способствовала обособлению их носителей и обладателей от остального населения и существенно укрепляла позиции условных языков. Ряд арготических слов восходит к языку офеней: *жу-*

²¹ В Словаре Даля: *Отверница* — ‘ионаречие, иносказание, обиняк, намек’ [Даль 1979: 2: 714].

лик и жулить, бусой (и бухой) — пьяный, кимать и кимарить — спать, клевый — хороший, удачный, лох — мужик, простофиля, петрить — понимать, просифониться — озябнуть, хило — плохо, шуровать, шустрый и др. [Там же: 587, 589].

Некоторые языковые явления — продукт профессиональной дифференциации — в качестве профессионализмов входят в общелитературный язык, как это стало со словом из арго нищих *двурушничать* ‘просить подавание двумя руками’ или с современным выражением из языка военных *грюз-200*.

Филология и политология. Политология — это общественная наука, изучающая область политических отношений (политическая организация и политическая жизнь общества, проблемы внутренней политики и международных отношений и т.п.). Политология как социальная наука тесно связана с филологией. Результатом стала пограничная дисциплина, именуемая чаще всего *политической лингвистикой*, а также *лингвополитологией* и *политической филологией*.

Близость политологии и политической филологии (этот термин нам кажется наиболее удачным) связана с единством объекта исследования — политическим дискурсом, анализ которого обеспечивается филологическими методиками. Что касается предмета политической филологии, то он достаточно подвижен. Долгое время таким предметом служит политическая метафора, политическая метафорология (метафорика). Красноречивы заголовки публикаций зарубежных специалистов — «Каузальная сила политической метафоры» [Андерсон 2006], «Политическое убеждение путем метафорического моделирования» [Белт 2007], «Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе» [Лакофф 2006], «Путь Сербии в Европу по метафорам Зорана Джинджича» [Фелберг 2007], а также отечественных лингвополитологов: «“Могут ли метафоры убивать?”: прагматический аспект политической метафорики» [Будаев 2006], «Методологические грани политической метафорологии» [Будаев, Чудинов 2007], «“В плену у русского медведя”, или современная Россия в метафорах британских и американских СМИ» [Красильникова 2007].

Предметом политической филологии может быть устройство, специфика и функции политического дискурса. Специально этому вопросу посвящена статья «Политический дискурс как предмет политологической филологии» [Демьянков 2002]. Своеобразие политического дискурса посвящены публикации о театральности политического дискурса, его невербальных знаках, об инаугурационном обращении как жанре политического дискурса, о политическом дискурсе как нарративе (см. подробнее: [Шейгал 2000; 2001э]). Предмет политической филологии может быть расширен до понятия «язык власти» [Лассвелл 2006]. Филологи от политологии рассматривают также общественно-политическую лексику в политическом дискурсе, а также политическую социализацию [Хенсон 2007]. Представляет интерес статья «Политика и английский язык» [Оруэлл 2006].

Политологическая филология обретает черты вузовской учебной дисциплины, оснащенной учебными книгами, например: «Современная политическая лингвистика» [Будаев, Чудинов 2006_а], «Политическая лингвистика» [Чудинов 2007].

Юриспруденция и юрислингвистика. Юриспруденция (правоведение) — наука, изучающая право как особую систему социальных норм, — считает язык одним из своих объектов. Известно, что в современном мире постоянно возникают конфликтные ситуации из-за неправильно или неточно употребленного слова, отсюда необходимость в решении немало-го числа внешне лингвистических вопросов. Так, в 2001 г. возникла Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), призванная оказать действенную лингво-юридическую помощь сотрудникам СМИ, судьям, адвокатам, следователям, специалистам-филологам, юрисконсультам, студентам и преподавателям вузов. Гильдия проводит судебную фоноскопическую и автороведческую экспертизу. Складывается криминалистическая текстология. Опыт работы Гильдии отражен в книге «Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации»

[Горбаневский 2003]. Книга Е.И. Галяшиной [Галяшина 2006] знакомит читателя с основными вопросами, возникающими в практике назначения и производства лингвистических экспертиз экстремистских материалов, дает рекомендации по назначению, проведению, оценке заключений экспертиз разнообразных текстов, подозреваемых и квалифицируемых прокуратурой и судьями в качестве экстремистских материалов.

Формируется научная дисциплина *юрислингвистика*. В Кемеровском и Алтайском университетах функционируют лаборатории юрислингвистики и развития речи, а также юрислингвистики документоведения. Проводятся интернет-конференции по юрислингвистике «Право как дискурс, текст и слово». Существует Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. Выходят в свет сборники научных трудов «Юрислингвистика».

К области юрислингвистики относятся такие вопросы, как типы, свойства, особенности создания юридических текстов; юридическая техника; семантика и прагматика юридического языка; правовая коммуникация, юридический дискурс и юридическая риторика; конфликтный текст как предмет лингвистического исследования и правового регулирования; методология и методика экспертных исследований спорных речевых произведений и т.п.

В поле внимания лингвистов-экспертов попадают вопросы типа, что такое оскорбление, всегда ли нецензурную брань можно однозначно рассматривать как оскорбление, когда словесная перепалка становится уголовно наказуемым преступлением, как защитить свою репутацию и доброе имя.

В настоящее время русское общение в высшей степени конфликтно. Показательно, что в периодическом издании «Журналистика и культура русской речи», начиная с первого номера за 2011 г., открыта новая рубрика «Лингвоконфликтология для журналистов и лингвистическая экспертиза медиатекстов». Сам термин *лингвоконфликтология* оказался весьма востребованным и послужил названием новой вузовской дисциплины, предназначенной для решения и предотвращения конфликтов в разных речедейательностных сферах. Основные понятия этой дисциплины — «коммуникативная неудача», «коммуникатив-

ный (речевой) конфликт», «речевое преступление» (подробнее см.: [Кара-Мурза 2011]). Лингвоконфликтология предполагает необходимость лингвистической экспертизы — процессуально закрепленного исследования, на основании которого юридическая инстанция выносит правовое решение.

Несколько примеров юрислингвистических размышлений. Слово *коррупционер* не оскорбление, потому что не имеет неприличной формы, не относится к обценной или грубо просторечной лексике, однако это слово способно возбудить конфликт, чреватый иском о защите чести, достоинстве и деловой репутации. *Дура, толстуха, грязнуля* — обидные слова, но не оскорбление. Они не могут служить основанием для возбуждения иска об оскорблении. Слово *дура* не неприличное и не нецензурное. Слова *москаль* и *хохол* — иронические названия соседей — балансируют на грани оскорбления, если воспроизводятся в русскоязычной прессе Украины.

Наиболее яркое проявление конфликтного общения — употребление мата, который стал языком отечественного начальства. Когда человек идет или стоит и матерится, это сквернословие в общественных местах может рассматриваться как мелкое хулиганство, а не оскорбление. Оскорбление с точки зрения права — такое употребление нецензурных слов, с помощью которого некоторому человеку дается обобщенная характеристика. Раньше существовало три цензора и ограничителя русского мата: (1) русская православная церковь, (2) советское государство и (3) культурное общество. В наши дни остается единственно моральное самоограничение — самый выполняемый ограничитель матерной ругани вокруг нас.

Добавим, что лингвистика сотрудничает и с правоохранением. Как сообщала пресса, в Германии с помощью фонетического анализа раскрывается свыше тысячи преступлений в год. Дело в том, что голос человека так же неповторим, как и его отпечатки пальцев. С помощью компьютерной программы голос человека можно преобразовать в цифровую форму и представить на экране графически. Оказалось, что звуки речи связаны между собой устойчивыми зависимостями. Так, по интенсивности, с которой был произнесен звук [p], можно вычислить

степень твердости [т]. Измеряется амплитуда колебаний при гласных звуках, скорость артикуляции, специфический шум дыхания, степень хрипоты — десятки акустических параметров, собранных вместе, придают каждому голосу неповторимую специфику. Изменение голоса столь же бессмысленно, как и попытка избежать опознания с помощью скорченной гримасы. По сообщению той же прессы, российские спецслужбы активно используют фонетический анализ в борьбе с «телефонным терроризмом». С помощью этого метода не только идентифицируется голос, но и выявляется возраст позвонившего, его вес и даже форма лица. Сообщается о разработке нового направления в науке — *лингвокриминалистики*.

У юрислингвистики есть и теоретические проблемы, к которым относится, например, выявление специфики языка юридических документов и речи участников судебных отношений. Примером может служить книга «Язык уголовного закона и его понимание» [Бойко 2010]²².

Филология и науки психолого-педагогического цикла

Психология и психолингвистика. Психология — наука о закономерностях, механизмах и фактах психической жизни человека и животных — нашла с наукой о слове так много общего, что легла в основу *психолингвистики* — науки о закономерностях порождения и восприятия речи.

Психолингвистика возникла в 1950-х годах XX в. в связи с необходимостью дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения которых чисто филологический подход, связанный прежде всего с анализом текста, а не говорящего человека, оказался недостаточным. Это — обучение родному и иностранному языку; речевое воспитание дошкольников и логопедия; речевое воздействие (прежде всего — в пропаганде и деятельности СМИ). Свое место психолингвистика находит в судебной психологии и криминалистике. Психолингвистика

²² Неслучайно, что сочинения выдающихся русских адвокатов в свое время способствовали повышению культуры речи общества и развитию отечественного ораторского искусства.

необходима, например, для распознавания людей по особенностям их речи, для решения проблем машинного перевода, речевого ввода информации в компьютер, а потому эта дисциплина сотрудничает с информатикой. Прикладные задачи послужили непосредственным толчком к возникновению психолингвистики и к выделению ее в самостоятельную научную область.

Объединение филологии и психологии в одну пограничную научную дисциплину позволяет использовать для описания языковой формы речевых высказываний понятийный аппарат лингвистики, а для описания и объяснения психических процессов производства и восприятия речи, онтогенеза языка и языковой способности как психофизиологической функции человека, формирующейся прижизненно, перспективен понятийный аппарат психологии.

Психолингвистика как наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносительности с системой языка, по предмету исследования близка к лингвистике, а по методам исследования ближе к психологии. В центре психолингвистики находятся проблемы порождения и восприятия речи, а также прикладные аспекты теории речевой деятельности. Лингвистика изучает организацию речи по законам языка, а психолингвистика обращается к процессам производства речи, восприятия речи, и того, как осваивается родной и иностранный язык.

Психолингвистика как область филологии изучает язык прежде всего как феномен психики. Сточки зрения психолингвистики, язык существует в той мере, в какой существует внутренний мир говорящего и слушающего, пишущего и читающего. Психолингвистика изначально ориентирована на изучение реальных процессов говорения и понимания, на «человека в языке» (Э. Бенвенист). По этой причине психолингвистика не изучает «мертвые» языки — такие, как старославянский или греческий, где исследователям доступны лишь тексты, а не психические миры их создателей. Существует точка зрения, согласно которой психолингвистику следует понимать не как науку со своим предметом и методами, а как особый ракурс, в котором изучаются язык, речь, коммуникация и познаватель-

ные процессы. Эта точка зрения предопределила множество прикладных исследовательских программ, разнородных по целям, теоретическим предпосылкам и методам.

Основными проблемами психолингвистики являются следующие: производство речи; виды внутренней речи; восприятие речи; восприятие текста как опосредованное восприятие реальной действительности; онтогенез языка; врожденность / приобретенность языковой способности; врожденные предпосылки формирования языковой способности; периодизация этапов развития детской речи; отличие становления языковой способности при усвоении родного и иностранного языков; речевое общение; соотношение деятельности, общения, коммуникации и языка; деятельностная схема общения; модель процесса речевого общения²³.

Заметим, что психолингвистика все больше интересуется текстами, их специфической структурой, вариантностью и функциональной специализацией (см.: [Леонтьев 2001; Зорькина 2003]). По сути, психолингвистика становится психофилологией (подробнее см.: [Белянин 1988; 2006])²⁴.

Кооперация филологии с науками математического и естественно-научного цикла

Филология и математика. Связь языкознания с математикой наметилась уже давно. Известный русский математик В.Я. Буняковский пророчески писал о необходимости применения математики в области грамматических и этимологических разысканий. В наши дни стали известны лингвисти-

²³ В сложной языковой ситуации проступают элементы «наивной» психолингвистики, как в случае с русскими беженцами в Иране: «Дома у Степаниды все строго: ее внуков сначала обучают общению на русском, а лишь с семи лет — на персидском. Такая “система”» (ее же используют и жители русских деревень в далекой Боливии) помогает не раствориться в чужом мире» [АиФ 2006: 50: 27].

²⁴ У пограничной дисциплины есть свое периодическое издание «Вопросы психолингвистики». Журнал с февраля 2006 г. выходит также в электронной версии [<http://www.iling-ran.ru/>]

ческие исследования основоположника генетики И.Г. Менделя, пытавшегося применить статистические методики не только в области биологии, но и в языкознании. И.А. Бодуэн де Куртене, набрасывая контуры будущего языкознания, неизменно условием его считал тесную и органическую связь с математикой. «Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его все более к наукам точным» [Бодуэн де Куртене 1963: 17]. Перспективные мысли высказаны Бодуэном в статье «Количественность в языковом мышлении». Выдающийся лингвист практически использовал квантитативную методику в исследованиях по фонетике (исчисление альтернатив) и по грамматике (описание типов склонения).

Крупнейший теоретик языка Е.Д. Поливанов, говоря о точках соприкосновения между математикой и лингвистикой, особо выделял следующее: а) анализ кимографических кривых; б) диалектологическая статистика; в) приложение теории вероятностей к определению относительной вероятности этимологий — как достоверных, так и гипотетических и, наконец, фантастических [Поливанов 1968].

Связь языкознания с математикой не была односторонней. Используя методы математики, лингвистика, в свою очередь, питала математику плодотворными идеями. Наблюдения известного математика А.А. Маркова (1856—1922) над текстом «Евгения Онегина» (распределение доли гласных и согласных среди первых 20 000 букв — «испытания, связанные в цепь») привели к открытию знаменитых «марковских цепей», обогативших теорию вероятностей и математическую статистику. Примером использования лингвистических знаний в математике служит создание *математической лингвистики* [Гладкий, Мельчук 1969].

Для описания и исследования лингвистических фактов привлекаются различные разделы математики: алгебра, теория множеств, математическая логика, теория информации, теория вероятностей и математическая статистика. В силу этого математическая лингвистика стала развиваться в нескольких направлениях — алгебраическая лингвистика, комбинаторная

лингвистика, которая опирается на разделы «неколичественной» математики (теория множеств, математическая логика, теория алгоритмов), и квантитативная лингвистика, которая изучает лингвистические явления с помощью «количественной» математики (математическая статистика, теория вероятностей, теория информации и др.).

Квантитативная лингвистика от математической отличается большим вниманием к языковой специфике, которая стоит за количественными отношениями. Главная ее задача — поиск связи между количественными и качественными сторонами языка: между употребительностью и возрастом слов, длиной слова и его употребительностью, полисемией и употребительностью; делается попытка выявить объективный критерий таких лингвистических категорий, как продуктивность классов слов, однородность и регулярность отношений между единицами словаря [Арапов 1988].

Пока наиболее перспективным представляется исследование сущностных характеристик языка при помощи аппарата теории вероятности и математической статистики — квантитативная лингвистика. Собственно говоря, связь математики с языкознанием началась с попыток установить статистические свойства речи, поскольку языку присущи объективные количественные характеристики. Благодаря вероятностной природе языковой структуры она легко поддается изучению математическим аппаратом теории вероятностей и математической статистики. Основа тому — регулярность, упорядоченность языковых явлений. Уже существует большая специальная литература, отразившая результаты применения статистических методик в исследовании различных ярусов языковой системы.

Статистически исследуется фонетика, закладываются основы статистического изучения морфемного состава слова и морфологических категорий. В частности, установлена связь между числом фонем и средней длиной морфемы, стало известно, что количество фонем отражается на качестве морфем и слов, а количество морфем на качестве слов. Интересна попытка количественно выразить степень силы управления. Намечается статистическая классификация синтаксических конструкций,

обследуются закономерности связи размера предложения с характером текста. Выявлено, что с XI до XX века вероятность использования предлогов увеличилась с 0,096 (XI—XIII вв.) до 0,123 (XX в.), а союзов уменьшилась с 0,126 (XI—XIII вв.) до 0,085 (XX в.) [Русинов 1983: 37]. Количественной интерпретации подвергается даже такая «качественная» сторона языка, как семантика. Особенно эффективны статистические подсчеты в стилистике. Количественными параметрами обладают такие явления, как ритм и рифма. С применением статистики увеличивается надежность типологических разысканий. С помощью статистических методов устанавливается мера генетической близости между славянскими языками по данным праславянской лексики, сохраняемой каждым из них [Журавлёв 1994].

Филология и информатика. Информатика — это отрасль науки, изучающая структуру и общие свойства информации, а также вопросы, связанные с ее сбором, хранением, поиском, переработкой, преобразованием, распространением и использованием в разных сферах деятельности [НИЭ 2000: 7: 209]. Союз филологии и информатики складывается с началом эпохи информационного общества, для которого главными ценностями становятся информация и знание. Становление нового общества характеризуется интенсивным ростом количества информации, которое требует эффективной работы с ней (хранение, распространение, поиск, учет и т.д.). Это возможно только путем использования современных средств вычислительной техники и перевода информации в электронную форму [Вигурский, Пильщиков 2003: 9].

Частью национального информационного ресурса является культурно-историческая информация, к которой относят литературное и философское наследие, музейную и архивную информацию (включая кино-, фоно- и фотоинформацию), фундаментальные справочные сведения (энциклопедии, словари и т.д.). Культурно-историческая информация обеспечивает историческую память и национальные традиции. Она способствует органическому развитию общества и обеспечивает един-

ство национального самосознания, однако размеры территории России препятствуют ее свободному использованию на всей территории страны. Нормальное функционирование национального информационного ресурса ставит задачу сохранения, распространения и эффективного использования культурно-исторической информации, что обеспечивается применением современных информационных технологий и созданием единого информационного пространства, охватывающего как печатную, так и электронную информацию [Там же: 9—10]²⁵.

Филология предполагает тексты. Известно, что большая часть накапливаемых электронных информационных ресурсов — это наборы текстов. Современные информационные технологии, в свою очередь, предлагают новые возможности для обработки и анализа текстов и предоставляют разнообразные средства создания, распространения, поиска и учета текстовой информации. Филология не остается пассивным пользователем готовой технологии, она ставит задачи изучения текстов, бытующих в новой форме, в новой среде и в новых условиях. Так что филология и технология заинтересованы в кооперации и взаимопомощи [Там же: 11], в результате чего складывается новая дисциплина — *филологическая информатика* [Хроленко, Денисов 2007].

Филологи (преимущественно лингвисты, но также стиховеды и литературоведы) одними из первых начали применять в своей работе вычислительную технику. Опыт постановки задач филологией перед технологией начинается с 1950-х гг., когда начались исследования по машинному переводу, создание машинных словарных фондов и словарей; разработка методов и алгоритмов морфологического анализа лексики, работы по синтаксическому и семантическому анализу текстов и мн. др. Все это способствовало развитию программного обеспечения современных поисковых систем.

К началу 1990-х годов информационные технологии сделали огромный скачок, позволяющий говорить о возможности и

²⁵ «Информационные технологии — это приемы, способы, методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки и использования данных» (ГОСТ 34.003—90).

даже необходимости их применения в практике филологических наук. Интерес филологов к информационным технологиям усилился с появлением персональных компьютеров, которые стали доступны любому пользователю (как по цене, так и по эксплуатационным характеристикам). Стали интенсивно развиваться и активно использоваться текстовые процессоры, средства автоматической проверки орфографии и грамматики, программы оптического распознавания текста и другие лингвистические и эдиционные компьютерные средства.

Результаты освоения филологами современных информационных технологий заметнее всего проявляются в создании профильных интернет-ресурсов, в которых сосредотачивается все, что интересно и полезно филологу: коллекции текстов, биографические материалы, результаты научных исследований, библиографическая информация, электронные версии профильных журналов и т.д. По подсчетам специалистов, количество сетевых ресурсов по русской филологии и фольклору уже в конце 2002 — начале 2003 г. оценивалось в 300—350 [Каталог сетевых ресурсов 2006з].

Роль сетевых ресурсов велика. Филологический труд становится более продуктивным: скорость выполнения рутинных процедур повышается в десятки раз, и в результате высвобождается время для активной творческой работы.

Магистральный путь филологической информатики — создание специализированных полнотекстовых информационных систем, среди которых наиболее интенсивно развивающимися становятся электронные издания и электронные библиотеки.

К.В. Вигурский и И.А. Пильщиков видят шесть основных направлений работ, необходимых в филологической практике: (1) создание электронного фонда русской словесности, который должен обеспечивать сбор, обработку, надежное хранение и эффективное использование культурно значимых произведений русской литературы и фольклора; (2) создание национального корпуса русского языка (проект, который уже успешно реализуется); (3) создание электронного словарно-справочного фонда (словари, энциклопедии, справочники и указатели, необходимые для проведения филологических исследований);

(4) создание средств автоматизации работ в сфере филологии, допускающих применение универсальных либо специальных алгоритмов (автономные программные продукты для персональных компьютеров); (5) организация цикла филологических исследований по подготовке изданий литературных произведений в электронной форме; (6) учет и систематизация филологически значимых электронных фондов, а также создание сводного электронного каталога сетевых информационных ресурсов филологического профиля (см. также: [Вигурский, Пильщикова 2005]).

Примером сотрудничества филологов со специалистами по машинному переводу стал мертвый язык семитской семьи — угаритский. В свое время этот язык был расшифрован лингвистами традиционным способом. Чтобы проверить возможности современных информационных технологий повторную расшифровку языка доверили ученым из Массачусетского технологического института, разработавшим компьютерную программу, которая расшифровала мертвый язык за пару часов. Программа сравнивала слова на угаритском со словами из близкородственного языка — иврита — в поисках общих корней. Исследователи исходили из допущения, что между разноразноуровневыми элементами родственных языков можно установить однозначные связи — как на уровне знаков алфавита, так и на уровне частей слов (морфем). Наличие первой расшифровки дает возможность проверить точность работы программы. Оказалось, что для 29 из 30 букв языка машина смогла верно найти соответствия в иврите. Примерно треть угаритских слов имеют «родственников» в иврите. 60% из них программа определила верно. Своеобразным толчком к работе для массачусетских исследователей стала книга «Потерянные языки» Эндрю Робинсона, в которой автор утверждает, что машины не обладают тем сплавом логики и интуиции, которые необходимы археологам и лингвистам для успешной расшифровки надписей на мертвых языках. Однако энтузиасты, повторившие расшифровку с помощью компьютерной техники, надеются, что их программа, даже если и не расшифрует древние письменности, поможет

разработчикам автоматических переводчиков, таких как Google Translate. Таким образом, филологические задачи становятся вызовом для представителей так называемого точного знания (см. об этом, напр.: [Машина расшифровала... 2010₃]).

Биология и лингвистика. На стыке биологии и языкознания складывается *биолингвистика*, изучающая становление биологической основы для речевых механизмов. В естествознании активно используется выработанная языкознанием терминология. По признанию известного генетика, лауреата Нобелевской премии Ф. Жакоба, лингвистика предложила молекулярной генетике совершенную модель. К сожалению, сама генетика пока не внесла ощутимого вклада в прогресс филологии, хотя поиски связи языковой компетенции человека с генетическим уровнем ведутся весьма энергично.

Филология и генетика. Науке XX в. стало известно, что генетический и лингвистический коды сходны. Наследственность — это сообщение, записанное вдоль хромосом с помощью химического «алфавита»: четыре химических радикала, чередуясь в бесконечных линейных последовательностях нуклеиновых кислот, создают текст генетической информации. В генетическом коде, как и в языке, информативен не отдельный элемент системы, а особые комбинации исходных нуклеотидов по три элемента («триплеты»). Весь генетический «словарь» состоит из 64 «слов». Три триплета являются «знаками препинания»: они обозначают начало и конец фразы. Обнаруживаются и «синонимы» — последовательности, которые соотносятся с одной и той же аминокислотой. Однако лингвистический код богаче генетического, чем обеспечивается языковая избыточность, благодаря которой можно исправлять или восстанавливать искажения. У генетического кода избыточность отсутствует, потому генетическая информация может искажаться.

Изоморфизм (сходство формы) лингвистического и генетического кодов привел к тому, что молекулярная генетика позаимствовала у лингвистики ее понятия и термины. Известно, что

механизм передачи генетической информации, генетический код, удалось расшифровать лишь тогда, когда дерзнули описать его в терминах современной лингвистики и теории информации [Журавлёв 2000: 83].

Известен спор лингвиста Р. Якобсона и генетика Ф. Жакоба о природе изоморфизма лингвистического и генетического кодов. Ф. Жакоб считал это сходство внешним, возникшим в результате структурного сближения или совпадения двух различных систем, выполняющих аналогичную информационную функцию. Р. Якобсон же полагал, что языковой код сложился по структурным принципам, по образцу и моделям генетического кода. Его влияние на языковой код осуществилось через сферу бессознательного: организм неосознанно владеет информацией о строении и структуре существенных его механизмов (изложено по: [Гамкрелидзе 1988]).

В пользу этой точки зрения приводят примеры, когда талантливые личности, не зная о генетике и генетическом коде, строили особые информационные системы по моделям генетического кода. Так, в китайской книге «И Чинь», написанной три тысячи лет тому назад, представлена система трансформации четырех бинарных элементов, составленных из «мужского принципа» *ян* и «женского принципа» *инь* и сгруппированных по три, что дает всего 64 троичных последовательности. Аналогичное видим у древних греков: четыре элемента мира у ионийцев, четыре жидкости человеческого тела у Гиппократов. Теории глоттогонии (происхождения языка) Н.Я. Марра современная наука не приняла, но интересно отметить, что язык, по Марру, начинается с четырех (вначале Марр считал — из семи) исходных комплексов, каждый из которых состоит из трех элементов (*сал*, *бер*, *йон*, *рош*).

Способность быть человеком говорящим мы получаем на уровне генетики. Конкретный же язык — результат дальнейшего развития. А.А. Потемня подчеркнул это: «Дети выучиваются языку взрослых только потому, что при других обстоятельствах могли бы создать свой» [Потемня 1989: 22].

Исследователи из университета штата Калифорния в Сан-Диего, США (University of California) выдвинули предпо-

ложение, что некодирующие участки ДНК могут выполнять функцию своеобразных «знаков препинания» в геноме. Они установили, что, несмотря на то, что эти участки, которых около 96 % всего наследственного материала, не кодируют белки, они контролируют функционирование соседних кодирующих генов. Руководитель исследовательской группы сравнивает некодирующие блоки генома с пунктуацией: «Без них геном выглядит как очень длинное предложение без знаков препинания» [<http://www.inauka.ru/news/article76498?subhtml>]. Исследователи предполагают, что эти участки ДНК крайне важны для механизма трансляции генов. Не исключено, что именно в них содержится информация, указывающая, какой ген должен быть заблокирован, а какой — активен.

Связь генетики с филологией, точнее, с лингвистикой очевидна на уровне методологии исследования. Гены сохраняются тысячелетиями, хранят информацию о тех, кто их передал, и вместе с людьми они мигрируют. Генофонд распределяется в пространстве. Это дало основание для появления специального направления в науке — *геногеографии*. Ее основатель А.С. Серебровский полагал, что эта наука не биологическая, а историческая (см.: [Балановская, Балановский 2009: 401]). Геногеография, исследуя современное состояние генофонда, помогает установить прародину народа и пути его миграции. Так, рассмотрены генетические реконструкции событий истории популяций в диапазоне от 140 тыс. лет до 140 лет. 140 тыс. лет назад произошло разделение современного человечества на два крупных ствола: бушмены и все остальное человечество. Прослежено расселение финикийцев по Средиземноморью. Выявлен след крестоносцев в Леванте. Установлено, что киргизы мигрировали из енисейских степей на высокогорья Памира. Русский народ — это мощный генетический пласт восточных славян и ассимилированных финно-угорских племен, у которого отсутствуют следы «монгольского ига». Терские казаки Северного Кавказа включили в свой генофонд значительное число Y-хромосом от коренного населения Кавказа, а кубанские казаки — не включили [Балановская, Балановский 2009: 401].

Исследование генофонда — дело трудоемкое и весьма затратное. Ведь нужно получить образцы ДНК из крови множества людей, живущих на обширной территории, выделить и проанализировать последовательность определенных генов, результаты подвергнуть статистической обработке.

Антропонимика и генетика. Расходы можно уменьшить, а достоверность данных увеличить, если произвести «разведку» с помощью маркеров, которые соответствуют генам. Таким маркером может служить фамилия, которая, как и мужская хромосома, наследуется по мужской линии. Фамилии, в отличие от генофонда, изучать проще и надежнее, ведь все фамилии известны и официально зарегистрированы на территории пребывания человека. Учтена может быть фамилия каждого человека, а генофонд всего человечества учесть нельзя, используется лишь статистически достоверная выборка.

Частоты фамилий в популяциях соответствуют аллелям одного гена, а потому к изучению фамилий можно применить обычные методы популяционной генетики.

Идея использовать фамилии в качестве аналога генетических маркеров не нова. В 1965 г. ее предложили Дж.Ф. Кроу и А.П. Мендж. Их методику развили и использовали отечественные и зарубежные генетики. Было установлено, что у разных народов генетическое и «фамильное» разнообразие очень близко друг к другу. Отсюда вывод, что фамилии — маркер вполне адекватный.

Отечественные биологи Е.В. и О.П. Балановские из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра РАМН, авторы рукописи книги «Русский генофонд. Взгляд в прошлое», предприняли попытку проследить историю формирования русского генофонда с учетом данных о распространении десятков тысяч русских фамилий [Балановская, Балановский 2007: 25].

В основу исследования легли фамилии коренных жителей «исконного» русского ареала, т.е. территории, на которой происходило формирование русского народа: Центральной России и Русского Севера — восемь областей, сгруппированных

в пять регионов: Северный (Архангельская область), Восточный (Костромская область), Центральный (Кашинский район Тверской области), Западный (Смоленская область) и Южный (Белгородская, Курская и Воронежская области). В каждой области было выбрано несколько сельских районов и исследованы фамилии всех их совершеннолетних жителей. Выбранные районы расположены в среднем в 1000 км друг от друга и как сетью накрывают всю территорию. Были учтены фамилии почти миллиона сельских жителей и обнаружено 67 тысяч разных фамилий. Таким количеством аллелей (различных форм одного и того же гена, расположенных в одинаковых участках гомологичных хромосом) не обладает ни один ген.

Фамилии играют роль удобного эквивалента генетических маркеров. Однако фамилии — не гены, у них есть собственная история и, в отличие от генов, национальная принадлежность. И если позволить фамилиям говорить, они расскажут много нового и интересного о русском генофонде и его структуре.

Выясняется, что фамилии заметно различаются по частоте. Так, примерно один из ста жителей основного русского ареала — Кузнецов, каждый семьдесят пятый — Иванов, а Смирнов — почти каждый пятидесятый. Другие же фамилии столь редки, что во всем русском ареале удалось найти лишь считанных носителей. При этом фамилии неравномерно распределены по территории ареала. Ученые составили общий список всех фамилий, расположенных в порядке убывания частот. Такие же списки составили для каждого из пяти регионов. Оказалось, что региональные списки отличаются друг от друга и набором фамилий, и порядком их расположения [Балановская, Балановский 2007: 22].

Пятьдесят самых частых фамилий из каждого регионального списка расклассифицировали по пяти классам: (1) календарные (т.е. фамилии, произведенные от имени из святцев — православного календаря, например, Петров, Павлов, Иванов), (2) «звериные», к которым отнесли все фамилии, имеющие связь с живым на Земле — не только зверями, но и птицами, и рыбами, и насекомыми, и растениями, и даже их частями (например, Листьев, Цветков), (3) профессиональные (Шапова-

лов, Кузнецов, Бондарев), (4) «приметные», которые отмечают особенности внешнего или социального облика человека (Головин, Черных, Смирнов, Литвинов), и (5) «иные» фамилии, не отнесенные ни к одному из перечисленных классов (Морозов, Лешуков, Порохин, Фофанов).

Сотрудниками лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра РАМН была разработана методика ранжирования с выявлением т.н. «индекса места». Анализ показал, что по индексу места три региона средней полосы (Восточный, Западный и Центральный) близки к спектру общерусских фамилий, а Северный и Южный значительно от него отличаются. Это значит, что с запада на восток наблюдаются гораздо меньшие генетические различия, чем с севера на юг (или с юга на север). «Исконный» русский ареал состоит из трех поясов, и в нем можно выделить южную зону, среднерусскую и Русский Север. В средней полосе преобладают те же фамилии, что и в «общерусском» списке, а на Юге и на Севере — местные, причем в обоих «своеобразных» регионах на первое место вышла одна и та же фамилия — Попов [Балановская, Балановский 2007: 23].

Портрет генофонда других народов Восточной Европы оказался совершенно иным — там изменчивость больше по оси «запад—восток». Русский же генофонд, занимающий огромную часть Восточной Европы, обнаружил свое собственное строение, связанное, очевидно, с его историей. И в трех горизонтальных полосах российского государственного флага, по словам авторов методики, сокрыт глубокий генетический смысл [Балановская, Балановский 2007: 23].

Исследователи ожидали, что общерусские фамилии в силу своей общности окажутся равномерно распределенными по всему ареалу, но оказалось, что это не так. Каждая из них, как и все прочие фамилии, имеет свою географическую зону распространения, причем непредсказуемую. Вот, например, Иванов, — казалось бы, лицо русского этноса (русские Иваны). В церковном календаре имя Иоанн встречается 79 раз, его частота среди других календарных мужских имен составляет около 15%. Для столь распространенной фамилии естественно было ожидать

повсеместного распространения. Однако на некоторых территориях Ивановы практически отсутствуют. Их ареал расположен на западе и северо-западе, откуда тянется почти сплошным «горным массивом» до северо-востока. На севере и на юге, за исключением отдельных «островков», Ивановы очень редки. Самая частая русская фамилия — Смирнов. Для нее четко выделяются три широтные зоны: северная, среднерусская и южная. Основная масса Смирновых обосновалась в средней полосе. На Русском Севере Смирновы встречаются хотя и повсюду, но редко. На юге Смирновых нет [Балановская, Балановский 2007: 23].

Отличительная черта Южного региона — огромное число профессиональных фамилий: 34%. Они охватывают широчайший круг профессий — это и ткачи, и кузнецы, и гончары, и бондари, и портные, и шапошники (Шаповалов), и пекари (Калашников), и колесных дел мастера. Причем один и тот же род деятельности представлен несколькими частыми фамилиями. Бондари — Бондарев и Бондаренко. Ткачи — Ткачев и Ткаченко. Кузнецы — Кузнецов, Ковалев и Коваленко. Портные — Кравцов и Кравченко, Шевцов и Шевченко [Балановская, Балановский 2007: 24].

Главное отличие Севера — обилие «иных», в том числе диалектных, фамилий: 34%! Среди них две очень северные — Мерзлый и Морозов (обычно Морозом называли ребенка, родившегося в морозный день). Но основная часть — это диалектные фамилии: Лешуков (так называли детей для «оберега» от леших), Порохин (связывается с зимней порошей), Ошукон (диалектное производное от православного имени Осип), Сауков (диалектное от православного имени Савва), Галашев (диалектное имя от Галактион), Фофанов (диалектное имя от Феофан, но также и прозвищное имя, «простофиля»), Чурсанов (Чур — славянское языческое божество домашнего очага), а также Третьяков и Шестаков (третий и шестой ребенок в семье), Бульгин, Кувалдин, Когин, Дверин и Карманов [Балановская, Балановский 2007: 24].

Обилие «звериных» фамилий — отличительная черта Центрального региона. Таких фамилий — половина. Помимо обще-

русских, в этом списке есть и особые фамилии, рисующие специфический облик Центрального региона: Бобров, Воронин, Жуков, Журавлёв, Калинин, Корольков, Крылов, Скворцов, Соболев, Цветков.

В Восточном регионе прежде всего бросается в глаза необычайно высокая частота Смирновых — 5,9%! Эта частота в 2—7 раз выше, чем частоты лидеров в других регионах. Особость Смирновых ждет своих исследователей. Тем более что Тихомировы распространены в Восточном регионе тоже с высокой частотой (0,8%). Однако главная особенность Восточного региона — это необычайно высокая частота «приметных» фамилий — 36%. Это — Смирнов и Тихомиров, Беляев и Белов, Серов и Рыжов, Сизов и Румянцев, Шорохов (со следами оспинок) и Крутиков, Большаков и Громов (сильный голос, такие фамилии часто носили певчие), Чистяков и Скрябин (т.е. «чистюля», от «скрябать»), Кудрявцев и Кудряшов, Разумов и Веселов. «Приметные» фамилии Русского Юга — Новиков, Литвинов, Черных, Головин, Лысенко. А на Севере — Хромцов, Рябов, Черноусов, Лешуков, Суханов.

Западный регион — самый типичный. Его «портрет» сравнительно беден неповторимыми фамилиями. Характерное отличие этого региона — преобладание календарных фамилий. Их 60%, в два—четыре раза больше, чем в других основных регионах. Зато профессиональных фамилий на западе почти нет (4%), в список пятидесяти самых частых фамилий вошли только Кузнецовы и Поповы.

Так что же дает исследование русских фамилий для изучения русского генофонда? — задают вопрос авторы «фамильной» методики. Во-первых, фамилии оказались еще одним надежным источником сведений о его структуре. «Показания» фамилий удивительно совпадают с «показаниями» генов. Во-вторых, анализ фамилий можно использовать как разведку для планирования собственно генетических исследований: сначала изучить структуру генофонда по фамильным данным, выявить основные закономерности, основные группы популяций — и уже исходя из этих данных проводить генетические исследования. Можно предложить и еще одно яркое примене-

ние фамилий: для изучения переселенческих генофондов. Например, зная частоты генов в исходных группах и располагая данными о фамилиях, можно узнать частоты генов в переселенческой группе, не изучая ее! [<http://www.inauka.ru/analysis/article76880?subhtml>].

Сообщается, что британцы тоже нашли связь между ДНК мужчины и его фамилией. Исследователи Лестерского университета обнародовали результаты многолетних исследований. Установлено, что мужчины с одинаковой фамилией с большой долей вероятности имеют схожий состав ДНК. При этом вероятность тем выше, чем реже встречается фамилия. Исследование, в котором приняли участие 2500 мужчин, показало, что с вероятностью в 24 % у двух мужчин с одинаковой фамилией, не являющихся родственниками, был общий предок. Для мужчин с редкой фамилией такая вероятность составляет почти 50 %. Ученые считают, что их находка в будущем сможет помочь криминалистам в поиске преступников и опознании жертв [<http://www.inauka.ru/news/article86389?subhtml>].

Интерес к фамилиям проявляют не только генетики, но и представители разных областей знания и научного поиска. В послесловии Б.А. Успенского к фундаментальной книге Б.О. Унбегауна «Русские фамилии» [Унбегаун 1989] «Социальная жизнь русских фамилий» делается вывод о том, что разнообразные примеры дают представление о культурных процессах, которые находят отражение в русских фамилиях [Успенский 1989: 364]. М.В. Горбаневский и В.О. Максимов в книге «Времен связующая нить: Фамилии — памятники языка, истории, религии, культуры народов России» показывают, как в российских фамилиях переплелись древние традиции и фольклор, быт и профессиональные занятия, мифы наших пращуров и реалии их жизни. Это, утверждают авторы, в полной мере относится как к фамилиям русского народа, так и к фамилиям более ста его братьев — других народов, проживающих на территории РФ и говорящих на тюркских, финно-угорских, кавказских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и иных языках. Одновременно фамилии народов России — интересные и ценные памятники истории, культуры, верований и словесности

Отечества, — являются и частью историко-культурного наследия каждой российской семьи. Изучение фамилий, как наглядно показывает многолетний опыт работы информационно-исследовательского центра «История фамилии», дает ценный материал для исследований в разных областях знания: лингвистики, истории, этнографии, религиоведения, литературоведения [Горбаневский, Максимов 2008].

Нейрофизиология и нейролингвистика. На стыке нейрофизиологии и науки о слове родилась *нейролингвистика*, предметом которой стали речевые механизмы мозга, присущие исключительно человеку. Фундаментальными проблемами нейролингвистики являются вопросы о том, как мозг справляется с организацией речи; какие способности мозга запрограммированы генетически, а какие развиваются в процессе обучения. Центральной задачей является выделение основных компонентов языка и нахождение тех функциональных образований мозга, которые обеспечивают их усвоение и пользование.

В чем видится необходимость исследования языка и сознания? Ответ очевиден: мир для нас таков, каким его доносит до нас наш мозг. Для человека мир таков, каким он способен его воспринять и описать, т.е. воспользоваться языком. Людями нас делают язык и сознание.

Нейрофизиологи исходят из гипотезы: способность к созданию языка обусловлена генетической мутацией. Мутация способствовала относительной независимости полушарий мозга, из которых левое стало отвечать за речь. Мутация случилась давно. Прошло множество тысячелетий, в течение которых это не обеспечивало никакого видимого прогресса в нашем развитии, пока не произошел таинственный взрыв креативных способностей древних людей примерно 50—70 тыс. лет тому назад. Во время взрыва сформировались механизмы мозга, необходимые для возникновения речи и других наших уникальных способностей. У животных существуют закрытые в несколько десятков сигналов списки, а в человеческий мозг заложен алгоритм, с помощью которого из иерархически упорядоченных фо-

нем, морфем, слов, фраз и текстов можно порождать бесконечное количество сигналов.

Важным событием в нейрофизиологии стало открытие в начале 90-х годов XX столетия итальянским профессором по нейробиологии и психологии Джакомо Риззолатти зеркальных нейронов. Выяснилось, что в коре головного мозга существуют области, которые активизируются как при выполнении человеком определенных действий, так и тогда, когда человек просто смотрит или воображает, как эти действия выполняет кто-то другой. Зеркальные нейроны нужны человеку для того, чтобы понимать действия других. Чье-то действие воспринимается посредством чувства, а не размышления. Зеркальные нейроны обеспечивают мимезис, способность к копированию, имитации, которая важна для познавательного развития и для возникновения языка. Имитация лежит и в основе социальной функции. На ней основаны восприятие эмоций других людей. Зеркальные нейроны, считает Д. Риззолатти, — биологический фундамент и всей человеческой культуры. Зеркальные нейроны поглощают культуру прямо, передавая от поколения к поколению через социальный обмен, имитацию и наблюдение. Усвоение языка ребенком без участия зеркальных нейронов было бы невозможно. Права восточная мудрость, что ребенок учится сложному искусству речи без помощи великих учителей. Фактор зеркальных нейронов ведет к пониманию таких загадочных аспектов человеческого разума, как «чтение мыслей», эмпатия, имитация обучения и даже эволюция языка. Высказывается предположение, что все люди обладают телепатическими способностями, которые и позволяют воспринимать чужие чувства²⁶. Отсутствие зеркальных нейронов приводит к психической патологии — аутизму.

Нейрофизиология помогает понять, как устроен мозг. В мозгу все локализовано — и не локализовано. Объекты, которые

²⁶ В переведенной на русский язык книге Марко Якобони «Отражаясь в людях. Почему мы понимаем друг друга» [Якобони 2011] описана удивительная способность человека копировать других (а значит, учиться у них), разделять их чувства (а значит, понимать их), которая заложена в самой природе человека.

мы помним, одновременно живут в нескольких местах. Этим обеспечивается самодостаточность мозга. То, что мы воспринимаем какие-то волны и частоты, — это факт, но мы их воспринимаем, как звонкое, кислое или ароматное. Это субъективный опыт. Генетически предопределена только общая архитектоника мозга, включая и межнейронные связи. Зато микроархитектура центров, участвующих в познавательных функциях, складывается относительно случайно уже в процессе развития. Гений — это не только гены, но и огромная работа личности над собой, плюс труд учителей и влияние социальной среды. «Мозг должен быть наполнен культурой, иначе он пропадет» [Черниговская 2010: 18].

Язык упорядочивает несметное количество сенсорных стимулов, и мозг дает человеку возможность с помощью языка разложить их и объективировать личный опыт, а это — необходимое условие функционирования социума.

В.М. Алпатов в статье «Что такое слово? Выводы нейрофизиологов подтвердили правоту лингвистов» на конкретном примере показал, что учет данных нейрофизиологии помогает в решении фундаментальных вопросов филологии. Например, до сих пор не решена проблема отдельности слова и критериев его выделения из текста, универсальных для всех без исключения языков. Советский японист А.А. Пашковский отмечал, что простую фразу на японском языке *Он читает книгу* в русской транскрипции разные авторы записывали восемью способами. Высказывалось скептическое мнение, что понятие «слово» — это виртуальный конструкт, а не конкретная единица. Нейрофизиологи выяснили, что слова хранятся в памяти человека как бы в готовом виде, что не исключает возможности хранения в памяти более протяженных единиц — от словосочетаний вроде *начальник радиостанции* до целых текстов (молитвы, стихи, текст воинской присяги и т.д.). При этом механизмы хранения исходных единиц и их комбинирования отделены друг от друга, а потому при разных видах афазий может выходить из строя лишь один механизм, а другой при этом сохраняется. Разброс между разными лингвистическими определениями слова объясняется тем, что единицы, хранимые в памяти, вовсе не обя-

зательно должны быть однородными по своим свойствам. Так что выводы нейрофизиологов подтвердили правоту лингвистов, считавших, что только слово имеет в языке объективное бытие или что слова — это кирпичи, из которых строится речь. Однако чисто лингвистическими методами, без обращения к механизмам работы мозга, правомерность этих высказываний доказать не удавалось [Алпатов 2010э].

Филология и география. На стыке географии и языкознания возникла *топонимика* — раздел языкознания, изучающий имена собственные, представляющие названия географических объектов. Поскольку эта дисциплина сложилась сравнительно давно и широко представлена в научной, научно-популярной, справочной и учебной литературе, мы ограничиваемся констатацией самого факта тесной связи двух наук с давней традицией.

В наши дни кооперация филологии с географией привела к возникновению новых направлений научного поиска — гуманитарной географии [Замятин 2003, 2006_а, 2006_б] и фольклорной диалектологии [Праведников 2010].

В заключение следует сказать, что прав был Ф. Энгельс, который в письме к Ф. Лассалю охарактеризовал филологию как «колоссально-обширную науку» [Маркс 1955: 29: 477]. Мы отметили далеко не все связи и отношения филологии с естественными, социально-экономическими и гуманитарными науками. «Срединность» филологии, основанная на вездесущности слова, дает основание полагать, что наша почтенная наука потенциально связана с каждой из существующих и возможных наук.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы вошли в интересную и весьма полезную область познавательной деятельности. Нам теперь известно, что такое филология, чем гуманитарное и в том числе филологическое познание отличается от познания естественно-научного. Мы оглядели обширное поле исследовательского интереса, в котором есть место и для научной, и для вненаучной филологии, увидели, как единая в начале XIX в. наука о слове к концу столетия разделилась на языкознание и литературоведение, прошла путь их раздельного существования, осознала познавательную ущербность этого раскола и ощутила в себе импульс преобразования в современную филологию как внутренне единое знание. Не остался без внимания инструментарий филологии, творчески осваивающей исследовательский опыт других наук. Так что мы готовы осваивать науку о слове во всей ее широте и глубине. Однако для этого нам предстоит освоить ряд научных дисциплин, среди которых «История филологии», «Современные проблемы филологии и филологического образования», «Методология и методы филологического исследования», «Спецфилология», «Культура филологического труда» и «Филологическая информатика».

Пожелаем себе успеха!

Литература

- Авдони́на Л.Н. «Ресторанные» мотивы в поэзии Серебряного века // Русская речь. 2013. № 1. С. 19—24.
- Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Сов. энциклопедия, 1972. С. 974—980.
- Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 544—545.
- Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. М.: КноРус, 2008.
- Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Азиатский музей Российской академии наук: 1818—1918: краткая памятка. Петербург: Российская гос. акад. типогр., 1920.
- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010.
- Альбеткова Р.И. Русская словесность: от слова к словесности: учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2000.
- Андерсон Р.Д. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2006. С. 72—91.
- Андреев Д.Л. Роза Мира. М.: Современник, 1992_а.
- Андреев Д.Л. Изнанка мира: Поэма в прозе // Знание — сила. 1992_б. № 11. С. 99—118.
- Андреева Ю.А. Две стихии (к вопросу о литературной преемственности) // INCIPIO = НАЧИНАЮ: сб. науч. тр. молодых исследователей. Вып. 4. Курск: Изд-во КГУ, 2009. С. 24—29.
- Аннушкин В.И. *Филология и словесность* в классической традиции и современном научно-педагогическом процессе // Русская словесность как основа возрождения русской школы. Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2008. С. 81—90.
- Аннушкин В.И. Что такое филология? // Русская речь. 2012. № 5. С. 39—47.
- Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988.

- Аристотель. Метафизика. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. («Выдающиеся мыслители»)
- Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
- Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // ВЯ. 1987. № 3. С. 3—19.
- Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7—19.
- Баевский В.С. Академик Андрей Николаевич Колмогоров — исследователь стихотворной речи // Известия РАН. Сер. ЛиЯ. 2010. Т. 69. № 5. С. 54—70.
- Балановская Е.В., Балановский О.П. Русь фамильная // Химия и жизнь — XXI век. 2007. № 7. С. 20—25.
- Балановская Е.В., Балановский О.П. Генетические следы исторических и доисторических миграций: континенты, регионы, народы // Вестник ВОГиС. 2009. Т. 13. № 2. С. 401—409.
- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 297—325.
- Бахтин М.М. Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе: Стилистическое значение бессоюзного сложного предложения // РС. 1994. № 2. С. 47—56.
- Бейли Дж. Избранные статьи по русскому литературному стиху. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Бейли Дж. Воспоминания слависта // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск: СГУ, 2009. С. 84—102.
- Белт Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования // Политическая лингвистика. Вып. 2(22). Екатеринбург, 2007. С. 18—25.
- Белый А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 551—556.

- Бельская Г. Игра «Шекспир» // Знание — сила. 2000. № 2. С. 99—109.
- Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006.
- Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // ВЯ. 2008. № 1. С. 37—65.
- Бернал Дж. Науки в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
- Билинкис Я. Доверие к слову // ЛО. 1979. № 1. С. 34—36.
- Благутина В.В. Как устроена память? Системы памяти и их взаимодействие. URL: <http://inauka.ru/analysis/article96468?subhtml>
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 1. Песни Курской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2007.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 2. Песни Архангельской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2008.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 3. Песни Олонецкой губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2009.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 4. Песни Сибири. Курск: Изд-во КГУ, 2010.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря. Курск: Изд-во КГУ, 2005.
- Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание. М.: Юрлитинформ, 2010.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987.
- Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.

- Борисенков А.А. Феномен неявного знания // *Философия и культура*. 2011. № 5. С. 59—66.
- Бродский И. Сочинения. Т. V. СПб.: Пушкинский фонд, 1999.
- Будагов Р.А. О некоторых общих проблемах филологии // *ФН*. 1976. № 1. С. 14—23.
- Будаев Э.В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафорики // *Политическая лингвистика*. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 67—74.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006_а.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики // *Политическая лингвистика*. Вып. 20. Екатеринбург, 2006_б. С. 75—94.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // *Политическая лингвистика*. Вып. (1)22. Екатеринбург, 2007. С. 22—31.
- Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Роман. Театральный роман. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1992.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Вигурский К.В., Пильщиков И.А. Филология и современные информационные технологии (К постановке проблемы) // *Известия РАН. Сер. ЛиЯ*. 2003. Т. 62. № 2. С. 9—16.
- Вигурский К.В., Пильщиков И.А. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»: состояние и перспективы // *Труды ОИФН*. М.: Наука, 2005. С. 387—397.
- Виноградов В.В. О языке Толстого (50—60-е годы) // *Литературное наследство*. Т. 35—36. М., 1939. С. 117—220.

- Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Минпроса РСФСР, 1959. С. 207—226.
- Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук (Выпуск первый. Задачи филологии) // Проблемы структурной лингвистики 1978. М.: Наука, 1981. С. 3—58.
- Виролайнен М.Н. Филология XXI века как естественно-научная дисциплина // Труды ОИФН РАН. 2007. М.: Наука, 2009. С. 113—118.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. — М.: Гнозис, 1994.
- Волков А.А. Язык и мышление: Мировая загадка. М.: Изд-во ЛКИ, 2007_а.
- Волков А. Бегущие по лезвию интуиции // Знание — сила. 2007_б, № 9. С. 4—9.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. М.: РУДН, 2008.
- Воробьев К. Вот пришел великан... // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Курск: ИД «Славянка», 2008.
- Воронцов В.А. Антропо-социо-культурогенез и техника тела // Человек-век. 2012. № 5. С. 136—141.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание соч. в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5—361.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
- Галеев К. Почему капитализм возник не в Китае // Знание — сила. 2013. № 3. С. 48—54.
- Галяшина Е.И. Лингвистика VS экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический мир, 2006.
- Гамкрелидзе Т.В. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // ВЯ. 1988. № 3. С. 5—8.
- Гамкрелидзе Т.В. Новая парадигма в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании: к реконструкции индоевропейского

- праязыка и индоевропейской протрокультуры // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 7—22.
- Гаспаров М.Л. Филология как нравственность // ЛО. 1979. № 10. С. 26—27.
- Гаспаров М.Л. Точные методы анализа грамматики в стихе // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998₆. С. 168—181.
- Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М.: Изд-во РГГУ, 2000.
- Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Гаспаров М.Л. Примечание псевдофилософское // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 100—102.
- Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Сер. ЛиЯ. Т. 61. 2002. № 4. С. 3—9.
- Герасимова И.А. [Рец.] Н.Т. Абрамова. Несловесное мышление. М.: Ин-т философии РАН, 2002 // ВФ. 2004. № 7. С. 180—182.
- Герд А.С. Еще раз о понятии «этнолингвистика»: Язык, этнос, культура, политика // Языки и народ: Социolingвистическая ситуация на Северо-Западе России: сб. ст. СПб., 2003. С. 121—132.
- Герд А.С. Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века (Заметки дилетанта) // ЯЛИК. 2008. № 74. С. 14—15.
- Гин Я.И. Избранные работы. СПб.: Академический проект, 1996.
- Гиндин С.И. Г.О. Винокур в поисках сущности филологии // Известия РАН. Сер. ЛиЯ. 1998. Т. 57. № 2. С. 3—18.
- Гладкий А.В. О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках // ВЯ. 2007. № 5. С. 22—38.
- Гладкий А.В., Мельчук И.А. Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969.
- Голдинг У. Избранное: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 1996.
- Гончаров И.А. Е.А. Нарышкиной // Литературное наследство. Т. 87. М.: Наука, 1977_а. С. 13—17.

- Гончаров И.А. С.А. Толстой // Литературное наследство. Т. 87. М.: Наука, 1977₆. С. 19—22.
- Горбаневский М.В. Словом можно убить, словом можно спасти: Беседа с М.В. Горбаневским // Русская речь. 2003. № 6. С. 52—67.
- Горбаневский М.В., Максимов В.О. Времен связующая нить: Фамилии — памятники языка, истории, религии, культуры народов России. М.: ИИЦ «История фамилии», 2008.
- Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
- Григорьев А.А. Концепт и его лингвокультурологические составляющие // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 64—76.
- Гримак Л.П., Кордовский О.С. Системы формирования жизненных резервов человека // Человек. 2009. № 1. С. 143—150.
- Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 30—108.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: Танаис, 1994.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?: пер. с фр. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. № 3. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 32—43.
- Джегутанов Б.К., Стрельченко В.И., Балахонский В.В., Хон Г.Н. История и философия науки: учеб. пособие для аспирантов. СПб.: Питер, 2006.
- Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991.
- Егоров Б.Ф. О письмах Ю.М. Лотмана // Лотман Ю.М. Письма. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 7—12.
- Журавлёв А. Ф. Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М.: Индрик, 1994.

- Журавлёв А.Ф. Интуиция этимолога // Этимология 2006—2008. М.: Наука, 2010. С. 3—23.
- Журавлёв В.К. Истоки лингвистического мировоззрения XX века // Язык: теория, история, типология. М., 2000. С. 33—95.
- Зайцев Б. Далекое. М.: Сов. писатель, 1991.
- Зализняк А.А. Лингвистика по А.Т. Фоменко // ВЯ. 2000. № 6. С. 33—68.
- Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир: Московские учебники, 2009_а.
- Зализняк А.А. О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь. 2009_б. № 1. С. 16—24; № 2. С. 54—62.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетей, 2003.
- Замятин Д.Н. Образы реки // Человек. 2006_а. № 5. С. 31—36.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006_б.
- Зданович Г.Б. Аркаим. Арии на Урале, или Несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. С. 21—42.
- Зелинский Ф. Филология // Энциклопедический словарь. Т. XXXV^а (70) / издатели Ф.А. Брокгауз и А.И. Ефрон. М.: Terra—TERRA, 1993. С. 811—816.
- Зенкин С. Идеология языка (Заметки о теории, 12) // НЛО. 2005. № 76. С. 342—350.
- Золотухин В. [Интервью] // КО. 2002. № 43. С. 3.
- Зорькина О.С. Опсихолингвистическом подходе к изучению текста // Языки культуры: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003. С. 205—210.
- Иванова Е.А. Научный и институциональный контекст формирования лингво-семиотических взглядов А.А. Реформатского // Известия РАН. Сер. ЛиЯ. 2011. Т. 70. № 3. С. 47—61.

- Игнатченко М.В. Онтогностика словообразовательного гнезда глагола *бить* // Проблемы лингвистической прогностики. Вып. 5. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. С. 23—27.
- Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. Гносеологический анализ. М.: Высш. шк., 1985.
- Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русского языка. 2011. № 2. С. 64—79.
- Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
- Касаткин Л.П., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный: проблема авторства сказки «Конек-Горбунок» // Известия РАН. Сер. ЛиЯ. 2012. Т. 71. № 5. С. 23—45.
- Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации; серия монографий «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 5. Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. Ч. 3. Границы познания: Исследования бытовой философии языка и метакоммуникации. С. 241—325.
- Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
- Клинг О.А. Андрей Белый: идея синтеза «точных знаний» и гуманитарных наук // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2009. № 4. С. 29—35.
- Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Наука, 1993.
- Ключевский В.О. Ф.И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М.: Русская книга, 2003. С. 527—533.
- Князева Е. Телесная природа сознания // Телесность как эпистемологический феномен. М.: ИФРАН, 2009. С. 31—70.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодообраивание // ВФ. 1994. № 2. С. 110—122.
- Кожин В.В. Об изучении «художественной речи» // Контекст 1974. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. С. 248—274.

- Козырев В.А. Черняк В.Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
- Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая возможность. М.: Per Se; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Красильникова Н.А. «В плену у русского медведя», или современная Россия в метафорах британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. Вып. (1)21. Екатеринбург, 2007. С. 92—97.
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. М.: Гнозис, 2002.
- Краюхин С. Поверив алгеброй гармонию «Слова...», поэт обнаружил серебряное сечение // Известия. 01.02.1995. С. 7.
- Кривцун О.А. Аура произведения искусства: узнаваемое и ускользящее // Человек. 2010. № 3. С. 107—119.
- Кузнецов И.Н. Научное исследование: Методика проведения и оформление. М.: Дашков и К°, 2004.
- Кузнецова А.И. Динамика русских глаголов движения с XI по XX век: монография / под ред. проф. А.А. Кретова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010.
- Кюхельбекер В.К. Парижская лекция // Литературное наследство. Т. 59. М.: Наука, 1954.
- Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. С. 59—71.
- Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 264—279.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983.
- Лем Ст. Философия случая: пер. с пол. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005.
- Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конференции. Т. 1. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 92—100.

- Лец С.Е. Почти все. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
- Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения // ВЛ. 1968. № 8. С. 74—87.
- Лихачёв Д. Связь всех связей // ЛО. 1979. № 1. С. 37.
- Лихачёв Д.С. Литература — Реальность — Литература. Л.: Сов. писатель, 1981. Переиздание: Л.: Сов. писатель, 1984.
- Лихачёв Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. Т. 2—3. СПб.: АРС, 2006.
- Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2010.
- Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 379—578.
- Лотман Ю.М. Литературоведение должно быть наукой // ВЛ. 1967. № 1. С. 90—100.
- Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972.
- Лотман Ю. Этот трудный текст... // ЛО. 1979. № 3. С. 47—48.
- Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Мандельштам О.Э. А. Блок // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. литература, 1990_г. С. 187—199.
- Мандельштам О.Э. Письмо о русской поэзии // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. литература, 1990_г. С. 263—266.
- Марков М. Оглянись в любви своей // ЛО. 1979. № 3. С. 48—50.
- Маркс 1955 — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29.
- Масальская Е.А. Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2012.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
- Математика и филология: круглый стол, посвященный 70-летию ректора МГУ В.А. Садовниченко // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2009. № 4. С. 7—10.

- Махмурян К.С. Содержание понятия «филология» и «филологическая компетенция» на современном этапе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 202—207.
- Маяковский В.В. Как делать стихи? // Маяковский В.В. Собрание соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Правда, 1968. С. 466—500.
- Мейлах Б.С. Литературоведение // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 331.
- Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998.
- Москвин В.П. Понятие текста и критерии текстуальности // Русская речь. 2012. № 6. С. 3748.
- Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч. в четырех томах. Т. 4. М.: Правда, 1990. С. 133—302.
- Набоков В. Пнин // Набоков В. Bend Sinister: Романы: пер. с англ. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 158—301.
- Нагибин Ю. До новой встречи, Алан! // Иностранная литература. 1975. № 7. С. 239.
- Нагибин Ю.М. Дневник. М.: Книжный сад, 1996.
- Налимов В.В. Разбрасываю мысли. Впути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Нерознак В.П. Теория словесности: старая и новая парадигмы // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 5—8.
- Никитин О.В. Что такое филология? // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2010. № 1. С. 23—30.
- Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 631—692.
- Новый гуманитарий в поисках идентичности: Театрализованное научное действо в нескольких картинах, с интермедиями, прологом и эпилогом / материалы действия подготовил и обработал Д. Устинов // НЛО. 2002. № 55. 174—220.

- Носов Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русский путь, 2005.
- Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988.
- Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
- Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 280—294.
- Осипов В. Злое бремя «Тихого Дона» // КО. 1999. № 18—19. С. 6.
- Павлов И.П. Лекции по физиологии. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Перцов Н.В. О точности в филологии // ВЯ. 2009. № 3. С. 100—124.
- Пильх Г. Язык или языки? Предмет изучения лингвиста // ВЯ. 1994. № 2. С. 5—28.
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1985.
- Поливанов Е.Д. И математика может быть полезной // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 287—294.
- Полиниченко Д.Ю. Политические мифологемы фолк-лингвистики // Политическая лингвистика. № 4 (34). Екатеринбург, 2010. С. 196—203.
- Пономарёв Л.И. Подзнакомкванта. М.: Наука, 1989.
- Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
- Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010.
- Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К. Леви-Строссу) // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 566—584.
- Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
- Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы «Круглого стола») // ВФ. 2001. № 6. С. 3—31.

- Путилов Б.Н. Б.Н. Путилов. Фольклор и народная культура; In memo-
riam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М.: Изд-во МГУ,
1965.
- Риттер П. Филология // Энциклопедический словарь Русского би-
блиографического института Гранат. Т. 43. 7-е изд., перераб. М.: Гос.
тип. имени Ивана Федорова, [1926]. Стлб. 511—512.
- Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М.: Высшая
школа, 1979.
- Рожкова Н.Е. «Читаю взахлеб мемуары» // Человек. 2009. № 1.
С. 180—189.
- Розин В.М. Природа и особенность гуманитарного познания и нау-
ки // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
С. 59—93.
- Розин В.М. Мышление и творчество. М.: Per Se, 2006.
- Розов М.А. О соотношении естественно-научного и гуманитарного
познания // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс-Традиция,
2005. С. 23—58.
- Русина Е.А. Параязык в русском и английском художественном тек-
сте. Курск: Изд-во КГУ, 2007.
- Русинов Н.Д. Математические методы лингвистики и преподавание
вузовских дисциплин цикла «Русское языкознание» // Спорные
вопросы русского языкознания. Теория и практика: межвуз. сб. Л.:
Изд-во ЛГУ, 1983. С. 34—47.
- Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: анто-
логия / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997.
- Савченко В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немец-
кой паремиологической картине мира: автореф. дис. ... канд. филол.
наук. Курск: КГУ, 2010.
- Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым: пер. с англ. М.: Про-
гресс, 1987.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Про-
гресс, 1993. С. 594—610.

- Серебряная И.Б. Русская критика на страже грамматической правильности // Русская речь. 2011. № 1. С. 3—10.
- Симонов П.В. Мозг и творчество // ВФ. 1992. № 11. С. 3—24.
- Скворцов Л.И. Судьба социальных диалектов // Очерки русской культуры XIX века. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М., 2005. С. 581—591.
- Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
- Стальная Г. Булгаковские зеркала // Знание — сила. 1998. № 1. С. 144—152.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Степанов Ю.С. Филология // Русский язык: Энциклопедия. М.: Научное изд-во «Большая советская энциклопедия», 2003. С. 592—596.
- Степанюк Ю.В. Перевод описаний культурно-специфических жестов в художественной литературе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 56—66.
- Телесность как эпистемологический феномен. М.: ИФРАН, 2009.
- Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. М.: ГИХЛ, 1962.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 1, 4, 7, 21. М.: Худ. литература, 1978, 1979, 1981, 1985.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: Терра, 1992 (отдельные тома).
- Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: Правда, 1972.
- Толстой Н.И. Языки и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 5—14.
- Трубачёв О.Н. Беседы о методологии научного труда («Трактат о хорошей работе») // РС. 1993_а. № 1. С. 3—12.
- Трубачёв О.Н. Образованный филолог // РС. 1993_б. № 2. С. 3—13.

- Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Тарту: Валгус, 1987.
- Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2008.
- Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1980. С. 39—222.
- Уайтхеда. Избранные работы по философии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
- Унбегаун Б.-О. Русские фамилии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
- Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий // Унбегаун Б.О. Русские фамилии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 336—364.
- Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Успенский В.А. Колмогоров и филологические науки // Вестник МГУ. Сер. 9. 2009. № 6. С. 11—20.
- Ушаков А. Рукопись Шолохова, найденная в Камергерском переулке // Наука и жизнь. 2000. № 1. С. 24—25.
- Ушакова Л.И. Русские пословицы о языке в лингвистическом и методическом аспектах // Русская словесность как основа возрождения русской школы. Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2008. С. 138—142.
- Фатеева Н.А. Неологизмы-термины как элементы индивидуальной «поэтической филологии»: возможности словарного представления // Известия РАН. Сер. ЛиЯ. 2012. Т. 71. № 5. С. 46—56.
- Фёдоров В.В. Быть хозяйской своего дома // ЛО. 1979. № 1. С. 37.
- Фёдоров В.В. О природе поэтической реальности: монография. М.: Сов. писатель, 1984.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. М.: Наука, 1992.
- Фелберг Т. Путь Сербии в Европу по метафорам Зорана Джинджича // Политическая лингвистика. Вып. 2(22). Екатеринбург, 2007. С. 79—86.

- Фет А.А. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худ. литература, 1982. С. 41—278.
- Философия и филология. Круглый стол // НЛО. 1996. № 17. С. 45—93.
- Флоренский П.А. Строение слова // Контекст 1972: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1973.
- Фрумкина Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия АН. Сер. ЛиЯ. 1999_а. Т. 58. № 1. С. 3—10.
- Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики — вчера и завтра // Известия РАН. Сер. ЛиЯ. 1999_б. Т. 58. № 4. С. 28—38.
- Хейзинга Й. НОМО LUDENS: Человек играющий: ст. по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
- Хенсон Д. Глобальная модель политической социализации // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 73—78.
- Хоукс Н. Слово, открывающее истину // За рубежом. 1990. № 44. С. 20—21.
- Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура». Курск: Изд-во ГУИПП «Курск», 2000.
- Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику. М.: Флинта: Наука, 2010.
- Хроленко А.Т. Что такое филология? // Русский язык в школе. 2010. № 5. С. 24—29.
- Хроленко А.Т., Бобунова М.А., Бобунов А.М. Кросскультурная лингвофольклористика: становление, методология, перспективы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008.
- Хроленко А.Т., Денисов А.В. Современные информационные технологии для гуманитария. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Цивьян Ю. На подступах к карпалистике: Движение и жест в литературе, искусстве и кино. М.: НЛО, 2010.
- Чапек К. История дирижера Калины // Чапек К. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Худ. литература, 1974. С. 514—519.
- Черниговская Т.В. Язык, мозг и компьютерная метафора // Человек. 2007. № 2. С. 63—75.

- Черниговская Т.В. В поисках «грамматического» гена // Наука и жизнь. 2010. № 6. С. 14—18.
- Чернявская Ю.В. Культура явная и скрытая // Человек. 2005. № 4. С. 5—12.
- Чехов А.П. О литературе. М.: ГИХЛ, 1955.
- Чехов А.П. Переписка А.П. Чехова: в 2 т. М.: Худ. литература, 1984
- Чувакин А.А. Основы филологии: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Чуйков П.Л. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: общность мотивов // Русская речь. 2013. № 1. С. 13—18.
- Чуковский К.И. Дневник (1901—1929). М.: Сов. писатель, 1991.
- Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. 2-е изд. М., 2007.
- Шадрина О.Н. Человек, природа и культура в «Избирательном средстве» Гёте // Человек. 2009. № 3. С. 164—172.
- Шайкевич А.Я. Дифференциальные частотные словари и изучение языка Достоевского (на примере романа «Идиот») // Слово Достоевского: сб. ст. М.: РАН, ИРЯ им. В.В. Виноградова, 1996. С. 195—253.
- Шайкевич А.Я., Андрищенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянских культур, 2003.
- Шапир М.И. Филология как фундамент гуманитарного знания: Об основных направлениях исследований по теоретической и прикладной филологии // Антропология культуры. Вып. 1: сб. к 75-летию Вяч.Вс. Иванова. М.: ОГИ, 2002. С. 56—67.
- Шапир М.И. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // ВЯ. 2005. № 1. С. 43—62.
- Швец А.В. Наивное литературоведение в лексиконе языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.

- Шевченко В.В. Человек зодиака // Человек. 2004. № 2. С. 54—66.
- Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. Вып. 6. Саратов, 2000.
- Шейгал Е.И., Буряковская В.А. Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса: пособие к спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2002.
- Шкляр М.Ф. Основы научных исследований: учеб. пособие. М.: Дашков и К^о, 2007.
- Шумарина М.Р. «Ты — выше цены и расценки...» (Стихотворение Я. Смелякова «Русский язык») // РЯШ. 2013. № 1. С. 57—64.
- Щерба Л.В. Из лингвистического наследия Л.В. Щербы // ВЯ. 1962. № 2. С. 96—101.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- Этинген Л.Е. Волосы и ногти // Человек. 2002. № 5. С. 145—157.
- Якобони Марко. Отражаясь в людях Почему мы понимаем друг друга. ЮнайтедПресс, 2011.
- Якобсон Р.О. К языковедческой проблематике сознания и бессознательного // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 156—167.
- Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту содержащий: разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и Технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: Астрономические, Математические, Медицинские, Анатомические, Химические, Юридические, Коммерческие, Горные, Музыкальные, Военные, Артиллерийские, Фортификационные, Морские и многие другие ж означающие Придворные, Гражданские и Военные чины, достоинства, должности и проч. как древних, так и нынешних времен. Ч. 3. От О до Ѳ. СПб.: Имп. Акад. наук, 1806.
- Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана) // Контекст-1983: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1984. С. 197—236.

- Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / общ. ред. М.И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Britannica — The New Encyclopedia Britannica: Micropedia. Vol. 9. Chicago, 1994.
- Kotarbiński T. Traktat o dobrej robocie. Wyd 5. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1973.
- АиФ 2006 — Аргументы и факты, 2006.
- [Березин И.Н.] Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. Отд. IV. Т. III. СПб.: Типогр. тов-ва «Общественная польза», 1878. С. 215.
- БРЭ — Большая Российская энциклопедия: в 30 т. Т. 1, 8. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005, 2007.
- БЭ — Большая энциклопедия в шестидесяти двух томах. М.: Терра, 2006.
- Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978—1980.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: пер. с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- МАС — Словарь русского языка: в 4 т. Т. I—IV. М.: Рус. яз., 1981—1984.
- НИЭ — Новая иллюстрированная энциклопедия: в 20 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000—2001.
- Новейший ФС — Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998.
- Поливанов Е.Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2010.

САР — Словарь Академии Российской 1789—1794: в 6 т. М.: МГИ, 2001.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т.1 / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.

Алпатов В. Что такое слово? Выводы нейрофизиологов подтвердили правоту лингвистов. URL: <http://inauka.ru/linguistic/article102121/>

Аннушкин В.И. Словесные науки в Словаре Академии Российской. URL: <http://old.portal-slovo.ru/rus/philology/russian/586/12330>.

Дерягина З. Вздорнов. URL: <http://www.narodinfo.ru/articles/56971.html>

Каталог сетевых ресурсов по русской филологии и фольклору / сост. К.В. Вигурский, И.А. Пильщиков // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/feb/sites.htm>

Машина расшифровала мертвый язык. URL: <http://inauka.ru/news/article102406?subhtml>

Отзыв о журнале «Philologica» из изд.: КО. URL: http://www.rvb.ru/philologica/00orus/00orus_responses.htm

Фрумкина Р. Несколько слов о нынешней ситуации в гуманитарных науках. URL: <http://www.polit.ru/dossie/2007/05/15/frumkina.html>

Шейгал Е.И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: сб. науч. тр. Вып. 1. Волгоград: Политех, 2001. С. 157—161. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm>

<http://inauka.ru/fact/article90830>

http://www.alestep.narod.ru/num/o_pre.html

<http://www.glossary.ru>

<http://www.iling-ran.ru/>

<http://www.inauka.ru/analysis/article76880?subhtml>

<http://www.inauka.ru/news/article76498?subhtml>

<http://www.inauka.ru/news/article86389?subhtml>

<http://www.lan.krasu.ru>

http://www.peoples.ru/science/philology/kirill_taranovskiy/index.html

http://www.philol.msu.ru/pdfs/o-reforme-obrazovaniya_philol2012.pdf

<http://www.post.semiotics.ru/filolog.htm>

http://www.rvb.ru/philologica/oorus/oorus_about.htm

Учебное издание

Хроленко Александр Тимофеевич

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОЛОГИЮ

Учебное пособие

Подписано в печать 07.04.2014. Формат 60(88)/16. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 15,68. Уч.-изд. л. 11,32.

Тираж 500 экз. Изд. № 2935. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90